

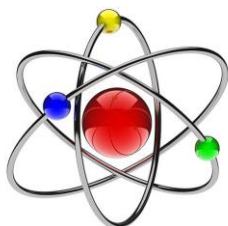
СЕТЕВОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ * <http://WWW.NOO-JOURNAL.RU> * ISSN 2311-1763

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-53538 от 04 апреля 2013 г. Роскомнадзора

SCIENCE. SOCIETY. DEFENCE
NAUKA. OBŖESTVO. OBORONA

*«Каждый должен встать
за свою страну и за свой народ
словом, письмом и делом»*

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год

NOO-JOURNAL.RU

НАУКА ОБЩЕСТВО ОБОРОНА

ISSN 2311-1763

9 772311 176774 >

МОСКВА

Том **9** № **1**
Vol. **2021**

СОДЕРЖАНИЕ

Общественная и государственная безопасность

Синицын М. В., Макушин А. В., Суржик Д. В. «Турбулентная» весна 2020 г. в США: идейные истоки, риски и последствия для политической жизни

Семёнов В. С. Деятельность органов власти и управления Астраханской губернии в условиях наводнения 1926 года

Миграционные процессы в глобальном мире

Сагитова В. Р. Миграционные стереотипы в межкультурных коммуникациях

История экономической мысли

Комаров А. В., Мартюкова В. М. Развитие экономических идей в Российской империи в первой половине XIX века

Международные отношения

Jens Nielsen. The Civil Wars in the High North (1918–1920) and their consequences for Norway.

Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность

Историческая политика

Соклаков А. Ю. Реконструкция финского воинского кладбища в Приморске (бывшем Койвисто) в информационно-идеологическом контексте

История верований, религий и церквей

Самойловский А.Л., Алипичев В.Н. Новомученики и исповедники Юго-Западного викариатства города Москвы (Россия)

Историография

Soldatenko V. F. The revolutionary era of 1917 – 1920 in the fate of the people of Ukraine: historical experience in assessing modern historiographic concepts

Военная безопасность

Семёнов В. Н. История подводных лодок с крылатыми ракетами Тихоокеанского флота СССР

CONTENTS

PUBLIC AND STATE SECURITY

Sinitsyn M. V., Makushin A. V., Surzhik D. V. “Turbulent” spring 2020 in the USA: ideological sources, risks and consequences for political life

Semenov V. S. Activities of the authorities and administration of the Astrakhan province in the flood of 1926

MIGRATION PROCESSES IN THE GLOBAL WORLD

Sagitova V. R. Migration stereotypes in cross-cultural communications

HISTORY OF ECONOMIC THEORIES, DOCTRINES, DOGMAS

Komarov A. V., Martjukova V. M. Development of economic ideas in the Russian Empire in the first half of the XIX century.

INTERNATIONAL RELATIONS

Jens Nielsen. The Civil Wars in the High North (1918–1920) and their consequences for Norway.

Grishin Y. Y., Galiullin M. Z., Kadyrov R. R. Prometheism one of the tools of the anti-soviet struggle II Polish-Lithuanian commonwealth in 1918-1932: history and modernity.

HISTORICAL POLICY

Soklakov A.Yu. The reconstruction of the Finnish military cemetery at Primorsk (former Koivisto) in the information and ideological context

HISTORY OF FAITH, RELIGION, DENOMINATION OR CHURCH

Samoylovskiy A. L., Alipichev V. N. New Martyrs and Confessors of the South-West Vicariate of the City of Moscow (Russia)

HISTORIOGRAPHY

Soldatenko V. F. The revolutionary era of 1917 – 1920 in the fate of the people of Ukraine: historical experience in assessing modern historiographic concepts

MILITARY SECURITY

Semenov V. N. The history of submarines with cruise missiles in the Pacific fleet USSR

УДК: 351

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-1-1

Поступила в редакцию: 09.12.2020 г.

Submitted: December 9, 2020

Опубликована: 14.01.2021 г.

Published online: January 14, 2021

Для цитирования: Синицын М. В., Макушин А. В., Суржик Д. В. «Турбулентная» весна 2020 г. в США: идейные истоки, риски и последствия для политической жизни. *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 1-1. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-1-1.

For citation: Sinitsyn M. V., Makushin A. V., Surzhik D. V. "Turbulent" spring 2020 in the USA: ideological sources, risks and consequences for political life. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):1-1. (In Russ.) DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-1-1.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Оригинальная статья

«Турбулентная» весна 2020 г. в США: идейные истоки, риски и последствия для политической жизни

М. В. Синицын¹, А. В. Макушин², Д. В. Суржик^{3, 4}

¹ Научно-исследовательский центр «Репократия»,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4480-5789>, e-mail: m.v.sinitsyn@gmail.com

² Фонд содействия патриотическому воспитанию «Ист-патриотика»,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6237-5260>, e-mail: a.v.mackushin@yandex.ru

³ Центр по изучению войн и геополитики Института всеобщей истории РАН,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4865-6821>, e-mail: dimsu@inbox.ru

⁴ Центр по истории Второй мировой войны
Государственного академического университета гуманитарных наук,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4865-6821>, e-mail: dimsu@inbox.ru

Аннотация:

Весной-летом 2020 года в различных городах США прошли массовые беспорядки, спровоцированные гибелью афроамериканца Джорджа Флойда. Имевший и ранее приводы в полицию, Флойд погиб от удушья во время задержания по подозрению в совершении преступления. Видеозапись задержания с моментом удушения Флойда полицейским Дерекком Шовином вызвала массовые акции неповиновения властям, обнажив многие идеологические, политические и социально-экономические проблемы в США. В докладе содержится авторский

краткосрочный прогноз вероятного развития ситуации. В статье, разработанной летом 2020 г., авторы ставили целью рассмотреть причины и вероятные предпосылки развития массовых беспорядков в США, включая ответ федеральных властей на широкие акции неповиновения (с учетом предстоявшей тогда предвыборной президентской гонки). Авторы выделяют четыре основных фактора, которые оказали влияние на возникновение и развитие конфликта. Во-первых, взятые «на вооружение» Демократической партией США троцкистские методы, которые заключаются в раскачивании американской политической системы под предлогами борьбы за права различных меньшинств. Избрание первого чернокожего президента (Б.Х. Обамы) знаменовало собой постепенное нагнетание в обществе «расового вопроса», которое наиболее наглядно проявилось в «войне с памятниками» руководителям проигравшей стороны в Гражданской войне 1861 – 1865 гг. Во-вторых, в ходе массовых беспорядков весны-лета 2020 г. в Соединенных Штатах удалось избежать массового применения оружия, которое находится на руках у частных лиц и частных военных компаний. В-третьих, в ходе рассматриваемых массовых беспорядков в США очевидным стал откровенный саботаж решений Д. Трампа по использованию Армии США и Национальной Гвардии против мятежников. В-четвертых, Республиканская партия США, сосредоточившись на «исправлении» итогов внешней политики Б.Х. Обамы, не сумела предложить конструктивную программу и проиграла президентские выборы 2020 года. Однако это не означает, что «политике большой дубинки» Соединенных Штатов пришел конец.

Ключевые слова:

Соединенные Штаты Америки, Конституция США, Антифа, консерватизм, либерализм, Север и Юг, «серые зоны», политическая культура, массовые беспорядки, ЧВК

ВВЕДЕНИЕ

Главными идеями, с которым выступали протестующие в США в конце мая – середине июня 2020 г., были гражданская свобода (за счет ограничений прав полиции) и равноправие перед законом, которое, однако, быстро выродилось в черный (анти)расизм по отношению к белокожему населению, уничтожение памятников (не только американским генералам-конфедератам) и унижительные акции. Радикализации протеста, как мы полагаем, способствуют три фактора. Во-первых, нечеткие положения Конституции и Билля о правах, где говорится о гражданской свободе как высшей ценности. Во-вторых, в связи с этим, в США была выстроена политическая система, которую характеризуют перманентная борьба органов власти, уравновешенных в своих потенциалах (если рассматривать «горизонтальные» срезы, то есть на одном уровне полномочий) [1]. В-третьих, отсутствие у государствообразующих политических партий конструктивной и универсальной повестки после того, как пал последний геополитический противник США – Советский Союз. Наконец, в четвертых, **радикализации и обретению «левых триггеров» любой формы протеста способствует инфильтрация в американскую политическую элиту идей и методов троцкизма еще в 1930-х гг.** (1). Поэтому любое недовольство «раскачивается» оппозиционными политиками в своих личных сиюминутных интересах (2).

У центральной власти в США (в силу не столько личных, сколько объективных, связанных с «уравновешенностью», описанной выше) нет единой позиции по вопросу противодействия массовому протестному движению. С одной стороны, действующий президент США находится в состоянии цугцванга перед началом президентской гонки. Поэтому, очевидно, Д. Трамп высказывается в духе необходимости соблюдения Конституции и оставляет борьбу с беспорядками отдельным губернаторам, ограничившись лишь вводом Национальной гвардии в столицу. С другой стороны, в Вашингтон не были введены регулярные войска из-за несогласия с этим решением министра обороны М. Эспера. Налицо прямое неподчинение кадрового военного, подполковника в отставке и опытного политика Эспера приказу Верховного Главнокомандующего, которое было озвучено в ходе специально созванной пресс-конференции [2]. В этой связи отметим, что **Д. Трамп последовательно ухудшал отношения со всеми видами войск Вооруженных сил США:** с Корпусом морской пехоты и Военно-морскими силами – отставкой Д. Мэттиса, с воздушно-десантными войсками Армии США – в лице М. Эспера.

АКТИВИЗАЦИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ИГРОКОВ

Паралич исполнительной власти ведет к активизации негосударственных игроков. В футуристических прогнозах Национального совета разведки США (НСР) и аналитической корпорации «РЭНД»

уже неоднократно отмечалось, что к 2030 г. Соединенные Штаты уйдут с позиции мирового лидера, а внутри страны начнется транзит полномочий государственной власти в пользу негосударственных игроков [3]. Основными инструментами этого процесса внутри страны и во внешней политике США, как мы полагаем, станут транснациональные корпорации (ТНК) и связанные с ними частные военные компании (ЧВК) [4]. Крупнейшие мировые ТНК, расположенные в США, уже поддержали решение основной части губернаторов штатов объявить мораторий на использование регулярных войск и Национальной гвардии против участников народных волнений. Они также и поддержали требования «уважительного отношения» к чернокожим [5].

Как показывают примеры из российской истории, при параличе власти (будь то осень 1917 г. или «парад суверенитетов от СССР» в начале 1990-х гг.) ее функции на местах берут на себя незаконные вооруженные формирования (будь то «боевка» партии социалистов-революционеров или же «Вооруженные силы Ичкерии»). Они вполне способны установить контроль над территориями, которые стали «серыми зонами» (4). При этом если парамилитарные формирования осуществляют силовой контроль, то экономические аспекты достаются избранным частным компаниям.

Потенциальную взрывоопасность конфликту граждан и власти в США придает наличие на руках у американского населения огромного количества как травматического, так и летального оружия: 120,5 единиц оружия на 100 жителей Соединенных Штатов [6]. Наличие подобного арсенала может привести к неконтролируемому его использованию. Скатыванию отдельных городов США в состояние «серой зоны» способствуют массовые публичные акции по «покаянию» полицейских и солдат Национальной гвардии, проводимые по приказу гражданских властей. Эти шаги способствуют поляризации сотрудников государственных органов власти: снижению их моральной ответственности относительно власти и присяги вплоть до непротивления и даже дезертирства в ряды повстанцев – с одной стороны, а с другой – образованию высокомотивированного антиповстанческого меньшинства, ярким примером которого являются украинские «территориальные батальоны», возникшие после государственного переворота конца 2013 – весны 2014 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пример массовых беспорядков весны-лета 2020 г. в США несет в себе ряд важных уроков. Во-первых, в области конституционного строительства: нежизнеспособность идеи о том, что гражданская свобода есть следствие уравновешенно-конкурирующих органов государственной власти. Во-вторых, недопустимости поддержки радикальных действий со стороны публичных политиков. В-третьих, о недопустимости «исторического примирения» между враждовавшими в прошлом силами за счет унижения одной из них (3).

Обращаясь к вероятным сценариям ситуации, отметим, что Республиканская партия, увлекшись внешнеполитической повесткой, упустила внутривнутриполитические проблемы и фактически отдала их на откуп популистам из Демократической партии. Нерешительность Д. Трампа по наведению порядка и его проблемные отношения с министрами обороны (тем более представляющими разные виды вооруженных сил и рода войск) лишают его поддержки и в рядах армии США. Таким образом, Трамп раскалывает даже своих сторонников (5). В условиях, когда протестующие и Демократическая партия задают повестку, а республиканец-президент старается не реагировать на нее, дальнейшее промедление будет стоить ему президентского кресла. Единственный шанс республиканцев на сохранение власти – попытка сплотить страну перед лицом внешней угрозы (6).

Можно предполагать, что лидеры Демократической партии, придя в Белый дом в начале 2021 г., осуществят комплекс мер: «транзит власти» от государства негосударственным игрокам наряду со «стратегией анаконды» в отношении самоорганизовавшихся коммун протестующих. Решиться на применение силы они смогут, лишь используя внешнеполитический предлог (как было с бомбардировками Югославии в 1999 г.). И такой предлог есть: активизация боевых действий в Юго-Восточных регионах Украины. Таким образом, сможет сработать повторный сценарий отвлечения массового внимания на внешний конфликт для того, чтобы решить внутренние противоречия.

Примечания

1. Отметим, что Министерство внутренней безопасности США (далее – МВБ), весьма объективно смотрит на ситуацию и не уподобляется отдельным политикам, бездоказательно заявляющими о «внешних спонсорах» гражданских беспорядков в США. [7].
2. Здесь показательна публичная поддержка протестующим от лица кандидата в вице-президенты США от Демократической партии США чернокожей К. Харрис. [8].
3. Мы полагаем, что нынешняя «война памятников» есть прямое продолжение событий 2015 г., когда единичная акция (стрельба по чернокожим прихожанам в церкви) при попустительстве администрации Б.Х. Обамы переросла в массовый вандализм по отношению к памятникам генералам Юга. См. подробнее [9].
4. Мы оперируем этим термином в рамках определения, данного соответствующим уставом Командования специальных операций США. [10].
5. Признаком недовольства Трампом среди элиты Республиканской партии и фактом, несомненно «работающим против» него можно считать готовящийся выход в свет мемуаров его бывшего советника по национальной безопасности Джона Болтона. В них содержатся факты, дискредитирующие главу Белого дома. См., напр., [11] и [12].
6. Так, уже сегодня вмешательство США во внутренние дела КНР (как внутриконтинентальные вопросы, так и взаимоотношения с Гонконгом) приобретает накал религиозной войны. См., напр., [13].

Список литературы

1. *Согрин В.В.* Двухпартийная система США: преемственность и обновление. – ПОЛИС. Политические исследования. 2003. № 3, с. 164-170.
2. Defense Secretary Esper Briefing on Protests Across the U.S. – [National Cable Satellite Corporation](#), 3 June, 2020.
3. Global Trends 2030: Alternative Worlds. [NIC 2012-001]. Pp. 120-128.
4. *Суржик Д.В., Макушин А.В.* Приватизация международных отношений и безопасности как одна из основных тенденций развития современности и будущего. –Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. Электр. сб. тезисов участников VI Международного научного конгресса, МГУ имени М.В.Ломоносова 18-22 мая 2020 г. Под ред. И.В. Ильина. М.: ФГП МГУ имени М.В.Ломоносова, 2020. С. 252–253.
5. *Lanham D.* A public letter to the Associated Press: Listen to the nation and capitalize Black. –[Brookings](#), 16.06.2020.
6. *Ingraham C.* There are more guns than people in the United States, according to a new study of global firearm ownership. – [Washington Post](#), 19 June, 2018.
7. U.S. Department of Homeland Security (U//FOUO). Violent Opportunist Tactics Observed During Civil Disturbances, 26-31 May. – [Publicintelligence.net](#), 1.06.2020.
8. *York B.* Byron York's Daily Memo: More mass political gatherings amid continuing shutdowns. – [The Washington Examiner](#), 16 June, 2020.
9. *Травкина Н.М.* Ожившая история США: гражданская война памятников. – Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 2, с. 12–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-2-12-29.
10. Gray zones. White paper. (2015). Prepared by Philip Kapusta. United States Special Operations Command [Серые зоны. Белая книга. Командование Специальных операции США], 9.9.2015. – [Publicintelligence.net](#).
11. Разве Финляндия – не часть России? Шокирующие мемуары Болтона о Трампе выходят в свет. – [Вести.RU](#), 18.06.2020.
12. *Полякова В.* Болтон сообщил о просьбе Трампа к Си Цзиньпину помочь ему с переизбранием. – [РБК](#), 18.06.2020.
13. USCIRF Warns that Forced Sterilization of Uyghur Muslims is Evidence of Genocide [USCIRF предупреждает, что принудительная стерилизация уйгурских мусульман является доказательством геноцида]. – [U.S. Commission on International Religious Freedom](#), 30.06.2020 [Комиссия США по международной религиозной свободе].

Информация об авторах

Синицын Максим Владиславович, старший эксперт Научно-исследовательского центра «Репократия», г. Москва, Российская Федерация.

Макушин Александр Владимирович, сопредседатель фонда «Ист-патриотика», г. Москва, Российская Федерация.

Суржик Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Суржик Дмитрий Викторович, e-mail: dimsu@inbox.ru

PUBLIC AND STATE SECURITY

Original Paper

**“Turbulent” spring 2020 in the USA:
ideological sources, risks and consequences for political life**

Maxim V. Sinitsyn¹, Alexander V. Makushin², Dmitry V. Surzhik^{3, 4}

¹ *Republic Research Center,*

Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4480-5789>, e-mail: m.v.sinitsyn@gmail.com

² *Foundation for the Promotion of Patriotic Education "Ist-Patriotika",*

Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6237-5260>, e-mail: a.v.mackushin@yandex.ru

³ *Center for the Study of Wars and Geopolitics of the Institute of General History
of the Russian Academy of Sciences,*

Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4865-6821>, e-mail: dimsu@inbox.ru

⁴ *Center for the History of World War II of the State Academic University of the Humanities,
Moscow, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4865-6821>, e-mail: dimsu@inbox.ru

Abstract:

In the spring and summer of 2020, riots erupted in various U.S. cities, triggered by the death of African-American George Floyd. Floyd, who had a prior police record, died of asphyxiation during his arrest on suspicion of committing a crime. The video of Floyd's strangulation by police officer Derek Chauvin sparked mass demonstrations of defiance, exposing many ideological, political and socio-economic problems in the United States. The report contains the author's short-term forecast of the likely development of the situation. In this article, developed in the summer of 2020, the authors sought to address the causes and probable causes of mass unrest in the United States, including the federal government's response to widespread acts of defiance (given the presidential election race that was then underway). The authors identify four main factors that influenced the emergence and development of the conflict. First, the Trotskyite methods adopted by the Democratic Party in order to sway the American political system under the pretext of fighting for the rights of different minorities. The election of the first black president (B.H. Obama) marked a gradual increase of the "racial question" in society, which was most clearly manifested in the "war of monuments" to the leaders of the losing side in the Civil War of 1861-1865. Second, the mass riots of the Spring-Summer of 2020 in the United States avoided the mass use of weapons in the hands of private individuals and private military companies. Third, during the mass riots in the United States in question, the outright sabotage of D. Trump's decisions to use the U.S. Army and National Guard against the rioters was evident. Fourthly, the U.S. Republican Party, focusing on "fixing" the outcome of B.H. Obama's foreign policy, failed to offer a constructive program and lost the 2020 presidential election. However, this does not mean that the "big stick policy" of the United States is over.

Keywords:

United States of America, U.S. Constitution, Antifa, conservatism, liberalism,
North and South, gray zones, political culture, mass riots

INTRODUCTION

The main ideas espoused by protesters in the United States in late May to mid-June 2020 were civil liberty (at the expense of restrictions on police rights) and equality before the law, which, however, quickly degenerated into black (anti-)racism toward the white population, the destruction of monuments (not just to American Confederate generals), and humiliating actions. Three factors contribute to the radicalization of protest, we believe. First, the ambiguous provisions of the Constitution and the Bill of Rights, which speak of civil liberty as a supreme value. Secondly, in this connection, the United States has built a political system characterized by a permanent struggle between the authorities balanced in their capacities (if we consider the "horizontal" slices, i.e. at the same level of authority) [1]. Third, the absence of a constructive and universal agenda among the state-forming political parties after the fall of the last geopolitical adversary of the USA - the Soviet Union. Finally, fourth, **the infiltration of the ideas and methods of Trotskyism into the American political elite back in the 1930s contributes to the radicalization and acquisition of "leftist triggers" of any form of protest** (1). Therefore, any discontent is "swayed" by the opposition politicians for their personal immediate interests (2).

The central authorities in the USA (due not so much to their personal, but rather to the objective reasons connected with the "equilibrium" described above) do not have a common position on the issue of counteraction to the mass protest movement. On the one hand, the incumbent U.S. President is in a state of tug-of-war before the start of the presidential race. Therefore, apparently, D. Trump speaks in the spirit of the need to comply with the Constitution and leaves the fight against the riots to the individual governors, limiting himself to the entry of the National Guard into the capital. On the other hand, regular troops have not been brought into Washington because of disagreement with this decision of Defense Secretary M. Esper. This was a direct disobedience of the career military officer, retired Lieutenant Colonel, and experienced politician Esper to the order of the Commander-in-Chief, which was announced at a specially called press conference [2]. In this regard, we note that **D. Trump has consistently deteriorated relations with all branches of the U.S. Armed Forces: with the Marine Corps and the Navy - with the resignation of D. Mattis, with the airborne troops of the U.S. Army - in the person of M. Esper.**

THE ACTIVATION OF NON-STATE ACTORS

The paralysis of the executive branch leads to the activation of non-state players. The futuristic forecasts of the U.S. National Intelligence Council (NIC) and the RAND Intelligence Corporation have repeatedly noted that by 2030 the United States will be the world leader. The United States will withdraw from its position as a world leader, and domestically the transit of state power in favor of non-state players will begin (see [3]). We believe that the main instruments of this process inside the country and in the US foreign policy will be the transnational corporations (TNCs) and their associated private military companies (PMCs) (see [4]). The world's largest TNCs, located in the U.S., have already supported the decision of most of the state governors to declare a moratorium on the use of regular troops and the National Guard against the participants in the popular unrest. They have also supported the demand for "respectful treatment" of black people [5].

As the examples of Russian history show, in the case of the paralysis of power (whether in the autumn of 1917, or during the "parade of sovereignty from the USSR" in the early 1990s) its functions in the field are taken over by illegal armed units (whether it is the "militia" of the Socialist-Revolutionary Party, or the "Armed Forces of Ichkeria"). They are quite capable of establishing control over the territories, which have become "gray zones" (4). At the same time, while paramilitary formations exercise force control, the economic aspects go to selected private companies.

The potential explosiveness of the conflict between the citizens and the authorities in the United States is given by the huge number of both traumatic and lethal weapons in the hands of the American population: 120.5 guns per 100 people in the United States (6). The availability of such an arsenal can lead to its uncontrolled use. The slide of individual U.S. cities into a "gray zone" state is facilitated by massive public actions of "repentance" of police officers and National Guard soldiers, ordered by the civil authorities. These steps contribute to the polarization of state authority employees: their moral responsibility regarding the authorities and oaths is reduced to non-resistance and even desertion to the ranks of the insurgents - on the one hand, and on the other hand, the formation of a highly motivated anti-insurgency

minority, a striking example of which is the Ukrainian "territorial battalions" that emerged after the coup d'état in late 2013 - spring 2014.

CONCLUSION

The example of the Spring/Summer 2020 riots in the United States carries with it a number of important lessons. First, in the area of constitutional construction: the unsustainability of the idea that civil liberty is a consequence of equilibrium-competing state authorities. Second, the unacceptability of public politicians' support for radical action. Third, the inadmissibility of a "historical reconciliation" between forces that have fought in the past at the expense of one of them (3).

Turning to the likely scenarios of the situation, we should note that the Republican Party, carried away by the foreign policy agenda, missed the domestic political problems and actually gave them up to the populists of the Democratic Party. D. Trump's hesitation to restore order and his problematic relations with the defense ministers (especially those representing different branches of the military) deprive him of support in the ranks of the U.S. armed forces as well. Thus, Trump is splitting even his supporters (5). With protesters and the Democratic Party setting the agenda and the Republican president trying not to respond to it, further delay will cost him the presidency. The Republicans' only chance of staying in power is to try to rally the country in the face of an outside threat (6).

We can assume that the leaders of the Democratic Party, coming to the White House in early 2021, will implement a set of measures: The "transit of power" from the state to the non-state players, along with an "anaconda strategy" in relation to the self-organized communities of protesters. They can decide to use force only by using a foreign policy pretext (as was the case with the bombing of Yugoslavia in 1999). And there is such a pretext: the intensification of hostilities in the southeastern regions of Ukraine. In this way, a repeated scenario of distracting mass attention to the external conflict in order to resolve internal contradictions can work.

Notes

1. Note that the U.S. Department of Homeland Security ("DHS") has a very objective view of the situation and is not like some politicians who make unsubstantiated claims about "outside sponsors" of civil unrest in the United States. See [7].
2. Here, the public support for the protesters on behalf of the U.S. Vice Presidential candidate from the Democratic Party of the United States, black woman, C. Harris, is indicative (See [8]).
3. We believe that the current "war on monuments" is a direct continuation of the events of 2015, when an isolated action (the shooting of black parishioners at a church) with the connivance of the Obama administration escalated into mass vandalism of monuments to Southern generals. See more [9].
4. We operate this term within the definition given by the relevant U.S. Special Operations Command publication: [10].
5. A sign of dissatisfaction with Trump among the Republican Party elite and a fact undoubtedly "working against" him is the forthcoming release of the memoirs of his former National Security Adviser John Bolton. They contain facts that discredit the head of the White House. See, e.g. [11] and [12].
6. Thus, U.S. interference in China's domestic affairs (both domestic issues and relations with Hong Kong) is already acquiring the heat of a religious war. See, e.g., [13].

References

1. Sogrin V. V., 2003, Dvukhpartijnaya sistema SSHA: preymstvennost' i obnovleniye [The US two-part political system: Continuity and renovation]. – *POLIS. The journal of political studies*, 2003, no 3. Pp. 164-170. (In Russ.)
2. [Defense Secretary Esper Briefing on Protests Across the U.S.](#), 3 June, 2020.
3. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. [NIC 2012-001]. Washington (D.C.), 2012. Pp. 120-128.
4. Surzhik D. V., Makushin A. V., 2020, Privatizatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy i bezopasnosti kak odna iz osnovnykh tendentsiy razvitiya sovremennosti i budushchego [Privatization of international relations and security as one of the main trends in the development of the present and the future]. – *Globalistika-2020: Global'nyye problemy i budushcheye chelovechestva. Elektr. sb. tezisov uchastnikov VI Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, MGU imeni M.V. Lomonosova 18 - 22 Maya 2020 g. Pod red. I.V. Il'ina. M.: FGP MGU imeni M.V.Lomonosova, 2020 [Global Studies 2020: Global Problems and the Future of Humanity. Electr. Sat abstracts of participants of the VI International Scientific Congress, M.V. Lomonosov Moscow State University, May 18-22, 2020]. Moscow, 2020. Pp. 252–253. (In Russ.)*

5. [Lanham D. A public letter to the Associated Press: Listen to the nation and capitalize Black.](#)
6. Ingraham C., 2018, There are more guns than people in the United States, according to a new study of global firearm ownership. – [Washington Post](#), 19 June, 2018.
7. [U.S. Department of Homeland Security \(U//FOUO\) «Violent Opportunist Tactics Observed During Civil Disturbances 26-31 May».](#)
8. York B., 2020, Byron York's Daily Memo: More mass political gatherings amid continuing shutdowns. – [The Washington Examiner](#), 16 June, 2020.
9. Travkina N. M., 2018, Ozhivshaya istoriya SSHA: grazhdanskaya vojna pamyatnikov [The Revived US History: Civil War of Monuments]. – *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2018. V. 11. No. 2. P. 12–29. DOI: 10.23932 / 2542-0240-2018-11-2-12-12-29. (In Russ.)
10. [Gray zones. White paper. \(2015\).](#) [United States Special Operations Command].
11. [“Is Finland not a part of Russia?” Bolton’s shocking memoirs about Trump come out.](#) (In Russ.)
12. Polyakova V., 2020, Bolton soobshchil o pros'be Trampa k Si TSzin'pinu pomoch' yemu s pereizbraniyem [Bolton announced Trump's request to Xi Jinping to help him with re-election]. – [RBK](#), 18.06.2020. (In Russ.)
13. USCIRF Warns that Forced Sterilization of Uyghur Muslims is Evidence of Genocide. – [U.S. Commission on International Religious Freedom](#).

Information about the authors

Maxim V. Sinitsyn, Senior expert of the Research Center "Repocracy", Moscow, Russian Federation.

Alexander V. Makushin, Co-chair of the “Ist-Patriotica” Foundation, Moscow, Russian Federation.

Dmitry V. Surzhik, Cand. Sci (History), Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (IWH RAS), Assoc. Prof., State Academic University of Humanities (GAUGN), Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Dmitry V. Surzhik, e-mail: dimsu@inbox.ru

Наука. Общество. Оборона
[2021. Т. 9. № 1](#)

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
[2021. Vol. 9. № 1](#)

УДК: 35.078.7, 368.172.5

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-2-2

Поступила в редакцию: 10.02.2021 г.

Submitted: February 10, 2021

Опубликована: 17.03.2021 г.

Published online: March 17, 2021

Для цитирования: Семёнов В. С. Деятельность органов власти и управления Астраханской губернии в условиях наводнения 1926 года. *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 2-2.

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-2-2.

For citation: Semenov V. S. Activities of the authorities and administration of the Astrakhan province in the flood of 1926. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):2-2. (In Russ.) DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-2-2.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности» (проект №18-05-80043).

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the RFBR grant "Hazardous natural phenomena and social processes in the Black Sea, Azov and Caspian regions: problems of interrelation and interdependence" (project No. 18-05-80043).

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Оригинальная статья

Деятельность органов власти и управления Астраханской губернии в условиях наводнения 1926 года

В. С. Семёнов¹

¹ Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук» (ЮНЦ РАН),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3724-4223>, e-mail: semenov_unc@mail.ru

Аннотация:

Цели и задачи исследования заключаются в выявлении новых элементов в системе противодействия водной стихии, купирования ее последствий и организации помощи пострадавшим в эпоху становления и укрепления Советской власти. Публикация построена преимущественно на материалах Государственного архива Астраханской области, полученных в ходе научной экспедиции в октябре 2020 года. Большинство архивных материалов впервые вводятся в научный оборот. В исследовании применялся принцип историзма, изучения объектов в историческом контексте, и детерминизма, следующего из причинно-следственных отношений между

анализируемыми явлениями. Использовались методы логического анализа, источниковедческого анализа документов, сравнительно-исторического и сравнительно-географического методов работы с данными, что позволило оценить особенности изменений системы защиты от водной стихии в СССР.

Советский период развития системы противодействия опасным природным явлениям имеет свои особенности, в ходе которого вырабатывались и закреплялись на практике специфические методы и средства борьбы со стихией и ее последствиями. На примере частной ситуации борьбы с наводнением 1926 г. в Астраханской губернии проявляются существенные изменения восприятия стихии, рост уверенности в способности общества противостоять катаклизмам решительными мерами, переход административно-управленческих структур с позиций пассивных наблюдателей к активному противодействию силам природы. В деятельности органов власти и управления прослежены новые подходы и методы, основная часть которых отнюдь не является продолжением политики «военного коммунизма». Так, осуществляется упреждающий сбор сведений о надвигающихся катаклизмах, в том числе с использованием возможностей науки. На архивных материалах показано, что центральные и региональные органы власти вникали в развитие ситуации и оказывали конкретную помощь районам и гражданам, чему способствовали структурные изменения управленческой деятельности, основанные на учете сил и средств. В целом, меры мобилизационного характера, директивные методы управления представляются оправданными и закономерными в условиях чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова:

Поволжье, наводнение, административно-управленческая деятельность, чрезвычайные тройки

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность рассматриваемого в статье вопроса обусловлена необходимостью исследования эволюции административно-управленческих мер, реакций на опасные природные явления. Советский этап российской истории в развитии системы предупреждения, противодействия и купирования последствий опасных природных явлений (ОПЯ) имеет свои отличительные особенности, специфические нововведения, характерные методы и средства борьбы со стихией и ее последствиями.

Локальный пример наводнения 1926 г. в Астраханской губернии иллюстрирует принципиальные и масштабные изменения в исследуемой сфере. Изменился подход к восприятию опасных природных явлений и возможностей общества в противодействии им. Если в дореволюционный период доминировало мнение о бессмысленности борьбы со стихией, то новая власть, провозгласившая переустройство общества и человека, не могла мириться с таким положением. Особое внимание стало уделяться научным прогнозам о приближении ОПЯ, новым техническим достижениям, средствам и методам спасения. В борьбе со стихией принимались решительные и жесткие меры. Начали налаживаться учет жертв стихии и централизованные меры государственной помощи пострадавшим. Таким образом, методом исследования от частного к общему реализованы цели и задачи исследования, на примере локального противодействия водной стихии выявлены новые элементы и тенденции развития системы противодействия опасным природным явлениям, купирования их последствий и организации помощи пострадавшим в эпоху становления и укрепления советской власти.

В работе использованы работы в области физико-географического анализа опасных гидрологических явлений на территории Астраханской области [1], оценки антропогенной нагрузки в агроландшафтах Нижней Волги [3], анализ данных о нарастании масштабов наводнений в Европе [7], исследования опасных природных явлений на Юге России [5]. Однако проблемы взаимосвязи опасных природных явлений и социальных процессов на Юге России пока разработаны недостаточно. Отдельные аспекты названной проблематики затрагиваются в периодической печати [4], [6], но из-за встречающихся неточностей и недостаточно обоснованных трактовок их использование в научном тексте ограничено.

Основная опора в исследовании сделана на материалы, представленные в Государственном архиве Астраханской области (ГААО), большинство из них впервые введены в научный оборот. Главной источниковой базой послужили документы Астраханского Губернского исполкома (фонд № 1). Они содержат сведения о борьбе с наводнением в губернии и районах губернии, доклады о работе чрезвычайных комиссий по борьбе с наводнением, материалы о грузооборотах транспорта и списки его учета, переписку Губисполкома с ВЦИК,

ВСНХ и другими инстанциями по вопросам отпуска средств для ликвидации последствий наводнения, протоколы заседания комиссии по распределению ссуды населению, пострадавшему от наводнения, и другие.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Катастрофический паводок, происходивший с начала мая и до середины июня 1926 г. в Волжском бассейне, пришелся на сложный период становления Советской власти. Всего три года прошло после окончания Гражданской войны, в стране только налаживалось мелкотоварное производство. Не было еще ясности о дальнейшем пути развития СССР, «объединенная оппозиция» отстаивала свое виденье перспектив, зрели первые попытки свертывания НЭПа и складывались предпосылки форсирования курса на индустриализацию и коллективизацию. В СССР функционировал 61 самостоятельный банк. [2, 381]. При этом в стране оставался один из самых низких уровней урожайности в Европе. Астраханская губерния была важна для экономики СССР в плане продовольственного обеспечения и валютной выручки за икру и ценные породы рыбы, позволявшей закупать промтовары и оборудование.

НАВОДНЕНИЕ 1926 г., МЕРЫ ВЛАСТИ

Наводнение в мае 1926 г. стало одним из наиболее полноводных за историю наблюдений с начала XVIII века. Расход воды через Волгоградский водомерный пост превысил 50 тыс. м. куб./с.[1, 90]. Катастрофический разлив Волжского бассейна затронул Астрахань, Казань, Нижний Новгород, Рыбинск, Саратов, Самару, Ярославль и другие города. Оценив состояние береговых укреплений Астрахани, секретарь Губкома ВКП(б) В.П. Стараников доложил 3 июня 1926 года на заседании возглавляемой им Губернской чрезвычайной тройки по борьбе с наводнением: «...за 50 лет наибольшая угроза – валы недостаточно высоки» (1).

Борьба с наводнением организовывалась по всей вертикали власти – от народных комиссариатов СССР до сельсоветов. Уполномоченный Астраханского Губисполкома Народнический находился в Москве, представляя интересы региона и способствуя оперативному решению острых проблем.

Для противодействия наводнению Астраханский Губисполком принял 1 июня 1926 года постановление №19 «О введении исключительного положения» и разъяснил порядок его исполнения циркулярным письмом-телеграммой в Райисполкомы губернии (2). Режим исключительного положения предоставлял органам власти чрезвычайные полномочия в области реквизиций, установления трудовой и гужевой повинности, приостановки деятельности предприятий и учреждений, а также издания обязательных постановлений с наложением административных взысканий до 200 руб. в сельской местности или лишением свободы до 2 месяцев лиц, не исполняющих положение. Допускалось объявление частичной или всеобщей трудовой повинности с соблюдением требований Кодекса законов о труде и Инструкции НКВД и Народного комиссариата труда РСФСР № 170 о трудовой повинности.

Несмотря на крайне тяжелую ситуацию, сложившуюся в связи с наводнением, решения и меры органов власти проводились под прокурорским надзором, была налажена отчетность: «Все мероприятия, выходящие из пределов данной инструкции необходимо проводить с ведома Губисполкома или Губчрезвычайки. В исключительных случаях под страхом коллективной судебной ответственности РИК может принять то или иное мероприятие, не предусмотренное инструкцией, но с обязательным последующим уведомлением телеграфом или нарочным в 4-часовой срок. О всех мероприятиях исключительного положения доводить до сведения ГИК каждые 3 дня» (3).

Ответственность за реализацию административно-управленческих мер по противодействию наводнению и купированию его последствий была возложена на исполнительную власть. Постановлениями исполкомов была сформирована вертикаль чрезвычайных органов по борьбе с наводнением – от Губернской чрезвычайной комиссии до сельских чрезвычайно-уполномоченных троек (4).

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ТРОЙКИ

Чрезвычайные тройки были учреждены на период борьбы со стихией и ликвидации ее последствий. Астраханский Губисполком, получив 23 мая 1926 г. сведения Гидрологического института и Управления водных путей об экстремальном подъеме уровня воды, создал Губернскую чрезвычайную тройку на основании § 23 п. 7, § 25 и 66 Положения о Губернских съездах Советов и Губисполкомах от 1922 года. Также он предложил всем исполкомам губернии «создать аналогичные тройки, предоставив им право издания приказов и постановлений по борьбе с наводнением» (5). В ряде документов чрезвычайные тройки называют чрезвычайной комиссией (ЧК).

В состав Районной чрезвычайной комиссии включали представителей от Президиума Райисполкома, уполномоченного ОГПУ, Профсоюза, ВЛКСМ (6). Они имели широкие полномочия, однако не были тождественны пресловутым тройкам ОГПУ (НКВД), хотя в современной прессе упоминается, что они «получили приказ при необходимости расстреливать мародёров на месте и немедленно арестовывать чиновников и должностных лиц, плохо организовавших борьбу с паводком» [4, 1]. Документов, подтверждающих право «паводковых» троек на расстрел, не обнаружено. Но в разъяснении о порядке исполнения чрезвычайного положения рекомендуется при нарушении обязательных постановлений исполкомов или чрезвычайных троек «наиболее активных нарушителей из населения задерживать и с оформленным материалом на них направлять в распоряжение органов» (7).

«Паводковые» Районные ЧК разрабатывали инструкции для сельских троек, копии которых направляли в Губернскую ЧК (8). Они предписывали заблаговременно оповещать население о предполагаемом подъеме воды и необходимости перевоза имущества, осматривать и ремонтировать берегоукрепительные сооружения, учитывать лошадей, транспорт, помещения и даже рогожные кули и мешки для возможного укрепления берегов. Из сел, не имевших возвышений (бугров), следовало уводить скот в пески, предварительно согласовав пропуск через ГубЧК. Тройкам предписывалось организовать дежурства и систему оповещения на случай опасности, а также развивать самодеятельность населения для борьбы с наводнением. На учет взяли даже все имевшиеся у граждан фонари и распределили их по ночным дежурным (9). Также тройки должны были следить за недопущением повышения цен на предметы первой необходимости и сообщать райкомиссии о каждом случае спекуляции. В начале июня 1926 г. приказом губтройки были установлены фиксированные цены на продукты первой необходимости, нарушителей привлекали к суду (10). Во многих документах подчеркивалась необходимость вести борьбу с «шептунами», распространяющими провокационные слухи.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРОТИВОПАВОДКОВЫХ МЕР

Особое значение в противодействии стихии имело финансирование. Правления банков дали своим отделениям «особые указания, связанные с наводнением» (11). Среди пострадавших городов Поволжья преимущественное внимание уделялось обеспечению Астрахани. Так, член Астраханского Губисполкома уполномоченный Народнохозяйственный сообщал из Москвы, что на 12 июня 1926 г. Совнарком не выделил средств «ни единой из губерний, пострадавших от наводнения, за исключением Астраханской, коей отпущено 100 тыс. руб. и Калмыцкой области 50 тыс. руб.» (12). Однако деньги не решали ключевые проблемы, необходимы были рабочие руки. «Все мероприятия по борьбе с наводнением проводятся силами и средствами самого населения под руководством губернских администраций. Государственные и местные бюджеты настолько напряжены, что не сумеют оказать существенную помощь» (13). Учитывая нехватку средств, был установлен жесткий контроль трат. Например, санкцию на расходование 500 руб. для укрепления валов в Красноярском районе Астраханской губернии дал телеграммой лично Председатель Губисполкома М.Л. Аристов (14).

По окончании наводнения, в ходе купирования его последствий, с ноября 1926 по июль 1927 года в Астрахани работала комиссия по распределению ссуд населению, пострадавшему от наводнения. Контроль осуществлялся на высшем уровне исполнительной власти. Например, 28 января 1927 г. в Райисполкомы было разослано категоричное напоминание Губисполкома о необходимости закончить распределение пособий между пострадавшими хозяйствами, составить и прислать отчеты. Не отчитавшимся «председателям РИКов надлежало прибыть к 20.02.1927 г. в Президиум ГИКа, для дачи личного объяснения о причинах задержки» (15).

Не обходилось без хищений денег, однако был налажен розыск преступников. Так, 24 февраля 1927 г. в докладе Икрянинского РИК в Астраханский ГубИК о движении суммы 12 500 руб. было отмечено: «830 руб. было выдано по доверенности Ильинского с/совета секретарю с/совета Гордону, каковой, получив деньги, скрылся 4.02.» (16).

Вскоре, 22 марта 1927 г. Икрянинский РИК доложил в ГубИК о взаимодействии с Астраханским угрозыском и обнаружении пребывания Гордона в Воронежской губернии (17).

МОБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

В духе того времени делалась опора на мобилизационные формы и механизмы работы. Во многих документах упоминается предоставленное Губисполкомом районным тройкам право объявлять трудовую и гужевую повинность на затопляемых территориях. Важное значение имела и солидарность трудящихся, поддержка общественных и других организаций. Так, Астраханский Горсовет рабочих, красноармейских, ловецких и крестьянских депутатов на заседании 25 мая 1926 г. постановил организовать спасательные добровольные отряды (18). Также 8 июня 1926 г. в Астраханский Губисполком поступила срочная телеграмма, в которой московский Комитет спасения на водах предлагал выслать для участия в восстановительно-спасательных работах дружину коммунаров численностью 100 человек (19).

В деловой переписке того периода возрастающее значение придавалось четкому обозначению проблем и конкретных путей их решения, организации упреждающих мер. Так, в обращении от 27 января 1926 г. в Управление Волжских путей сообщения Председатель Астраханского Губисполкома М.Л. Аристов просил передать в распоряжение ГИК землечерпалку и подчеркнул, что «помимо экономического значения, это имеет еще большее политическое значение для местных органов власти, перед которыми ловцы непрестанно ставят этот вопрос» (20).

РАБОТА В РАЙОНАХ ГУБЕРНИИ

В районах Астраханской губернии в начале мая 1926 г. были распространены прямые обращения «паводковых» Районных ЧК к гражданам. Напечатанные тиражами в 100-200 экземпляров на одном листе, они в сжатой форме доводили объективную информацию Российского гидрологического института о масштабах стихийного бедствия, прогноз развития и возможные последствия, а также необходимые меры. Подчеркивалось, что «Районная ЧК обращается к населению с призывом не верить шептунам, распространяющим нелепые и провокационные слухи, а сохранить спокойствие и довериться РЧК, которая принимает меры к выявлению опасных мест в смысле наводнения и для успешной борьбы с ним. Дружными усилиями, без паники, мы сумеем предотвратить угрозу наводнения» (21).

Районные ЧК в селах, не имеющих поблизости бугров, рекомендовали вывести скот в пески, а всем тройкам сел, имеющих бугры, предложили беспрепятственно допускать на таковые скот соседних сел. Тройки сел должны были оповестить население о предполагаемых масштабах разлива воды, а также принять меры для перевозки в «благонадежные места» имущества советских и кооперативных организаций и частных лиц (22). Был загодя организован учет помещений на случай переселения в них пострадавших от паводка, а также водного и гужевого транспорта, который в острых ситуациях реквизировался для спасательных работ.

Все РайЧК регулярно направляли доклады о ситуации и принимаемых мерах Председателю Губисполкома М.Л. Аристову и в ГубЧК по борьбе с наводнением. В отчетах докладывалось о берегоукрепительных работах, вывозе имущества, учете транспорта и помещений, перегоне скота в безопасные места, радиофикации РИК и т.п. Сообщалось о самостоятельных шагах населения в борьбе с угрозой наводнения и отпуске им необходимых материалов (23).

ПРЕПЯТСТВИЯ И СЛОЖНОСТИ

Не все намеченные меры удавалось воплотить, возникали объективные и субъективные препятствия. Так, перевод скота на возвышенности тормозился районными представителями КРАПО (24). В этой связи РайЧК села Красный Яр было указано: «Заставьте КРАПО подчиниться Вам на основании приказа Губернской тройки. Лиц, тормозящих спасение скота, арестовывать на основании телеграммы Аристова» (25). Благодаря столь решительным мерам, удалось спасти десятки тысяч голов скота.

Особые сложности возникали с крестьянством, которое нужно было убеждать принять меры для своего спасения на случай резкого подъема воды. Уполномоченный Губисполкома по борьбе с наводнением в

Красноярском районе С. Фролов в докладе о своей работе сообщал, что население не верило в прибытие большой воды, селяне не хотели обваловывать свои села, а так же перебрасывать скот и имущество в безопасные места, поэтому приходилось прибегать к насильственным методам (26). Фролов объявил в районе обязательную трудовую и гужевою повинность, перебросил население с имуществом и скотом в безопасные места и заставил обваловать их. Были закрыты на два дня все учреждения, а рабочие и служащие взяты на работу для укрепления валов. По инициативе комсомола организовали ударную группу и перевели ее на казарменное положение, а также переводили на казарменное положение по 200 мужчин ежедневно. Коммунисты и комсомольцы несли вооруженную охрану валов. Принимались решительные меры по заготовке фуража. Фролов сообщил в Губисполком, что к середине июня 1926 г. настроения селян изменились на благодарность за помощь.

В сводке подразделения Астраханского губотдела ОГПУ о ситуации в зоне наводнения на 2 июня 1926 г. сообщалось, что жителей сел Харабалинского, Бирючкосинского, Болхунского и Красноярского районов приходилось заставлять с помощью милиции выходить на берегоукрепительные работы (27). Они уклонялись от трудповинности, но после затопления сожалели, что поначалу не доверяли Чрезвычайной тройке и не приняли рекомендованных ею мер, что повлекло потери скота и имущества. Так, из Разночинского района докладывали в ГубЧК: «Отказ отправки скота в безопасное место население мотивирует боязнью скотокрадства и волков, главным же образом русским непреборимым «авось» (28).

Возникали сложности и на почве борьбы амбиций, непонимания старшинства в чрезвычайной ситуации. Так, прибывший в Болхунский район уполномоченный Губтройки по борьбе с наводнением Дуненков в докладной записке от 3 июня 1926 г. просил Президиум Губисполкома разъяснить работникам Райисполкома о возложенных на него задачах. Он писал: «Мое удостоверение не удовлетворяет работников РИКа. Члены райтройки Попов и Богатырев наездом 02.06.1926 г. в 2 ч. дня в с. Сокрутовку, нагнали страху на милицию и на ряд сельсоветчиков, но не обошли и губуполномоченного, которому вынесли выговор: “Что вы сидите в Сокрутовке, нечего вам здесь спать, здесь и так достаточный кадр”» (29). Это столкновение могло бы показаться несерьезным, если бы не паводковая ситуация. И уже 5 июня 1926 г. в Болхунский Райисполком поступило указание Председателя ГубЧК В.П. Старанникова о недопустимости подобного рода конфликтов и требование «работу по борьбе с наводнением проводить в согласованности с выделенными нами Уполномоченными» (30).

На начальной стадии организации противодействия наводнению проявилась нехватка технического персонала для обработки поступающих сведений. Городская чрезвычайная уполномоченная тройка на заседании 23 мая 1926 г. заслушала вопрос об организации технического аппарата при Комиссии по борьбе с наводнением, проблему решили (31).

В необходимых случаях управленческие структуры реформировали, что повышало их мобильность и число решаемых задач. Так, в Трусовском районе на заседании 14 мая 1926 г. разделили комиссию по берегоукреплению на две части – для работы в районе и в райцентре (32). В свою очередь пос. Трусовский был разбит на 17 участков и в каждом выделена тройка с телефонной связью, введены ночные дежурства и т.д. За каждой тройкой установлен контроль члена ВКП(б). Уполномоченный по Трусовскому району П.Т. Ломтев доложил в Астраханскую ГубЧК, что благодаря постоянной помощи, отпуску денежных средств, направлению специалистов и саперной роты, выделению транспорта, материалов и т.п., удалось удержать от затопления целый район (33). Кроме того, в крупных населенных пунктах создавались вспомогательные тройки по разным отраслям (34).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СРЕДСТВАМИ СВЯЗИ

ГубЧК уделяла особое внимание обеспечению спасателей радиотелефонной и телеграфной связью. Согласно докладу председателя союза связи Сигарева, были учтены все 435 зарегистрированные радиоустановки (35). В условиях надвигающейся стихии были мобилизованы все радиоустановки и радиостанция с оперативным подчинением губтройке, а также все работники радиостанции. Создали соответствующую исполнительную тройку в составе начальников почтово-телеграфной конторы, телефонной сети и заведующего станцией. Установлено в определенные часы дежурство для приема радиопередач, организована охрана объектов связи. С 1 июня 1926 г. прекращены всякие передачи, не касавшиеся вопросов борьбы с наводнением.

Вопросы пользования связью зачастую принимали острый характер. Так, 27 мая 1926 г. из Управления водных путей в Губернскую чрезвычайную тройку поступило заявление в отношении требований от имени чрезвычайных троек к телефонисткам станций «Река» и «Заречная» о выключении уже занятых абонентов и безоговорочном предоставлении связи требующему. В противном случае угрожали арестом. При этом официальное заявление о предоставлении номера поступило только от председателя городской чрезвычайной тройки Маскаева. Для разъяснения ситуации заявители просили указать лиц, которым губернская тройка предоставила такое право (36). К 29 мая 1926 г. из ГубЧК поступил ответ, в котором были названы семь руководителей региона, имевших право требовать передачи номеров (37).

СИСТЕМА СБОРА СВЕДЕНИЙ

Организация сбора сведений о развитии паводковой ситуации иллюстрируется сводками подразделений ОГПУ (38). В структуру сводки входили разделы: «Опасные места»; «Мероприятия»; «Слабая работа и халатность»; «Настроение, слухи и отношение к наводнению». Сводки объективно отражали паводковую обстановку, обеспечивая управленческие структуры достаточным объемом информации о развитии стихии и общественной ситуации.

Новая власть стремилась получать исчерпывающие сведения об имеющихся силах и средствах в целях принятия обоснованных управленческих решений. Так, в мае 1926 г. были составлены списки самодвижущихся судов. Взятые на учет плавсредства распределялись по запросам учреждений и организаций региона. В списке было учтено 226 самодвижущихся судов, с указанием их названия, типа судна, мощности, места приписки, адреса владельца, а также имелась отметка о возврате по окончании наводнения (39).

Выше указано, что все уполномоченные Губисполкома, структуры власти на местах – регулярно направляли отчеты в вышестоящие инстанции.

ОХРАНА ПРАВОПОРЯДКА, ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Особого внимания в условиях кризиса требовала охрана правопорядка. В докладе о мерах Комиссии по борьбе с наводнением в Трусовском районе отмечена «недостаточность штата милиции, что в случае наводнения не даст возможность оберегать имущество населения от расхищения. Необходимо выделить красноармейскую часть для обслуживания района в момент наибольшего подъема воды» (40). Ситуация в других районах была схожа.

Сотрудникам органов правопорядка старались выделять необходимые средства, транспорт. В секретном решении Астраханской ГорЧК по борьбе с наводнением предлагалось Председателю транспортной тройки Маскаеву «отпустить в полное распоряжение Губрозыска 5 весельных лодок и 3 мотора, при помощи которых агентура имела бы возможность охранять затопленные места от мародерства и вести розыскную работу» (41).

Угрозы безопасности региона формировала спекуляция, которая создавала дефицит продуктов и могла дестабилизировать обстановку. В обращении ГубЧК «К населению губернии» отмечалось, что мародеры используют стремление населения запастись продуктами на случай наводнения и, игнорируя распоряжения органов власти, завышают цены на продукты первой необходимости. В мае 1926 г. судом рассмотрены 8 дел и вынесены приговоры согласно ст. 137 УК РСФСР группе спекулянтов, получивших наказание от 6 месяцев до 1 года лишения свободы с конфискацией имущества (42). Одна гражданка из данной группы была оправдана, поскольку занималась лишь мелкой торговлей молоком, что не соответствует некоторым публикациям, повествующим о крайней суровости правоохранительной системы в той ситуации.

Спасенный скот приходилось охранять не только от расхищения. Так, член товарищества охотников В.И. Сорокин в своем заявлении в Астраханскую ГубЧК по борьбе с наводнением сообщил, что на тех же буграх, куда сгоняют скот, спасаются и волки, которые уничтожают поголовье. Он обосновал необходимость их истребления и подсчитал, что для этого требуется (43). Как следствие, 6 июня 1926 г. был утвержден Приказ № 23 ГубЧК о срочной мобилизации 60 лучших охотников г. Астрахани и выделении водного транспорта для уничтожения волков (44).

На период паводка в губернии объявлен «сухой закон», его соблюдение жестко контролировалось. Так, буфетчик парохода «Пламя» М. Ванштейн в заявлении в Чрезвычайную тройку водного транспорта просит разрешить продавать крепкие напитки в пути следования, кроме пристаней и стоянки парохода в городе (таким образом, запрет на спиртное был формально соблюден). Однако на заявление наложена резолюция: «Отказать. Маскатов. 7.06.1926» (45).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ВЫВОДЫ

Итоги напряженной работы отражены в представлении от 28 июня 1926 г. в Совнарком СССР на награждение отличившихся инженеров, подписанном Председателем Губисполкома Аристовым и секретарем Губкома ВКП(б) Старанниковым: «В результате проведенной колоссальной работы по Астраханской губернии удалось спасти от затопления гор. Астрахань и его предместья, вследствие чего государство и население избежало громадных убытков» (46).

Анализ деятельности управленческих структур Астраханской губернии по противостоянию паводку 1926 г. позволяет сделать выводы о новых моментах в функционировании органов власти и управления при локализации ОПЯ в советский период истории страны. Основные новации следующие:

1. Организован заблаговременный сбор информации о рисках и угрозах безопасности, формируемых ОПЯ, на этой основе развернута работа по предупреждению стихии и минимизации ущерба. В этих целях использовались возможности науки. В советский период произошло изменение административно-управленческой деятельности в сфере ОПЯ от позиции пассивного наблюдения к выработке упреждающих мер и активному противостоянию стихии.
2. Структурирована управленческая деятельность по противодействию ОПЯ, налажен сбор информации, организован учет сил и средств. Центральные органы власти оказывают предметную помощь регионам. Начата регистрация пострадавших предприятий и граждан, им оказывалась госпомощь. В архивных документах, касающихся наводнения 1926 г. в Астрахани, автор статьи не обнаружил документов, в которых содержалась бы лишь констатация сложностей, всегда выдвигались конкретные и реалистичные предложения по их решению.
3. Новой системе противодействия ОПЯ в советский период присущи директивные методы управления, жесткие меры мобилизационного характера введение трудовой и иной повинности, реквизиция необходимых материалов, транспорта и т.п. В чрезвычайных ситуациях такие подходы представляются правомерными, поскольку позволяли спасти жизнь и здоровье граждан, сохранить имущество и предприятия.

Примечания

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1372. Л. 119.
2. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1375. Л. 68-68об.
3. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1375. Л. 68об.
4. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л.12.
5. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1393. Л. 21-22.
6. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л. 13.
7. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1375. Л. 68.
8. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л. 15-15об.
9. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л. 58.
10. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л. 64об.
11. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1392. Л. 20.
12. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1392. Л. 13.
13. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1392. Л. 49-49об.
14. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л. 50.
15. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1507. Л. 9.
16. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1507. Л. 17.
17. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1507. Л. 19.
18. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1372. Л. 2-2об.
19. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1392. Л. 16.
20. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д. 1392. Л. 165-165об.
21. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д. 1396-а. Л. 12.
22. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д. 1396-а. Л. 14об.
23. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л. 13-13об.
24. КРАПО – Краевая астраханская пескоукрепительная организация Центрального управления лесами Народного комиссариата земледелия РСФСР, действовала в 1917-1927 гг.

25. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л. 39.
26. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396-а. Л. 65-66.
27. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1393. Л. 19-20.
28. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1384. Л. 27.
29. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1385. Л. 36.
30. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1385. Л. 35.
31. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1372. Л. 2.
32. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396. Л. 4.
33. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396. Л. 49.
34. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1393. Л. 7.
35. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1393. Л. 8-10.
36. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1372. Л. 18.
37. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1372. Л. 24.
38. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1393. Л. 17-20.
39. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1411. Л. 59-93.
40. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1396. Л. 4-6.
41. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1411. Л. 26.
42. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1375. Л. 70.
43. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1372. Л. 116.
44. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1375. Л. 140.
45. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1375. Л. 144.
46. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1375. Л. 4.

Список литературы

1. Бармин А.Н., Колчин Е.А. Физико-географический анализ проявления опасных гидрологических явлений на территории Астраханской области. – Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 89–93.
2. История России XX – начала XXI века. Под ред. Л. В. Милова М.: Эксмо, 2006. – 958 с.
3. Кузнецов П.И. Научное обоснование антропогенной нагрузки в агроландшафтах Нижней Волги, обеспечивающей сохранение биоразнообразия водно-болотных угодий. – Современное состояние водных ресурсов Нижней Волги и проблемы их управления. Сост. Э.И. Бесчетнова [и др.]; АГУ, КаспНИРХ, АГТУ. – Астрахань, 2009. С. 89–96.
4. Мальцев В. Пароход столкнулся с заводом. – [Еженедельная общественно-политическая газета «Ленинская смена»](#), г. Нижний Новгород, 16.05.2014.
5. Матишов Г.Г. Керченский пролив и дельта Дона: безопасность коммуникаций и населения. – Вестник Южного научного центра. Т. 11. № 1, 2015. С. 6–16.
6. Шарифудинова А. История волжских наводнений. Что изменилось после создания каскада ГЭС. – Аргументы и факты, 18.11.2013.
7. Blöschl, G., Kiss, A., Viglione, A. et al. Current European flood-rich period exceptional compared with past 500 years. – Nature. 2000. № 583. P. 560–566. (DOI: 10.1038/s41586-020-2478-3).

Информация об авторе

Семёнов Василий Станиславович, кандидат политических наук, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Семёнов Василий Станиславович, e-mail: semenov_unc@mail.ru

PUBLIC AND STATE SECURITY

Original Paper

Activities of the authorities and administration of the Astrakhan province in the flood of 1926

Vasily S. Semenov ¹

Abstract:

The goals and objectives of the research are to identify new elements in the system of counteraction to the water element, to stop its consequences and to organize assistance to victims in the era of the formation and strengthening of Soviet power. The publication is based primarily on materials from the State Archives of the Astrakhan Region obtained during a scientific expedition in October 2020. Most of the archival materials are being introduced into scientific circulation for the first time. The study applied the principle of historicism, the study of objects in a historical context, and determinism, resulting from the cause-and-effect relationship between the analyzed phenomena. The methods of logical analysis, source analysis of documents, comparative-historical and comparative-geographical methods of working with data were used, which made it possible to assess the peculiarities of changes in the system of protection against water elements in the USSR.

The Soviet period of development of the system of counteraction to dangerous natural phenomena has its own peculiarities, specific methods and means of dealing with natural disasters and its consequences are developed and consolidated. Based on the materials of the particular situation of combating the flood of 1926 in the Astrakhan province, significant changes in the perception of the elements are obvious, the growth of confidence in society's ability to resist cataclysms by decisive measures, the transition of administrative and managerial structures from the standpoint of passive observers to active opposition to the forces of nature. New methods have been traced in the activities of the authorities and administration, the main part of which is by no means a continuation of the policy of "war communism". Thus, a proactive collection of information about impending cataclysms is carried out, including using the capabilities of science. The archival materials show that the central and regional authorities delved into the development of the situation and provided concrete assistance to the districts and citizens, which was facilitated by structural changes in management activities based on the accounting of forces and means. In general, mobilization measures, directive management methods seem to be justified and logical in an emergency.

Keywords:

Volga region, flood, administrative and managerial activities, emergency troikas

References

1. Barmin A.N., Kolchin E.A., 2010, Fiziko-geograficheskiy analiz proyavleniya opasnykh gidrologicheskikh yavleniy na territorii Astrakhanskoy oblasti [Physico-geographical analysis of the manifestation of hazardous hydrological phenomena on the territory of the Astrakhan region]. – *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2010. No. 3. S. 89-93. (In Russ.).
2. *Istoriya Rossii XX – nachala XXI veka* [History of Russia XX – early XXI century]. Ed. L.V. Milova. Moscow: Eksmo, 2006. 958 p. (In Russ.).
3. Kuznetsov P.I., 2009, Nauchnoye obosnovaniye antropogennoy nagruzki v agrolandshaftakh Nizhney Volgi, obespechivayushchey sokhraneniye bioraznobraziya vodno-bolotnykh ugodiy [Scientific substantiation of anthropogenic load in the agricultural landscapes of the Lower Volga, ensuring the conservation of biodiversity of wetlands]. – *Sovremennoye sostoyaniye vodnykh resursov Nizhney Volgi i problemy ikh upravleniya*. Comp. E.I. Beschetnova [and others]; ASU, KaspNIRKH, ASTU. Astrakhan, 2009. S. 89-96. (In Russ.).
4. Maltsev V., 2014, Parokhod stolknulsya s zavodom [The steamer collided with the plant]. – *Yezhenedel'naya obshchestvenno-politicheskaya gazeta «Leninskaya smena»*, Nizhny Novgorod, 16.05.2014. (In Russ.).
5. Matishov G.G., 2015, Kerchenskiy proliv i del'ta Dona: bezopasnost' kommunikatsiy i naseleniya [Kerch Strait and Don delta: safety of communications and population]. – *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra*. Vol. 11, No. 1, 2015. S. 6-16. (In Russ.).
6. Sharafutdinova A., 2013, Istoriya volzhskikh navodneniy. Chto izmenilos' posle sozdaniya kaskada GES [History of the Volga floods. What has changed after the creation of the HPP cascade]. – *Argumenty i fakty*. 18.11.2013. (In Russ.).
7. Blöschl, G., Kiss, A., Viglione, A. et al., 2000, Current European flood-rich period exceptional compared with past 500 years. – *Nature*. 2000. No. 583. P. 560-566. (DOI: 10.1038/s41586-020-2478-3).

Vasily S. Semenov, Cand. Sci. (Political), Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Corresponding author

Vasily S. Semenov, e-mail: semenov_unc@mail.ru

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 1

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 1

УДК: 325.1

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-3-3

Поступила в редакцию: 08.11.2020 г.

Submitted: November 8, 2020

Опубликована: 25.01.2021 г.

Published online: January 25, 2021

Для цитирования: Сагитова В. Р. Миграционные стереотипы в межкультурных коммуникациях. *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 3-3. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-3-3.

For citation: Sagitova V. R. Migration stereotypes in cross-cultural communications. *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):3-3. (In Russ.)
DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-3-3.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Оригинальная статья

Миграционные стереотипы в межкультурных коммуникациях

В. Р. Сагитова¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7002-4719>, e-mail: ViRSagitova@kpfu.ru

Аннотация:

Представлен аналитический взгляд на стереотипы в межкультурном взаимодействии. Глобализация, приводящая к новым возможностям миграции для населения земного шара, несет за собой и новые форматы мышления. Необходимость осознания особенностей мышления жителей принимающей страны и мигрантов важна, поскольку, стереотипы, нередко основанные на иллюзорных представлениях, могут стать причиной конфликтов в межкультурном взаимодействии. Исследование стереотипов в миграционной политике позволит не только снизить напряжение со стороны принимающих и приезжающих, но и улучшить состояние межкультурных отношений. В качестве методов, позволяющих исследовать стереотипы и стереотипность мышления в миграционной сфере, известных в отечественных и зарубежных кругах ученых-исследователей можно выделить социологические опросы, проводимые как среди населения городов, так и среди мигрантов прибывающих в них на временной или постоянной основе. Результатами, имеющихся на сегодняшний день в области миграционных процессов, становятся отчеты, по которым видно, что население принимающих стран или городов иногда даже не имеет возможности контактировать с приезжающими, но на основании слухов, личностных черт, особенностей восприятия рисует негативный образ мигранта, что приводит к напряженности в межкультурных отношениях и вызывает ответное напряжение в представлениях мигрантов. Этот и ряд других моментов требует продолжения исследований, заявленной тематики как факторов развития межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова:

стереотипы, стереотипы беженцев, гендерные стереотипы, социально-этнические стереотипы, миграция, межкультурное взаимодействие, ориенталистское мировоззрение, ориенталистский образ мышления, межкультурная коммуникация

ВВЕДЕНИЕ

Увеличение потоков мигрантов в разных сферах жизнедеятельности общества обуславливают актуальность данного исследования. Являясь многонациональным государством Россия, испытывает те же трудности в области миграционной политики, которые на сегодняшний день можно наблюдать в ряде европейских государств. Миграционная политика не лишена «человеческого фактора», выражающего стереотипы, порождающие межличностные конфликты, нередко угрожающего национальной безопасности государства.

Стереотип является частью мировоззрения, отражает коллективные представления, имплицитные знания, мотивационную составляющую социальных коммуникаций. Стереотипизация мышления в миграционной области нередко порождает конфликты, в которых преобладающей причиной их возникновения становятся не объективные, а субъективные факторы. Ярким примером выступает нежелание трудовых мигрантов при въезде в Российскую Федерацию принимать устои, традиции, обычаи принимающей страны, что в последующем может послужить почвой возникновения межкультурных конфликтов.

Межкультурный конфликт на бытовом уровне может быть нивелирован при условии, что этот процесс не приобретет широкую негативную окраску в средствах массовой информации. В этой связи острой становится проблема профессиональной ответственности и информационной объективности.

Проблема стереотипов в сфере миграционной политики, на сегодняшний день берет свои корни в работах зарубежных и отечественных авторов. Так, стереотипы рассматривались в трудах Г.У. Олпорта [28], Т. Адорно, Е. Френкель-Брюсвика, Д. Левинсона и Р. Сэнфорда и других [27]. Символично-интеракционистское, представлено трудами Т.Шибутани, где стереотип рассматривается как тождественный установке феномен, позволяющий классифицировать людей и явления (Б.К. Дэвис С. Дж. Бэран [30]). В рамках теории символического расизма в рамках «ориентализма» стоит остановиться на работах Э. Саида [38], С. Холла [34], М.К. Оке [36]. Вопрос инаковизации поднят в трудах ученых в формате репрезентации «Своих» и «Чужих» (М. Пикеринг [37]).

В отечественных трудах следует упомянуть труды наиболее известных в этой области ученых: социологический аспект социальных конфликтов представлен в трудах И.С. Кона, Г.С. Батыгина [1], Л.А. Зака [9], К.С. Гаджиева [5], Ю.А. Шерковина [24], Г. М. Кондратенко [14], Г.У. Солдатовой. Этнопсихолингвистическое направление представлено работами Е. Бартминьского, В.В. Красных и других [4].

ПОНЯТИЕ СТЕРЕОТИПА

Рассматривая определения стереотипов, следует остановиться на взгляде **У. Липпмана** на это понятие. По его мнению, стереотип содержит в себе оценку, выраженную в чувствах. Стереотипы возникают спонтанно, в силу потребности человека в экономии внимания и делят мир на две противоположные категории – знакомое и незнакомое, несут эмоциональный заряд и отражаются в сознании человека как хорошее и плохое соответственно.

Стереотипы по У. Липпману – это предвзятые мнения, управляющие процессом восприятия «среднего обывателя». Отсюда следует, что обыватели не могут критически оценивать информацию и мыслят стереотипами, а общественное мнение ограничено.

Т. Адорно, видел в качестве источника стереотипов неосознаваемое и иррациональное. По его мнению, стереотип необходим для «удобного видения вещей», он устойчив к изменениям, позволяет экономить время и энергию, но при этом искажает восприятие так как игнорирует индивидуальные характеристики объектов [27, с. 89-105]. Согласно Т. Адорно и его коллегам Е. Френкель-Брюсвику, Д. Левинсону и Р. Сэнфорду, стереотипы характерны только для личностей с авторитарным складом, нетерпимых и с отсутствием толерантности.

Д. Тейлор, С.Т. Фиске, Т.К. Трейлер, Д.М. Маки, Д.Л. Гамильтон и другие, продолжая развивать данное направление утверждали, что человек вынужден прибегать к стереотипам, как содержащим достаточную информацию в рамках удовлетворения потребности личности в создании представлений, приемлемых в физическом и социальном окружении, в качестве проекции собственных ценностей. И тогда, стереотип переходит из разряда иррационального в рациональное, носящее характер избирательности.

В теории символического расизма стереотип представлен как конфликт между культурными образцами, характерными для общества, и индивидуальными убеждениями, являющимися предметом самоконтроля [31].

Это отражено в работах **Э. Саида** [38] как проблема роли расовых стереотипов (стереотипных образов). В рамках теории «ориентализма» существует «ориенталистское» мировоззрение или ориенталистский образ мышления, а также определенная ориенталистская методология в социальных и гуманитарных науках. Суть ее состоит в том, что на Западе происходит искажение любой незападной культуры, в частности, культуры «Востока» (Ориент) для самоидентификации в Европе [32]. Это хорошо прослеживается в работе **С. Холла** «Запад и Все Остальное» (The West and the Rest) [34, с. 276-332.], где «все остальное» представляется как неизменное «Иное».

Э. Саид, вывел, такую аксиому: «Восточный человек живет на «Востоке», он ведет праздную «восточную» жизнь в государстве «восточной» деспотии и похоти, отягощенный чувством «восточного» фатализма» [10].

Шаблоны и клише «ориентализма» можно подразделить на две категории: «ксенофобские» (негативно-пугающие) отражают характеристики «чужого» (демонизация восточного мужчины, истории о гаремах) и «ксенофильские» (притягательные) в своей основе рассматривают «экзотические, притягательные» характеристики другого [8]. **Мим Кемал Оке** утверждает, что, введя разделение на «чужой» (или «чужие») Запад потерял объективность в изучении культуры, мировоззрения, обычаев, ценностей «восточных» народов и обществ [36, с. 95].

Инаковизация затрагивает дискурс «символического насилия», предполагающего борьбу за репрезентации «Своих» и «Чужих» и манипуляцию ими в социальном пространстве. Основная цель такой борьбы символическая власть и символический капитал [3].

Введенное понятие С. Холлом «стереотипический дуализм» предполагает: ««расщепление» стереотипа на два противоположных элемента» [34, с. 308]; образ «Иного» всегда амбивалентен, и «хороший» и «плохой» стереотипы взаимосвязаны. Принципиальным является то, что оба элемента конструируют «другого» в своих интересах» [37].

Как отмечал **М. Пикеринг** у второй стороны нет права иметь собственный голос и быть самим собой, она может говорить только господствующим дискурсом – это есть центральный момент стереотипизации [37, с.14].

По мнению **И.С. Кона**, стереотипизация явления приводит к механическому сведению его под простую общую формулу, характеризующую все подобные явления. Для обыденного сознания присутствие стереотипов неизбежно. Стереотип аккумулирует некий стандартизованный коллективный опыт и тем самым регулирует поведение индивида. Стереотип может быть истинным или ложным, вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции, тем самым выражая установку социальной группы к определенному явлению [13].

По У. Липпману формирование стереотипа проходит 3 этапа: 1 – «выравнивание» 2 – усиление 3 – ассимиляция [15]. Сначала объект по разным характеристикам, сводится в описании к простым признакам, затем им придается некая значимость и происходит отбор «усиленных, выровненных» признаков для формирования целостного образа.

Опираясь на вышеизложенное, следует рассмотреть стереотипы, имеющие отношение к тематике данной работы, в частности – гендерные стереотипы в рамках миграционных процессов, этнические стереотипы в межкультурных коммуникациях.

СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Рассматривая пользу и вред, наносимый стереотипами в коммуникации, следует отметить, что –

- стереотип рассматривается в положительном ракурсе, в случаях если: отражает групповые нормы, признаки культурной группы, опирается на ситуации реального общения с представителями другой группы, представляет собой «догадку» о группе, а не неизменное утверждение.
- стереотипы становятся помехой коммуникации, когда они мешают выявлению индивидуальных особенностей, усиливают ошибочные представления о представителях другой группы, построены на полуправде и искажениях [22].

Изучение стереотипов в межкультурных коммуникациях показало, что они всегда национальны. И проявляют себя в темах бесед (что можно говорить, что нельзя), отношении ко времени, поведении в общественных местах и многом другом [23]. Возможность выбора в коммуникациях сужается при использовании стереотипов, особенно, при освещении этнических конфликтов.

В зависимости от статуса и целей мигрантов («вынужденный переселенец, беженец, родственник, желающий воссоединиться с семьей, трудовой мигрант и прочее) и создавшейся экстремальной ситуации (кризис, война, природные катастрофы) стереотипы ин- и аут-групп заметно меняются» [7].

Стереотипы подобно вопросу этнического самоопределения затрагивают вопросы этнической идентичности. Так, например, при изучении стереотипов беженцев от конфликтов на Северном Кавказе (Чеченская Республика, Южная Осетия), оказалось, что русские, проживающие в Грозном имеют негативные стереотипы по отношению к этническим группам, проживающим на его территории, а осетины приехавшие в Северную Осетию-Аланию из Грузии, менее негативно настроены по отношению к грузинам.

У русских вынужденных переселенцев, также образ собственной этнической группы был более негативен, по сравнению с автостереотипами других этнических групп, что снизило стремление к позитивной этнической идентичности. В образе чеченца негативные, русскими назывались такие характеристики: «Агрессивный», «Вспыльчивый», «Упрямый», «Хитрый», «Высокомерный», которые переплетались с позитивными — «Гордый», «Настойчивый», «Активный». При оценке русскими беженцами «русских-москвичей» стереотипы имели чуть более низкий негативный заряд, чем образ чеченца вследствие неадекватно завышенных требований к окружающим и разочарований от общения с жителями столицы. Они выражались словами: «вспыльчивые», «упрямые», «высокомерные», «осторожные», «жадные» [39].

Проведенное исследование **И.Б. Бритвиной** в отношении наличия гендерных стереотипов у вынужденных мигрантов из стран СНГ и Балтии, позволило говорить о том, что женщины, имеют по отношению к вытесняющим стереотипы, основанные на переживании страха за свою семью и существование других членов семьи, окружающие – это враждебно настроенные, создающие угрозу люди. Мужчины по отношению к вытесняющей общности в качестве стереотипов пользуются теми из них, которые отражают негативные характеристики условий и уровня оплаты труда.

В отношении принимающей стороны женщины ожидают улучшения условий жизнедеятельности всех членов семьи, а мужчины восстановления уровня оплаты труда и соответствие новой работы, имеющейся специальности.

Со стороны принимающих выделяются недоверие во взаимодействии «женщина-россиянка – мужчина мигрант», отсутствует сочувствие и желание помочь. Во взаимодействии по типу «женщина россиянка – женщина-мигрант» присутствует доверие и солидарность. Мужчины-россияне также проявляют недоверие к мужчинам-мигрантам и безразличие к женщинам-мигрантам [2, с.11-12].

В ходе межкультурного взаимодействия при обозначении этнической принадлежности объекта стереотипизации содержание гендерных стереотипов корректируется. Гендерные стереотипы выполняют не только психологические функции (когнитивного характера и сохранение положительного «Я»-образа), но и социальные функции, позволяющие осуществлять социальный контроль и поддерживать социальный порядок [21].

Социально-этнические стереотипы в выражении «свой» / «чужой» построены на этнической дистанции и наделении «своей» группы положительными характеристиками в отличие от группы «чужих». В России на современном этапе доминирующим является стереотип среднеазиата, кавказца, и несущественным – стереотип, к примеру, украинца. Хотя, в последнее время он преобразуется в стереотип бандеровца применительно к жителям западных областей Украины [7]. Комплекс превосходства, присущий многим коренным жителям, сопровождается ростом неприязни по отношению к мигрантам.

Гендерные стереотипы проявляют себя в проблеме «свой» / «чужой» на базе коллективной идентичности, выраженной в понятиях маскулинность и феминность [20]. Особенно ярко они были выражены в пропаганде периода «Холодной войны» между США и СССР. При этом, традиционное культурное пространство России, по мнению ученых, находится на стыке как Запада, так и Востока. В межкультурном дискурсе выражена гендерная метафоризация в направлении «ориентализма». Турецкий социолог **Энес Эргене** в своей монографии, посвященной проблеме методологии изучения мусульманских общин в современной науке, отмечает, что большинство произведений средневековых европейских путешественников об исламском мире было результатом бурной фантазии и откровенной лжи. В этих произведениях мусульмане предстают как «развратники», «язычники», «варвары», «обманщики». Даже сильная в политическом отношении власть мусульманских правителей и династий связывалась с их «сексуальной силой» [33]. В настоящее время отношения между западным человеком и Востоком сексуализированы и гендеризированы: Восток представлен в метафоре женственности, «сексуальным обещанием, приглашением к проникновению и оплодотворению» [35, с. 5].

Россия, с позиции Запада и самой России, по мнению **О.В. Рябова**, также предстает в концепте «Матушка Русь» [19], спасительница Запада и всего человечества (аутофеминность) [20, с. 179]. России «инкриминируются» те качества, которые можно устойчиво назвать феминными: «хаос, непредсказуемость, неспособность к самоконтролю, экстремизм, иррационализм, излишняя покорность, излишнее терпение, слабость воли, неумеренность, доброта и милосердие» [19]. Данная тенденция хорошо отражена в исследовании, проведенном **Emory Bogardus**. Начиная с 1926 года по «Шкале социальной дистанции» по 1977 год (на протяжении 50 лет) были проведены опросы студентов о желании контактировать с людьми разных социальных групп, в частности, этнических. В результате данных опросов «русские (для американцев – выходцы из России / СССР / б. СССР) опустились с 13-го места (1926 и 1946 гг.) на 24–29-ые места в годы Холодной войны» [25], что можно рассматривать как эффект «стереотипизации».

В исследованиях, проведенных в Пермском крае с 2008 года по 2017 год, наблюдается увеличение притока мигрантов, объединяющихся в этнические диаспоры. Неготовность принимающего населения и завышенные ожидания мигрантов приводят к формированию «образа врага» [16] в отношении представителей этнических диаспор.

М.С. Каменских в статье «Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса» провел исследование «двух ключевых стереотипов – о численности мигрантов и о роли мигрантов в экономике» [12] в 12 районах города Пермь, в котором приняло участие 300 респондентов: 130 мужчин и 170 женщин. Было выяснено, что мигрантам свойственно завышать численность в собственном восприятии примерно в 10 раз в сравнении с официальными данными переписи населения. Эти данные транслируются представителями диаспор в СМИ, что влияет на восприятие миграции и ее масштабов.

Как оказалось из опроса, говоря о миграции и мигрантах, большинство опрошенных с ними не сталкивалось, что говорит об абстрактном образе, сформированном у респондентов, оторванном от реальной жизни.

При этом для большинства мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии под влиянием тяжелых условий труда и низкой его оплаты растут исламистские настроения [11], что в конечном итоге привело к стереотипному отношению к проблеме миграции и самим мигрантам:

- внешняя миграция – способствует ухудшению социально-экономической ситуации, увеличивает нагрузку на бюджет, снижает возможность приобретения продуктов, потребительских товаров, обостряют конкуренцию в сфере жилья и работы (наблюдается рост мигрантофобии [18, с. 156-174]);
- вносят значительный вклад в рост преступности;
- дестабилизируют политическую ситуацию, поскольку обостряется недовольство коренных жителей, что провоцирует конфликты;

- власти обязаны принимать запретительные и репрессивные меры, препятствующие въезду новых мигрантов [6], поскольку населением мигранты воспринимаются как претендующие на постоянное место жительства [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги вышеизложенным положениям, можно говорить, что в процессе стереотипизации индивидам приписываются характеристики на основании их групповой принадлежности. При этом стереотип – есть набор представлений о характеристиках (атрибутах) группы людей. К основным свойствам стереотипов можно отнести наличие:

- оценки «свой» / «чужой»;
- трактовки различий при сравнении двух культур, социальных групп должны быть полярно противоположны;
- упрощенного варианта репрезентации «другого», когда несколько похожих характеристик объединяются в единую, упрощенную.

Список литературы

1. *Батыгин Г.С.* Стереотипы поведения: распознавание и интерпретация. – Социологические исследования. 1980. № 4.
2. *Бритвина И.Б.* Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ: автореф. дисс. ... д.с.н. Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2006.
3. *Бурдые П.* Начала. М., 1994. С. 204.
4. *Ворожко К.Д.* Стереотип как социокультурный феномен в трудах отечественных и зарубежных исследователей. – Интерактивная наука. 2016. № 6.
5. *Гаджиев К.С.* США – Эволюция буржуазного сознания. М., 1981.
6. *Гильмутдинова Г.* «Никто лучше нас», или Как это будет по-русски?. – Стрела. № 8, февраль 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gazetastrela.ru/wp-content/uploads/2015/03/N8_957.pdf (дата обращения: 04.07.2020).
7. *Дмитриев А.В.* Миграционные стереотипы в коммуникациях. – Коммуникология. 2015. № 3. С. 140-146.
8. *Жусипбек Г.* Ориентализм стереотипы, факты, попытка анализа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://proza.ru/2012/06/19/1958> (Дата обращения 30.06.2020).
9. *Зак Л. А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М, 1977.
10. *Иоффе И.* Профессия – ориенталист [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.left.ru/2006/5/ioffe139.phtml> (дата обращения 30.06.2020).
11. *Казанцев А.А., Гусев Л.Ю.* Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ. – Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. № 1. Т. 9. С. 160–176 (Kazantsev A., and Gusev L. Forecast for Terrorist Organization Activities in Central Asia and Afghanistan: Possible Counteraction in Interests of Security of the Russian Federation. – Political Expertise: POLITEKS. 2013. Vol. 9. Issue 1. P. 160-176).
12. *Каменских М.С.* Мигранты и экономика региона: вопросы зависимости (на примере Пермского края). – XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / под ред. А.Е. Загребина, М.Ю. Мартыновой; ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН. М.: Ижевск, 2017. С. 318.
13. *Кон И.С.* Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков). – Новый мир. 1966. № 9. С. 188–204.
14. *Кондратенко Г.М.* Об особенностях стереотипизации. – Вестник МГУ. 1968. № 2.
15. *Липпман У.* Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384с.
16. *Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г.* Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учеб. пособие. М.: Форум, 2013. С. 271–272.
17. *Нигора Бухари-заде.* Мы и ОНИ: О мигрантах, языке вражды и агрессивной ментальности (Дата размещения 09.06.2015 10:29) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fergananews.com/articles/8577> (Дата обращения: 04.07.2020)
18. *Розанова М.* Россия – новая иммиграционная страна? Динамика изменения подходов к интеграции мигрантов: от политики толерантности к «миграционной полиции» (на примере Санкт-Петербурга). – Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография. Ред. и сост. М.С. Розанова. Пер. с англ. М.С. Розановой и А.Б. Лесохина. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт, 2016.
19. *Рябов О.В.* «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.
20. *Рябов О.В.* Межкультурная интолерантность: гендерный аспект. – Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 165-179.
21. *Рябова Т.Б.* Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дисс. ... д.с.н. Ивановский государственный университет, Иваново, 2009. – 43 с.

22. Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие. Томск: Изд. Томского политехнического университета, 2013. – С. 84.
23. Чеканова С.А. Роль стереотипов в межкультурном общении. – Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. №12. 2017. С. 263-265.
24. Шерковин Ю.А. Убеждение, внушение, пропаганда. – Вестник МГУ. 1969. № 5.
25. Эмигранты. Стереотипы (Дата размещения 06.10.2010) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://igornasa.livejournal.com/15020.html> (Дата обращения: 04.07.2020).
26. Эргене Э. Движение Гюлена: зов к благоразумию. М., 2010.
27. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. –Методологические проблемы социальной психологии. Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975.
28. Allport J. W. The natural of Prejudice. N. Y., 1958. № 4.
29. Bourdieu P. Masculine domination. Stanford, 2001. P. 103.
30. Dennis K. Davis, Stanley J. Baran. Communication and everyday Life: A Perspective on Theory and Effects. – Wadsworth Publishing Company, 1981.
31. Eberhardt J.L., Fiske S.T. Motivating individuals to change: What is a target to do? –Stereotypes and stereotyping. N.Y., 1996. P. 371-381.
32. Edward Said. Orientalism. N.Y.: Vintage Books, 2003. P. 5, 40, 87, 121.
33. Ergene E. *Geleneğin*. Modern Çağın Tanıklığı. Istanbul: Akademi Yayinlari, 2005. P. 140-143.
34. Hall S. The West and the Rest: Discourse and power. – S. Hall, B. Gieben (eds.). Formations of modernity. Cambridge, 1992.
35. Lewis R. Gendering Orientalism: Race, femininity and representation. London; New York, 1996.
36. Mim Kemal. Küresel Toplum, Ankara: ASAM, 2001.
37. Pickering M. Stereotyping: the politics of representation. N.Y., 2001.
38. Said E. W. Orientalism. N.Y., 1978.
39. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 337-340.

Информация об авторах

Сагитова Виктория Равильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Сагитова Виктория Равильевна, e-mail: ViRSagitova@kpfu.ru

MIGRATION PROCESSES IN THE GLOBAL WORLD

Original Paper

Migration stereotypes in cross-cultural communications

V. R. Sagitova¹

¹ *Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7002-4719>, e-mail: ViRSagitova@kpfu.ru*

Abstract:

Presents an analytical view of stereotypes in cross-cultural interaction. Globalization, which leads to new migration opportunities for the world's population, also brings with it new formats of thinking. The need to understand the thinking patterns of residents of the host country and migrants is important, since stereotypes, often based on illusory ideas, can cause conflicts in cross-cultural interaction. The study of stereotypes in migration policy will not only reduce the tension on the part of the receiving and visiting countries, but also improve the state of intercultural relations. As methods that allow us to study the stereotypes and stereotypical thinking in the migration sphere, well-known in domestic and foreign circles of scientists and researchers, we can distinguish sociological surveys conducted both among the population of cities and among migrants arriving in them on a temporary or permanent basis. The results that are currently available in the field of migration processes are reports that show that the population of host countries or cities sometimes does not even have the opportunity to contact newcomers, but based on rumors, personal traits, and perception features, they

draw a negative image of the migrant, which leads to tension in cross-cultural relations and causes a response tension in the views of migrants. This and a number of other issues require further research on the stated topic as factors in the development of intercultural interaction.

Keywords:

stereotypes, refugee stereotypes, gender stereotypes, socio-ethnic stereotypes, migration, cross-cultural interaction, orientalist worldview, orientalist way of thinking, cross-cultural communication

References

1. Batygin G.S., 1980, Stereotipy povedeniya: raspoznanie i interpretatsiya. – *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 1980. № 4. (In Russ.)
2. Britvina I.B., 2006, *Gendernaya determinatsiya adaptatsii vyzhivayemykh migrantov: sotsiologicheskiy analiz*: avtoref. diss. ... d.s.n. Ural'skiy gosudarstvennyy universitet im. A.M. Gor'kogo, Yekaterinburg, 2006. (In Russ.)
3. Burd'ye P., 1994, *Nachala*. M., 1994. S. 204. (In Russ.)
4. Vorozhko K.D., 2016, Stereotip kak sotsiokul'turnyy fenomen v trudakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovateley. – *Interaktivnaya nauka*. 2016. № 6. (In Russ.)
5. Gadzhiev K.S., 1981, *SSHA – Evolyutsiya burzhuaznogo soznaniya*. M., 1981. (In Russ.)
6. Gil'mutdinova G., 2015, «Nikto luchshe nas», ili Kak eto budet po-russki?. – *Strela*. № 8, fevral' 2015. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://gazetastrela.ru/wp-content/uploads/2015/03/N8_957.pdf (data obrashcheniya: 04.07.2020). (In Russ.)
7. Dmitriyev A.V., 2015, Migratsionnyye stereotipy v kommunikatsiyakh. – *Kommunologiya*. 2015. № 3. S. 140–146. (In Russ.)
8. Zhusipbek G., 2012, *Orientalizm stereotipy, fakty, popytka analiza* [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://proza.ru/2012/06/19/1958> (Data obrashcheniya 30.06.2020). (In Russ.)
9. Zak L.A., 1977, *Zapadnaya diplomatiya i vneshnepoliticheskiye stereotipy*. M., 1977. (In Russ.)
10. Ioffe I., 2006, *Professiya – orientalist* [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.left.ru/2006/5/loff139.phtml> (data obrashcheniya 30.06.2020). (In Russ.)
11. Kazantsev A.A., Gusev L.Yu., 2013, Prognoz deyatelnosti terroristicheskikh organizatsiy v stranakh Tsentral'noy Azii i Afganistane: vozmozhnyye puti protivodeystviya v interesakh bezopasnosti RF [Forecast for Terrorist Organization Activities in Central Asia and Afghanistan: Possible Counteraction in Interests of Security of the Russian Federation]. – *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2013. №1. T. 9. S. 160–176. (In Russ.)
12. Kamenskikh M.S., 2017, Migranty i ekonomika regiona: voprosy zavisimosti (na primere Permskogo kraja). – *XII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov*. Pod red. A. Ye. Zagrebina, M. Yu. Martynovoy; IEA RAN, UIYAL UrO RAN. Moscow, Izhevsk, 2017. S. 318. (In Russ.)
13. Kon I.S., 1966, Psikhologiya predrassudka (o sotsial'no-psikhologicheskikh kornakh etnicheskikh predubezhdeniy). – *Novyy mir*. 1966. № 9. S. 188–204. (In Russ.)
14. Kondratenko G.M., 1968, Ob osobennostyakh stereotipizatsii. – *Vestnik MGU*. 1968. № 2. (In Russ.)
15. Lippman U., 2004, *Obshchestvennoye mneniye*. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye», 2004. – 384 s. (In Russ.)
16. Mastuygina T.M., Perepelkin L.S., Stel'makh V.G., 2013, *Natsional'naya politika v Rossii: XVI – nachalo XXI veka*: ucheb. posobiye. M.: Forum, 2013. S. 271–272. (In Russ.)
17. Nigora Bukhari-zade, 2015, *MY i ONI: O migrantakh, yazyke vrazhdy i agressivnoy mental'nosti* (Data razmeshcheniya 09.06.2015 10:29) [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.fergananews.com/articles/8577> (Data obrashcheniya: 04.07.2020) (In Russ.)
18. Rozanova M., 2016, Rossiya – novaya immigratsionnaya strana? Dinamika izmeneniya podkhodov k integratsii migrantov: ot politiki tolerantnosti k «migratsionnoy politike» (na primere Sankt-Peterburga). – *Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i Rossii*: Kollektivnaya monografiya. Red. i sost. M.S. Rozanova. Per. s angl. M.S. Rozanovoy i A.B. Lesokhina. SPb.: Tsentr grazhdanskikh, sotsial'nykh, nauchnykh i kul'turnykh initsiativ «STRATEGIYA»; Skifiya-print, 2016. (In Russ.)
19. Ryabov O.V., 2001, «Matushka-Rus'»: Opyt gendernogo analiza poiskov natsional'noy identichnosti Rossii v otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii. M., 2001. (In Russ.)
20. Ryabov O.V., 2004, Mezhekul'turnaya intolerantnost': gendernyy aspekt. – *Kul'turnyye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii*: Kollektivnaya monogr. Otv. red. N.A. Kupina i O.A. Mikhaylova. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004. S. 165–179. (In Russ.)
21. Ryabova T.B., 2009, *Gendernyye stereotipy v politicheskoy sfere sovremennogo rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskiy analiz*: avtoref. diss. ... d.s.n. Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, Ivanovo, 2009. – 43 s. (In Russ.)
22. Frik T.B., 2013, *Osnovy teorii mezhekul'turnoy kommunikatsii*: uchebnoye posobiye. Tomsk: Izd. Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2013. – S. 84. (In Russ.)
23. Chekanova S.A., 2017, Rol' stereotipov v mezhekul'turnom obshchenii. – *Sovremennaya nauka: Aktual'nyye problemy teorii i praktiki*. Ser.: *Gumanitarnyye nauki*. №12. 2017. S. 263–265. (In Russ.)
24. Sherkovin Yu. A., 1969, Ubezhdeniye, vnusheniye, propaganda. – *Vestnik MGU*. 1969. № 5. (In Russ.)
25. *Emigranty. Stereotipy*, 2010 (Data razmeshcheniya 06.10.2010) [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://igornasa.livejournal.com/15020.html> (Data obrashcheniya: 04.07.2020). (In Russ.)

26. Ergene E., 2010, *Dvizheniye Gyulena: zov k blagorazumiyu*. M., 2010. (In Russ.)
27. Yadov V.A., 1975, O dispozitsionnoy regulyatsii sotsial'nogo povedeniya lichnosti. – *Metodologicheskiye problemy sotsial'noy psikhologii*. Pod red. Ye.V. Shorokhovoy. M., 1975.
28. Allport J. W., 1958, *The natural of Prejudice*. N. Y., 1958. № 4.
29. Bourdieu P., 2001, *Masculine domination*. Stanford, 2001. P. 103.
30. Dennis K. Davis, Stanley J. Baran., 1981, *Communication and everyday Life: A Perspective on Theory and Effects*. – Wadsworth Publishing Company, 1981.
31. Eberhardt J.L., Fiske S.T., 1996, Motivating individuals to change: What is a target to do? – In C. N. Macrae, C. Stangor, & M. Hewstone (Eds.), *Stereotypes and stereotyping* (pp. 369-415). New York: Guilford Press, 1996.
32. Edward Said, 2003, *Orientalism*. N.Y.: Vintage Books, 2003. P. 5, 40, 87, 121.
33. Ergene E. Geleneğin, 2005, *Modern Çağa Tanıklığı*. Istanbul: Akademi Yayinlari, 2005. P. 140-143.
34. Hall S., 1992, The West and the Rest: Discourse and power. – S. Hall, B. Gieben (eds.). *Formations of modernity*. Cambridge, 1992.
35. Lewis R., 1996, *Gendering Orientalism: Race, femininity and representation*. London; New York, 1996.
36. Mim Kemal, 2001, *Küresel Toplum*, Ankara: ASAM, 2001.
37. Pickering M., 2001, *Stereotyping: the politics of representation*. N.Y., 2001.
38. Said E. W., 1978, *Orientalism*. N.Y., 1978.
39. Soldatova G.U., 1998, *Psixologiya mezhetnicheskoj napryazhennosti* [Psychology of ethnic tensions]. Moscow: Smysl, 1998. S. 337-340. (In Russ.)

Information about the author

Victoria R. Sagitova, Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of regional studies and Eurasian studies, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Corresponding author

Victoria R. Sagitova, e-mail: ViRSagitova@kpfu.ru

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 1

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 1

УДК: 94(47):330.8

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-4-4

Поступила в редакцию: 05.11.2020 г.

Submitted: November 5, 2020

Опубликована: 20.01.2021 г.

Published online: January 20, 2021

Для цитирования: Комаров А. В., Мартюкова В. М. Развитие экономических идей в Российской империи в первой половине XIX века. *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 4-4.

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-4-4.

For citation: Komarov A. V., Martyukova V. M. Development of economic ideas in the Russian Empire in the first half of the XIX century. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):4-4. (In Russ.) DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-4-4.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Оригинальная статья

Развитие экономических идей в Российской империи в первой половине XIX века

А. В. Комаров¹, В. М. Мартюкова²

¹ *Московский авиационный институт (НИУ),
г. Москва, Российская Федерация,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4944-9012>, e-mail: wert-63@yandex.ru

² *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5454-4295>, e-mail: vera.martyukova@bk.ru

Аннотация:

Целью написания данной статьи являлось изучение процесса развития экономической мысли в Российской империи в первой половине XIX в., так как данный период можно описать, как предкризисный, сочетающий в себе устаревшие формы хозяйствования и новейшие, рыночные. Именно в рассматриваемый период стало очевидно, что Российская империя не может развиваться, поддерживая крепостничество, однако решиться на отказ от него казалось невыполнимой задачей, что обуславливает возникшие позже противоречия многочисленных мероприятий в период царствования Александра I и Николая I. Примечательно, что именно с деятельностью декабристов связана либеральная экономическая мысль России данного периода, так как они выступали за принятие более решительных мер, чем их предшественники. С помощью принципов историзма, достоверности, научной объективности и метода сравнения основных взглядов представителей различных течений экономической либеральной мысли, проведен анализ официальных исторических сведений, научных трудов российских историков, экономистов и государственных деятелей рассматриваемого периода – П. И. Пестеля, Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, а также

представителей славянофильства. В результате изучения различных мнений и идей деятелей того времени в статье была обоснована роль идеи экономического либерализма в Российской империи в конце XVIII – начале XIX века в развитии всех сфер жизни российского общества, а также отражена её взаимосвязь с идеями декабристов. Также сделан вывод, что все изученные взгляды и мировоззрения существенно изменили направление развития страны, став основой многочисленных преобразований.

Ключевые слова:

экономический либерализм, экономическая мысль, фритредерство, славянофильство, западничество, декабристы

ВВЕДЕНИЕ

Либеральная экономическая мысль Российского государства в первой половине XIX века непосредственно связана с деятельностью декабристов, требовавших принятия более решительных мер, чем их предшественники.

ВЗГЛЯДЫ П. И. ПЕСТЕЛЯ

Руководитель Южного общества, Павел Иванович Пестель (1793 – 1826 гг.), являлся одним из представителей радикального экономического либерализма XIX столетия. Он считал необходимым скорейшее уничтожение крепостного права и помещичьей монополии на землю, причем с передачей её значительной части крестьянам. Также в своей программе «Русская Правда» Пестель предлагал:

- отменить экономические привилегии дворянства в виде обладания крепостными и освобождения от налогов;
- разделить землю, которая была занята в сельскохозяйственной отрасли, на два фонда: общественных и частных земель;
- разрешить частную собственность на землю (что является одним из главных постулатов экономического либерализма);
- предоставить каждому гражданину право свободно заниматься той деятельностью, которая приносит ему выгоду [3, с. 59].

Вышеназванный проект, который был предложен Пестелем, выделял крестьянам существенно больший объем земли, нежели правительственная реформа, проведенная в 1861 г., однако впоследствии он не получил широкого распространения в Российской империи [11, с. 72]. Тему отмены крепостного права П. И. Пестель также поднимал в своих работах «Дележ земель» и «Краткое умозрительное обозрение», которые по ряду моментов были схожи с утопичными и не имеющими практического применения земельными положениями «Конституции» лидера Северного общества декабристов, Н. М. Муравьева [1].

Павел Иванович не ограничивался поиском путей решения такой социально-экономической проблемы, как крепостное право, так как известны работы, в которых предметом его анализа становилось налогообложение в Российской империи. Изучив сущность налогов и процесса их взимания в России, он пришел к выводу о необходимости строгого соблюдения принципа равенства налогообложения для всех социальных групп общества.

Ключевая идея Пестеля заключалась в том, что натуральные и личные повинности того или иного рода необходимо поменять на денежные, при этом разделяя их на прямые и косвенные, а также устранить подушную подать как пережиток крепостного права [4].

При этом знаменитый российский революционер говорил о необходимости развития банковской системы в стране, соглашаясь с мнением М. М. Сперанского по данному вопросу [20, с. 111].

Н. И. ТУРГЕНЕВ И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Николай Иванович Тургенев (1789 – 1871 гг.), известный экономист и публицист XIX века, во многом схож в экономических взглядах с П. И. Пестелем. Он считал нецелесообразным практику использования труда

крепостных крестьян и выступал за скорейшую отмену крепостничества, отмечая необходимость освобождения крестьян вместе с земельными наделами [19, с. 221].

Н. И. Тургенев известен как автор учения о государственных доходах и налогах, по отношению к которым он придерживался точки зрения А. Н. Радищева и М. М. Сперанского, выступая за отмену подушной подати и замену ее подоходно-имущественным налогом (налогом «на рабочие силы и землю») [11, с. 76]. По его мнению, не только крестьяне и мещане, но и дворяне должны платить налоги с целью недопущения дальнейшей трансформации помещиков в «паразитирующий на обществе класс» [10, с. 73].

Николай Иванович одним из первых предложил разделять сборы на прямые и косвенные и отменить налог с заработной платы, так как он, по его мнению, отнимал средства на воспроизводство рабочего и содержание его семьи [18]. Воззрения Тургенева на тему налогообложения были отражены в его работах «Рассуждения о банках» (1810 г.) и «Опыт теории и налогов» (1818 г.) [17, с. 69].

Он выражал свое несогласие с существующей сословной привилегией дворян, проявлявшейся в виде освобождения от налогов, и четко разграничивал суть металлического, бумажного и кредитного денежного обращения в государстве.

Таким образом, он следовал приоритету золотых монет, имеющих внутреннюю стоимость, над бумажными деньгами. По его мнению, бумажные ассигнации могут использоваться лишь в качестве заменителя золотых денег и средства для покрытия их возможного дефицита. Это объясняется тем, что стоимость банкнот могла быть приравнена к стоимости золотых монет только по исключительной необходимости [19, с. 173].

Кроме того, во внешней торговле Н. И. Тургенев являлся сторонником фритредерства, а другие многочисленные проблемы экономики и финансов России начала XIX в. были подвергнуты им анализу в работе «Россия и русские» (1847 г.), «О новом устройстве крестьян» (1861 г.).

ВКЛАД М. Ф. ОРЛОВА В РАЗВИТИЕ ИДЕИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Один из декабристов, Михаил Федорович Орлов (1788 – 1842 гг.), являясь абсолютным либералом по своим экономическим и политическим взглядам, занимался исследованиями государственных финансов [13, с. 121]. Так, он обосновал ключевые достоинства государственного кредита для государственной экономики, а займы считал залогом процветания и богатства всей нации [3, с. 61].

Михаил Федорович основал «Орден русских рыцарей» с целью противостояния абсолютизму и крепостничеству, а также считал, что долги империи должны быть безграничными и безвозвратными, в связи с чем выплачиваться будут только «вечные» проценты [15, с. 229].

Его теория, связанная с государственным кредитом, была нацелена против монополии, причем как частной, так и государственной, в связи с тем, что он добивался для Российского государства:

- независимости хозяйственной деятельности,
- сдержанного буржуазного просвещения,
- улучшения качества законодательства,
- проведения либеральных реформ [12, с. 79].

Кроме того, в сфере внешней политики Орлов придерживался фритредерства, в связи с чем считал обязательным наращивать приток иностранного капитала в Российскую империю для последующего претворения в жизнь ключевых для страны проектов и решения насущных экономических проблем.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ТЕОРИЯ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА

Значительную роль в процессе становления русской экономической мысли первой половины XIX века сыграл известный философ, публицист и писатель Николай Гаврилович Чернышевский (1828 – 1889 гг.), который являлся сторонником революционной демократии и довольно серьезно увлекался идеями социализма [3, с. 58].

Заинтересованность Н. Г. Чернышевского в этой общественно-экономической формации проявилась в созданной им теории «русского социализма», предусматривавшей переход к данному общественному строю через крестьянское общество и рабочий объединения, минуя капитализм.

Поддерживая идеи английского философа-утописта Р. Оуэна, Н. Г. Чернышевский мечтал о создании «политэкономии трудящихся». В своей работе «Капитал и труд» (1859 г.) он отразил свои ключевые экономические взгляды и выдвинул собственное объяснение таких экономических категорий, как стоимость, капитал, деньги и прибыль [16, с. 317].

ВЗГЛЯДЫ А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА

Александр Иванович Герцен (1812 – 1877 гг.) также являлся явным либералом с «социалистическим» оттенком, выступая как сторонник теории «русского крестьянского социализма». Основной экономической проблемой, которую он рассматривал, как и многие его предшественники, являлся вопрос отмены крепостного права. В эмиграции, отказавшись от части либеральных идей, философ сосредоточился на мыслях о социалистическом преобразовании России, вследствие чего многие его экономические взгляды нашли свое отражение в журнале «Колокол», который издавался им совместно с Н. П. Огаревым в Лондоне.

Николай Платонович Огарев (1813 – 1877 гг.) во многом разделял экономические и социальные взгляды А. И. Герцена. Так, в эмиграции он увлекся идеями социализма, отказавшись от либеральных, и считал крестьянскую общину тем объектом, который в будущем может сыграть ключевую роль в преобразовании российского общества. В связи с этим он поддерживал расширение прав крестьян на землю, общинное землепользование и самоуправление [7].

Познакомившись с ключевыми идеями Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена и Н.П. Огарева, представителями такого философского и общественного течения, как западничество, необходимо упомянуть взгляды их оппонентов, представителей славянофильства, общественно-литературного и философского течения – А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и Ю. Ф. Самарина.

ВЗГЛЯДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Основоположником данного течения является Алексей Степанович Хомяков (1804 – 1860 гг.), уделявший в своих трудах особое внимание религиозным вопросам, а в общественно-экономическом плане считал капитализм и социализм «негативными отпрысками западного декадентства» [2]. О крепостном праве А. С. Хомяков отзывался негативно, считая, что его необходимо отменить. Так, будучи представителем прогрессивного дворянства, он поддерживал повсеместное внедрение наемного труда рабочих и одним из первых стал использовать такой способ организации в хозяйстве своего имения [6].

Алексей Степанович являлся сторонником промышленного пути развития России и поддерживал применение машин в производстве, в том числе, и в сельском хозяйстве. Так, в своем имении он стал использовать труд машин, причем многие из них были спроектированы им самим [5].

Взгляды философа и публициста Ивана Васильевича Киреевского (1806 – 1856 гг.) далеко не во всем совпадали с взглядами А. С. Хомякова, несмотря на общую приверженность славянофильству [9, с. 6]. И. В. Киреевский противостоял отмене крепостничества, так как не видел более разумного способа освобождения крестьян от помещичьего гнета. Он боялся, что крестьяне окажутся неготовыми к реформе и, будучи уязвленными и неспособными вести самостоятельную хозяйственную деятельность, снова попадут в зависимость к помещикам [21].

Еще один знаменитый представитель славянофильства, русский публицист Юрий Федорович Самарин (1819 – 1876 гг.) поддерживал А. С. Хомякова в вопросе отмены крепостного права. Он считал необходимым обеспечивать освобождение крестьян с землей, так как, по его мнению, она являлась их главным богатством [7].

Ю.Ф. Самарин, являясь одним из тех немногих прогрессивных дворян, к мнению которых прислушивались государственные чиновники, критиковал «безземельную» отмену крепостного права Александром I в Прибалтийских губерниях в 1816 г., и впоследствии был привлечен к разработке проекта крестьянской реформы 1861 года. Во внешней торговле Ю. Ф. Самарин считал необходимым проведение империей политики протекционизма.

Все приведенные взгляды и идеи сыграли важную роль в последующем распространении экономической либеральной мысли в России. Они значительно изменили направление развития страны, став основой многочисленных преобразований, часть из которых серьезно (если не кардинально) затронула различные сферы жизни общества [15, с. 142].

ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕЙ И РЕФОРМ

Некоторые предложения, высказанные либералами и воплотившиеся в жизнь, такие как активное внедрение машин в производство; предоставление крестьянам в период правления Николая I независимости в передвижении и осуществлении хозяйственной деятельности; послужили катализаторами проведения в стране промышленной революции 1830 – 1840-х гг. [22, с. 221].

Начался процесс становление Российской империи как индустриально-аграрной державы, что повлекло за собой смену отраслевой структуры экономики и существенно увеличило благосостояние страны [14, с. 142]. Однако, рассматривая негативные последствия, необходимо отметить среди них усиление социально-экономических и политических противоречий в обществе. В социальной сфере одним из ключевых либеральных достижений стало осуществление крестьянской реформы Александром II в 1861 г. и отмена крепостничества, разрушившая барьер на пути дальнейшего развития России [8, с. 161].

Другие либеральные реформы Александра II, такие как земская, судебная и реформа просвещения, изменили политическую структуру на местах, предоставили большую самостоятельность местным выборным органам власти, способствовали формированию и развитию гражданских институтов общества, повысили уровень культуры населения [6].

Резкий рост грамотности стал причиной всплеска активности общества, которое все чаще начало проявлять осознанную заинтересованность в политических и социальных вопросах, что в дальнейшем приведет к образованию политических кружков и первых партий [8, с. 188].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX века начнется расширение масштабов деятельности социалистов и либералов, требовавших от государства проведения социальной политики на качественно новом уровне. После того, как рабочие получают избирательные права, они станут пользоваться ими в своих интересах, и итогом противостояния между жаждущим перемен обществом с одной стороны и консервативно настроенной властью с другой станут революция 1905 года и две революции 1917 года.

Экономический либерализм в России в конце XVIII – начале XIX века оказал существенный эффект на все сферы жизни общества. Причем данное влияние растянулось на десятилетия и в какой-то степени, затрагивает и наше время.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т.1. Москва, 2008.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва: Терра, 2008. – 576 с.
3. Комаров А. В., Лабусов М. В. Либерально-экономические взгляды декабристов. –Теоретические и практические вопросы науки XXI в.: сборник статей 33 Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 247 с. С. 57-64
4. Конотопов М. В., Агапова И. И. Егоров А. Ю. История и философия экономики. Москва. Кнорус. 2010. – 662 с.
5. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. Москва: Социум. 2012.

6. Лабусов М. В. Экономическая либеральная мысль России в период правления Екатерины II. – Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: материалы XII Студенческой международной заочной научно-практической конференции (8 октября 2013 г.). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. С. 243-251.
7. Леонтович В. В. История либерализма в России (1762–1914). Москва: Русский путь. 1995.
8. Ляшенко Л. М. Царь-Освободитель. Жизнь и деяния Александра II. Москва: Владос. 1994. – 240 с.
9. Мамедов О. Ю. Три императива цивилизованной экономики. – Пространство экономики. 2011. №4. С. 5-8.
10. Муравьева Л. А. Развитие российской экономической мысли во второй половине XVIII века. – Финансы и кредит. 2009. № 19. С. 70-79.
11. Муравьева Л. А. Состояние финансово-экономической мысли России в первой половине XIX века. – Финансы и кредит. 2011. № 34. С. 69-79.
12. Муравьева Л. А. Социально-экономическое развитие России в первой половине XIX века. – Финансы и кредит. 2010. №32 (416). С. 74-83.
13. Орлов С. В. М. Ф. Орлов – Теоретик российского экономического либерализма. –Историко-экономические исследования. 2003. №1. С. 117-144.
14. Протасова С. С. Эволюция русского либерализма. – Молодой ученый. 2019. №1 (239). С. 142-144.
15. Пустарнаков В. Ф., Худушина И. Ф. Либерализм в России. Москва: РАН: Институт философии, 1996. – 451 с.
16. Рожкова М. К. Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Москва, 1959. – 403 с.
17. Соловьев А. И. Либерализм: логика истории и проблемы современного дискурса. –Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. №5. С. 66-83.
18. Соловьев В. С. Оправдание добра. Москва: Институт русской цивилизации. 2012. – 656 с.
19. Тургенев Н. И. Россия и русские. Москва: ОГИ [Объединённое гуманитарное издательство], 2001. – 742 с.
20. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. Москва: Наука. 1989. – 240 с.
21. Шнейдер К. И. Либерализм в России: история возникновения отечественной либеральной традиции. – Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2017. №3 (38).
22. Christopher Chase-Dunn. Globalization from Below: Toward a Collectively Rational and Democratic Global Commonwealth. – Social Evolution & History. 2003. №1. С. 195-237.

Информация об авторах

Комаров Алексей Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «История» Московского авиационного института (НИУ), г. Москва, Российская Федерация.

Мартюкова Вера Михайловна, факультет финансовых рынков им. Геращенко Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Мартюкова Вера Михайловна, e-mail: vera.martyukova@bk.ru

HISTORY OF ECONOMIC THEORIES, DOCTRINES, DOGMAS

Original Paper

Development of economic ideas in the Russian Empire in the first half of the XIX century

Alexey V. Komarov ¹, Vera M. Martyukova ²

¹ Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4944-9012>, e-mail: wert-63@yandex.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5454-4295>, e-mail: vera.martyukova@bk.ru

Abstract:

The purpose of this article is to study the development of economic thought in the Russian Empire in the first half of the XIX century, since this period can be described as a pre-crisis period, combining outdated forms of management and the latest, market-based ones. It was during this period that it became obvious that the Russian Empire could not develop by supporting serfdom, but it seemed an impossible task to decide to abandon it, which caused the contradictions that arose later in numerous events during the reigns of Alexander I and Nicholas I. It is noteworthy that the activity of the Decembrists is associated with the liberal economic thought of Russia in this period, as they advocated taking more drastic measures than their predecessors. Using the principles of historicism, reliability, scientific objectivity and the method of comparing the main views of representatives of various currents of economic liberal thought, the analysis of official historical information, scientific works of historians, economists and statesmen of the period under consideration – P. I. Pestel, N. I. Turgenev, M. F. Orlov, N. G. Chernyshevsky, A. I. Herzen, N. p. Ogarev, as well as representatives of Slavophilism. As a result of studying various opinions and ideas of figures of that time, the article substantiates the role of the idea of economic liberalism in the Russian Empire in the late XVIII-early XIX centuries in the development of all spheres of life of Russian society, and also reflects its relationship with the ideas of the Decembrists. It is also concluded that all the studied views and worldviews have significantly changed the direction of the country's development, becoming the basis for numerous transformations.

Keywords:

economic liberalism, economic thought, fritrederstvo, Slavophilism, Westernism, Decembrists

References

1. Akhiezer A.S., 2008, *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: criticism of historical experience]. Moscow, 2008. (in Russ.).
2. Danilevskii N. Ya., 2008, *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Terra publ., 2008. (in Russ.).
3. Komarov A. V., Labusov M. V., 2014, Liberal'no-ekonomicheskie vzglyady dekabristov [Liberal-economic views of the Decembrists]. – *Teoreticheskie i prakticheskie voprosy nauki XXI v.* Ufa: RIC BashGU, 2014. – 247 s. S. 57-64. (in Russ.).
4. Konotopov M. V., Agapova I. I. Egorov A. Yu., 2010, *Istoriya i filosofiya ekonomiki* [History and philosophy of Economics]. Moscow, Knorus publ., 2010. (in Russ.).
5. Kulisher I. M., 2012, *Istoriya russkogo narodnogo khozyaistva* [History of Russian national economy]. Moscow: Sotsium publ., 2012. (in Russ.).
6. Labusov M. V., 2013, Ekonomicheskaya liberal'naya mysl' Rossii v period pravleniya Ekateriny II [Economic liberal thought of Russia during the reign of Catherine II]. – *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Ekonomicheskie nauki: materialy XII Studencheskoy mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (8 oktyabrya 2013 g.)*. Novosibirsk: Izd. «SibAK», 2013. S. 243-251. (in Russ.).
7. Leontovich V. V., 1995, *Istoriya liberalizma v Rossii (1762 – 1914)* [History of liberalism in Russia (1762 – 1914)]. Moscow: Russkii put' publ., 1995. (in Russ.).
8. Lyashenko L. M., 1994, *Tsar'-Osvoboditel'. Zhizn' i deyaniya Aleksandra II* [The Tsar-Liberator. Life and deeds of Alexander II]. Moscow: Vlado publ., 1994. (in Russ.).
9. Mamedov O. Yu., 2011, Tri imperativa civilizovannoy ekonomiki [Three imperatives of a civilized economy]. – *Prostranstvo ekonomiki*. 2011. №4. S. 5-8. (in Russ.).
10. Murav'eva L. A., 2009, Razvitie rossiiskoi ekonomicheskoi mysli vo vtoroi polovine XVIII veka [Development of Russian economic thought in the second half of the XVIII century]. – *Finansy i kredit*. 2009. № 19. S.70-79. (in Russ.).
11. Murav'eva L. A., 2011, Sostoyanie finansovo-ekonomicheskoi mysli Rossii v pervoi polovine XIX veka [The state of financial and economic thought in Russia in the first half of the XIX century]. – *Finansy i kredit*. 2011. № 34. S.69-79. (in Russ.).
12. Murav'eva L. A., 2010, Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii v pervoi polovine XIX veka [Socio-economic development of Russia in the first half of the XIX century]. – *Finansy i kredit*. 2010. №32 (416). S. 74-83. (in Russ.).
13. Orlov S. V., 2003, M. F. Orlov – Teoretik rossijskogo ekonomicheskogo liberalizma [M. F. Orlov – Theorist of Russian economic liberalism]. – *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 2003. №1. S. 117-144. (in Russ.).
14. Protasova S. S., 2019, Evolyuciya russkogo liberalizma [Evolution of Russian liberalism]. – *Molodoy uchenyj*. 2019. № 1 (239). S. 142-144. (in Russ.).
15. Pustarnakov V. F., Khudushina I. F., 1996, *Liberalizm v Rossii* [Liberalism in Russia]. Moscow: RAN: Institut filosofii, 1996. (in Russ.).
16. Rozhkova M. K., 1959, *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX veka* [Essays on the economic history of Russia in the first half of the XIX century]. Moscow, 1959. (in Russ.).
17. Solov'ev A. I., 2010, Liberalizm: logika istorii i problemy sovremennogo diskursa [Liberalism: the logic of history and problems of modern discourse]. – *Kontury global'nykh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2010. №5. S. 66-83. (in Russ.).

18. Solov'ev V. S., 2012, *Opravdanie dobra* [Justification of good]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2012. (in Russ.).
19. Turgenev N. I., 2001, *Rossiya i russkie* [Russia and Russians]. Moscow: OGI, 2001. (in Russ.).
20. Chibiryayev S. A., 1989, *Velikii russkii reformator: Zhizn', deyatel'nost', politicheskie vzglyady M.M. Speranskogo* [The great Russian reformer: Life, activity, political views of M. M. Speransky]. Moscow: Nauka, 1989. (in Russ.).
21. Shnejder K. I., 2017, Liberalizm v Rossii: istoriya vzniknoveniya otechestvennoj liberal'noj tradicii [Liberalism in Russia: the history of the Russian liberal tradition]. – *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriya*. 2017. №3 (38).
22. Christopher Chase-Dunn, 2003, Globalization from Below: Toward a Collectively Rational and Democratic Global Commonwealth. – *Social Evolution & History*. 2003. №1. P. 195-237.

Information about the authors

Alexey V. Komarov, Cand. Sci. (Pedagogica), Assoc. Prof. of the Department "History" of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation.

Vera M. Martyukova, faculty of financial markets, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Vera M. Martyukova, e-mail: vera.martyukova@bk.ru

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 1

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 1

УДК: 94(4):327(98+481) «1918/1920»

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-5-5

Поступила в редакцию: 12.11.2020 г.

Submitted: November 12, 2020

Опубликована: 24.02.2021 г.

Published online: February 24, 2021

Для цитирования: Nielsen, Jens Petter. The Civil Wars in the High North (1918–1920) and their consequences for Norway. *Наука. Общество. Оборона*. Москва. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 5-5.

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-5-5.

For citation: Nielsen, Jens Petter. The Civil Wars in the High North (1918–1920) and their consequences for Norway. *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):5-5. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-5-5.

Конфликт интересов: Ранее опубликовано на русском языке в сборнике материалов международной научной конференции «Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории» (Москва: Пятый Рим, 2020. С. 177–186).

Conflict of Interest: Previously published in Russian in the collection of materials of the international scientific conference "The international intervention and the Civil War in Russia and the Russian North: the key issues, historical memory and the lessons of history" (Moscow: Fifth Rome, 2020. S. 177–186).

INTERNATIONAL RELATIONS

Original Paper

The Civil Wars in the High North (1918–1920) and their consequences for Norway

Nielsen, Jens Petter ¹

¹ *The University of Tromsø – The Arctic University of Norway,
Tromsø, Norway,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0659-7544>, e-mail: jens.petter.nielsen@uit.no

Abstract:

The present article deals with Norwegian threat perceptions during the Russian and Finnish civil wars. The most serious challenges to Norway were thought to be Finnish intentions to annex part of the Murman coast (Pechenga) and the possibility that this would also include a bit of Norwegian territory. In addition there was a fear that thousands of Russian subjects would seek refuge in Norway because of these wars. Even if none of these apprehensions in the end materialized, it is interesting to study the Norwegian countermeasures and diplomatic activity related to them, because they say a lot about Norwegian attitudes towards both its old neighbor in the North (Russia) and its new neighbour (Finland). Material international scientific conference "The international intervention and the Civil War in Russia and the Russian North: the key issues, historical memory and the lessons of history" (Arkhangelsk, Russian Federation, 2020). Previously published in Russian in the collection of materials of the international scientific conference "The international intervention and the Civil War in Russia and the Russian North: the key issues, historical memory and the lessons of history" (Moscow: Fifth Rome, 2020. S. 177–186).

Keywords:

Russia, Finland, Pechenga, civil wars, Norwegian threat perceptions, Arctic Ocean, Versailles Peace Conference

INTRODUCTION

The 1917–1920s became in many ways a turning point in Russia's relations with European countries, including Norway. Today, many ordinary Norwegians are of the opinion that the idea of a Russian military threat to Norway arose as a result of the Russian revolution and Soviet communism. But this is far from being the case. Russophobia in Norway is much older than 1917 and dates at least back to the era of the Napoleonic Wars. With the defeat of Napoleon and the sudden appearance of the Russian army in Western Europe in 1813–1814, first in the battle of Leipzig in October 1813, and then with the Russian entry into Paris on March 31, 1814, the European bourgeoisie, according to Bruno Naarden, assumed that Russia threatened the European civilization. Many imagined that Russia would soon take control of the continent in order to carry out the Russification of all of Europe [9, p.31].

THE ORIGINS OF RUSSOPHOBIA IN NORWAY

In Norway, Russophobia established itself a little later, in the 1830s. Then there were fears that Russia needed ice-free ports on the coast of Northern Norway, necessary for the development of the Russian navy. This idea became in many ways decisive for the Swedish-Norwegian policy towards Russia until 1905, when the Swedish-Norwegian union collapsed and Norway became an independent state [10, p. 451–478]. However, fear of the Russian great power did not disappear in Norway after 1905, but one might say it was toned down. Even in 1915, the Norwegian General Staff noted that Russia was the only country that could attack Finnmark, i.e. the northernmost province of Norway, bordering on Russia [4, p. 135]. However, when Emperor Nicholas II abdicated the throne two years later, leading Norwegian politicians immediately declared that the old, tsarist Russia, which was now dying, had in fact been a peaceful neighbor; that there had never been a war between Norway and Russia; etc. They were directly concerned that Norway might lose such a good neighbor in the northeast, where the two countries had had a common border since 1826 [4, p. 155, 158].

A PERIOD OF LESS APPREHENSION

Instead of viewing 1917 as the source of Norwegian Russophobia, it would be more correct to look at the revolutionary events of that time as a period of temporary cessation of fear (later, towards the end of the 1930s, it returned again). First of all, we note that as a result of the revolution and the subsequent Civil War, Russia was greatly weakened militarily, and Norway clearly had little to fear. But in December 1917 Finland became an independent state and soon made its way to the Arctic Ocean. As a result of these changes, from 1920 Norway no longer had a common border with Russia, which, in fact, became a Norwegian-Finnish border. The proximity and ties with Russia became significantly weaker, and in the following years, the country featured less and less in Norwegian military scenarios.

As if instead of the traditional Russian threat, the newly independent Finland was immediately perceived as another and very serious threat to Norway. True enough, the fear of Finnish expansionism existed earlier, in the 18th – 19th centuries, due to the large wave of immigration to Northern Norway of the so-called Kvens, i.e. immigrants from Finland. Initially, concern about the Kvens was seen as an aspect of the Russian threat, since the Kvens were subjects of the Russian Empire. But when Finland seceded from Russia in December 1917, it turned out to be an independent problem for the security of Norway. After the secession, the Norwegians considered a possible Finnish expansion towards the Arctic Ocean, which could also affect Norway. But the main goal of the new Finnish government, as believed in Norway, was the annexation of the territory of Pechenga (in Finnish, Petsamo) into the new, independent Finland.

Finnish politicians had long cast their eyes on Pechenga. Back in 1864, Alexander II signed a decree on the exchange of "territories" between Russia and Finland, when the rifle factory located in Sestroretsk on the Karelian Isthmus was transferred to the Petersburg province. In connection with this move, Finland seems to have been promised a strip of land on the Murmansk coast [7, p. 155–156]. As a result, interest in Pechenga among Finnish politicians increased significantly, and the deplorable fact that Finland, as a result of the Norwegian-Russian border demarcation in 1826 (in which Finland did not participate), was completely fenced off from the Arctic Ocean, was often mentioned. The border issue was again raised by the Uleaborg governor in 1882, and then by the Finnish parliament. However, the claims of

the Finns were firmly rejected and removed from the agenda by the Russian Ministry of Internal Affairs. The question of reaching the Arctic Ocean was again raised by the Finns in 1917–1920, when the revolutionary events of 1917 and the Civil War in Russia made the Finnish dream more realistic.

A FINNISH MENACE TO NORWAY

According to Norwegians authorities, the Finnish expansionism towards the north may well affect Norway too. Thus, the book of the Finnish educator and historian Gunnar Sarva *Finland's Access to the Arctic Sea*, translated into Norwegian in 1918, caused a great stir in Norway [4, p. 133]. In it G. Sarva repeated, in particular, regrets that during the delimitation of Norway and the Russian Empire in 1826, Finland lost all its ancient rights off the coast of the Arctic Ocean. In Norway, such a statement was taken as a confirmation that in the highest circles of Finnish society there were people, who looked at Southern Varanger and part of the Murmansk coast as territories capable of lengthening Finland. In the same year (1918), the social democrat and politician Veino Vojonmaa published another book *Suomi Jäämerellä* (Finland at the Arctic Ocean), where he confirmed that Finland has undoubted "historical, national and economic rights" to establish itself at the Arctic Ocean. "The issue of the Arctic Ocean is an important matter for the whole of Finland," Vojonmaa said. In addition, he wrote about the possible construction of a Finnish port in Southern Varanger, i.e. on Norwegian territory, and the need to build a railway in the future in this area [13, 4, p. 137].

The appearance of such outspoken Finnish publications was perceived as an open threat to Norway, which in such a situation allegedly risked losing Southern Varanger. It did not help that high-ranking politicians in Finland, including Prime Minister P.O. Svinhufvud, denied the Norwegians' perception of a "Finnish threat" as completely unfounded. However, the Norwegian authorities did not trust the Finns and increased border guards in the north of the country. What is less known is the secret plans of the Norwegian authorities to carry out preventive measures, which included Norwegian territorial expansion in the same area that the Finns planned to capture.

Norway's territorial aspirations were initiated by Fredrik Wedel Jarlsberg, Norway's envoy in Paris and a relative of Fridtjof Nansen [14]. Norwegian historians Knut Einar Eriksen and Einar Niemi, who published their pioneering book *Den finske fare* (The Finnish Menace) in 1981, note that these plans were not only defensive, but also bore the imprint of Norwegian ethnocentrism and nationalism, the same features that in the interwar period, by the way, led to the Norwegian territorial annexations in the Arctic and Antarctic. Norwegian nationalism, which until 1905, basically remained liberal, in the 1920s and 1930s acquired clear features of the right wing [5, p.25–52].

When we read about these plans and statements today, a hundred years later, it seems, nevertheless, that Norwegian leading politicians were quite cautious in their concern about the border in the northeast. This is primarily due to the fact that the issue resolutely affected not only bilateral Norwegian-Finnish relations, but also Russia, which seemed to lurk somewhere behind the scenes. In addition, the Finnish Civil War was raging in the winter of 1918. In such circumstances, Norwegian politicians and officials increasingly turned their eyes to the northern borderland with concern. Could the struggle between the red and white Finns affect the Norwegian territories? Fortunately, this did not happen, although there were small skirmishes in the Pasvik Valley, very close to the Norwegian border. There was a risk that the entire civilian population then living on the Russian side of the Pasvik Valley could be forced to seek refuge in Norway [4, 134–135]. But this did not happen. However, the Russian Sami, the so-called Skolts (indigenous inhabitants of the border territories), were in fact forced to flee to Norway during the Finnish advance towards Pechenga in 1920. They stayed in Norway for a few months before returning to their homes.

RUSSIAN EMIGRATION TO NORWAY

Simultaneously with the events taking place in the border territories, Russian emigrants began to arrive in Norway through the northern harbors. The peak of their appearance came at the end of February 1920, when the icebreaker "Kozma Minin", arrived from Arkhangelsk, and came alongside quay in the harbor of the city of Tromsø, the capital of the Norwegian North. On board were General E.K. Miller and his government of the Northern Region, as well as other white officers and supporters of the white movement. They fled from Arkhangelsk at the last minute, when the Bolsheviks returned to the city. The icebreaker headed for Murmansk, but on the way, the refugees learned that red units had seized power in this city, and therefore General Miller decided to continue into Norwegian waters [2]. There were more than a thousand people on board the "Kozma Minin", but on the way to Norway, some of them, due to the overload

of the ship, were transferred to the passenger steamer "Lomonosov", which was also heading to Norway - from Murmansk.

Many passengers feared that they would be treated harshly in Norway, as they had heard before that Norwegian workers sympathized with the Bolsheviks. In fact, this turned out to be not so far from the truth. Already in 1919, the Norwegian Workers' Party, which organized almost all the socialist forces in the country under its leadership, became a member of the Communist International and thus identified itself with the revolutionary struggle. Moreover, the Norwegian Workers' Party was especially strong in the North. Nevertheless, to their surprise, the Russian refugees, upon their arrival in the cities of Hammerfest and then in Tromsø, were warmly received by the North Norwegian rural bourgeoisie, which strongly sympathized with these victims of the Russian Revolution and Civil War [8, p. 62–88].

Most of the emigrant passengers who arrived on the Kozma Minin soon left Norway, heading for the large colonies of the Russian emigration at more southerly latitudes in Europe. Others returned to southern Russia, where the Civil War had not yet ended, in order to continue the fight against the Bolsheviks. The few refugees who remained in Norway were able to quickly integrate into Norwegian society, however, not without experiencing a certain social degradation. In the early days after their arrival, the emigrants had to endure obvious discontent from the Norwegian workers' press, which wrote that the Russian refugees were far from industrious, accustomed as they were to living off the work of others in luxury. And now they allegedly took away jobs from Norwegian workers [12, p. 76–78].

The Norwegian bourgeoisie, on the other hand, feared that the Norwegian socialists, under the influence of the October Revolution, could try to seize power in Norway. But this "red threat" was, first of all, an internal threat to the Norwegian society and differed from the traditional "Russian menace", which was associated in the country with fear of Russia as an external military threat. Meanwhile, as we have already noted, the "Russian menace" more or less disappeared after the revolution, because Russia was engulfed in a long internal revolutionary struggle, during which it lost its common border with Norway and was weakened as a military power [6, p. 77–84].

NORWEGIAN COUNTERMEASURES

Meanwhile, during this period, numerous questions arose that tormented and worried the Norwegian authorities more and more: How would the Kvens react to Finland's possible seizure of Norwegian territory in the North? In general, would the bourgeois government of Finland really move towards the Arctic Ocean? And would Finland occupy not only Petsamo, but also part of Norwegian territory, perhaps even in cooperation with Germany, which had not yet lost the First World War?

In search of answers to these questions, various plans had matured to expand the territory of Norway in the border area, i.e. the area between Norway and the territory of Western Murman, that was still considered to be Russian territory, but which Finland actively claimed part of. Such an offensive approach on the part of Norway, as it was then believed, could become an effective barrier against possible Finnish plans to seize Norwegian land, for instance Southern Varanger. There were various proposals for expanding Norwegian territory eastwards. The forest manager Magnus Clerk, who served and lived in the border area, warned, for example, that Finland would be an unpleasant neighbor for Norway in the north. At the same time he emphasized the economic benefits for Norway in the event that it became the master of both sides of the Pasvik Valley [4, p. 155–156]. But more weighty in the list of proposals was the text of the telegram received by the Minister of Foreign Affairs of Norway at the time, Niels Ihlen, from the Norwegian envoy in Paris, Baron Frederick Wedel Jarlsberg. In the message, Wedel Jarlsberg drew attention to the possibility of expanding the borders of Norway, and that this question could be brought up on the agenda of the Versailles Peace Conference, which met in January 1919.

Norway, however, did not participate in the First World War and, probably, did not have a legitimate claim to partake in sharing the fruits of victory. However, according to the Norwegian envoy in Paris, Norway had still significantly contributed to the victory of the Allies, because its large merchant fleet during the war had sailed for the Entente countries. Therefore, according to Wedel Jarlsberg, Norway could in its own right lay claim to new territories. Wedel Jarlsberg was ready to demand not only the Spitsbergen Islands, which still had the status of no man's land, but also a part of the Murman coast, and even the so-called Finnish wedge, a narrow strip of Finnish land located between Sweden and Norway in the north. The envoy even wanted to acquire a German colony in East Africa for Norway, which

could become a supplier of raw materials for the Norwegian industry. However, the Norwegian government forbade Wedel Jarlsberg to put forward any demands for colonies in Africa, or for the Murmansk coast [14, p. 371–372].

DIPLOMATIC NEGOTIATIONS

Meanwhile, Wedel Jarlsberg was given permission to work further on the Spitsbergen issue. As a result, in February 1920, a treaty was signed that gave Norway sovereignty over the Spitsbergen archipelago. Work in this direction was facilitated by the fact that Russia, engulfed in revolutionary events, was not invited to the negotiations that took place during the Versailles Peace Conference. However, the Norwegian authorities wanted to secure the signature of Soviet Russia before Norway took possession of the Spitsbergen Islands. Only four years later, in 1924, the Soviet government promised to recognize the treatise on the Spitsbergen Islands. A reciprocal gesture from the Norwegians was the recognition of the Soviet government and the establishment of diplomatic relations with the Soviet Union [3, p. 154–173].

Another task with which the Norwegian envoy in Paris could go on working concerned the demand for the Russian Pasvik as a defensive line against the Finnish expansion in the area. Wedel Jarlsberg told the Norwegian Foreign Minister that the Entente powers sympathized with the Norwegian plans to expand the border to the east. However, they stressed that this issue should be resolved through negotiations between the involved parties, and would not be considered at the Versailles Peace Conference [14, p. 365–372].

Wedel Jarlsberg was of the opinion that, despite the outcome of the civil wars in the High North, negotiations with Finland should be started as early as possible in order to get ahead of the Finnish occupation. He emphasized that Norway should use this opportunity to get rid of the old easements of the Russian Skolt Sami on the Norwegian side of the border, in particular their rights to fish salmon in the rivers in Southern Varanger. Wedel Jarlsberg's ideas were supported by Andreas Tostrup Urbye, then Norway's envoy to Finland and former governor of Finnmark. Urbye was also of the opinion that there was no need to demand special border regulations if Russia continued to be our neighbor. But unlike Wedel-Jarlsberg, Urbye pointed out to the country's leadership that Norway should support Finland in this matter, because in the future it would be better to have a small country as Norway's neighbor in the north than a great power. In this question, however, Urbye was not supported by another former governor of Finnmark, Nikolai Grove Prebensen, Norway's first and last envoy to Tsarist Russia (1905–1918). He warned that if Norway supported Finland's demand for the Murmansk coast, then "Russia, when the country puts [its things] in order again, will not forget what we did" [4, p. 159].

It turns out that, in general, Norway in 1918-1920 officially encouraged the Soviet government to adhere to Pechenga, no matter how strange it sounds today. The Finns, for their part, felt insulted and asked themselves the question: Why does Norway prefer communist Russia to bourgeois Finland? In April 1920, the Norwegian government sent an official note to Soviet Russia stating that it would not demand a settlement of the border line in the North if Pechenga remained Russian territory. However, if Soviet Russia abandoned Pechenga in favor of some other state, then Norway would still raise the question of expanding its territory in the border area [4, p. 173]. Note that the diplomatic procedure in this matter was somewhat unusual, since Norway during this period did not have diplomatic relations with Soviet Russia. In turn, Finland received only a copy of the note sent by the Norwegians to Russia in April 1920, and did not receive a note of its own, despite the fact that diplomatic relations had already been established between Norway and the newly independent Finland.

The Norwegian-Finnish border negotiations did not begin "as early as possible", as the envoy Wedel-Jarlsberg advised at one time, but only in 1922, two years after the Dorpat Peace, according to which Soviet Russia finally abandoned Pechenga in favor of an independent Finland. The Norwegian authorities moved too slowly in this matter, and in the end Finland presented Norway with a *fait accompli*. In hindsight, it can be stated that such a negative outcome of the case turned out to be the most favourable outcome for Norway in the long run. Firstly, because Finland did not touch the border, which now became a Norwegian-Finnish state border. Secondly, because any change in the configuration of the border in favor of Norway would have been badly received by the Russian side and could have created additional problems in Norway's bilateral relations with the Soviet Union after the Second World War, when Pechenga again became part of the Soviet Union. The only "benefit" Norway achieved in its negotiations with Finland was the abolition of the easements of the Russian Sami on Norwegian soil, which were granted to them in the 1826 border treatise and in the additional protocol of 1834. This result was the only one of the proposals forwarded by envoy Wedel Jarlsberg, which was implemented in practice. The indigenous population of the border zone, the Russian Skolt Sami, took this

result clearly as an unfavorable decision for them, despite the fact that the Norwegian government paid a small amount of 12 thousand kronor in gold intended for the Russian Skolt Sami as compensation for the losses they suffered [1, pp. 154–64].

CONCLUSION

So, from the point of view of the Norwegian authorities, the consequences of the Russian and Finnish civil wars of 1918–1920 for Norway were not particularly discernible. Even the problems related to refugees or emigrants from two neighboring countries, Russia and Finland, were not very demanding. A more serious concern among the Norwegians, of course, was that the disintegration of the Russian Empire resulted in Norway getting a new neighbor in the northeast, i.e. independent and “unpredictable Finland” – instead of the traditional neighbor, Tsarist Russia. The Norwegian authorities had worked more or less openly in order to prevent the transfer of Pechenga to Finland, but in this they did not succeed. It was even more important, however, to prevent the Finns from going further in their possible plans to take possession of Norwegian territory on the shores of the Arctic Ocean. In this regard, the Norwegians decided in those tense years to put forward a counter demand to the Finns for the division of the "booty", i.e. to split Pechenga. Fortunately, this did not lead to anything, and in connection with the capture of Pechenga in 1920, the Finns did not touch the Norwegian land. Indeed, the Finnish authorities most likely never had such plans.

References

1. Andresen A., 1989, *Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826* [The Sii'da that Disappeared. The Eastern Sami after the Norwegian-Russian Border Delimitation in 1826]. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989. 192 s. (In Norwegian).
2. Barr W., 1980, General Miller's Flight from Arkhangelsk. February 1920. – *Polar Record*, Vol. 20. No 125. 1980. Pp. 119–125.
3. Berg R., 1995, *Norge på egen hånd: 1905–1920* [Norway on its Own: 1905–1920]. Oslo: Universitetsforlaget, 1995. 401 s. (In Norwegian).
4. Eriksen K.E., Niemi E., 1981, *Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940* [The Finnish Menace. Boundary Problems and Minority Policy in the North (1870–1940)]. Oslo-Bergen-Tromsø: Universitetsforlaget, 1981. 479 s. (In Norwegian).
5. Fure O-B., 1996, *Mellomkrigstid 1920–1940* [The Interwar Period 1920–1940]. Oslo: Universitetsforlaget, 1996. 434 s. (In Norwegian).
6. Holtmark S.G. (red.), 2015, *Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014* [Neighbours in Apprehensions and Expectations. Norway and Russia 1917–2014]. Oslo: Pax Forlag, 2015. 748 s. (In Norwegian).
7. Lähteenmäki M., 2007, *The flexible Frontier. Change and Continuity in Finnish-Russian Relations*. Helsinki: University of Helsinki, 2007. 266 s. (In Finnish).
8. Mørck S., 2010, *Pappa – en russisk flyktning* [Daddy – a Russian refugee]. Oslo: Aschehoug, 2010. 173 s. (In Norwegian).
9. Naarden B., 1992, *Socialist Europa and Revolutionary Russia: perception and prejudice 1848–1923*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 595 s.
10. Nielsen J.P. (ред.), 2007, *Sblizheniye. Rossiya i Norvegiya v 1814–1917 godakh* [Rapprochement. Russia and Norway in 1814–1917]. Moscow: Ves' Mir, 2007. 708 s. (In Russian).
11. Nyssönen J., 2005, The Finnish Presence on the Murman Coast – the Era of Petsamo 1920–1944. – Yurchenko A., Nielsen J.P. (eds.). *In the North My Nest is Made. Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940*. St Petersburg: European University, 2005, Pp. 197–239.
12. Tevlina V.V., 2020, Russian Emigration to Norway after the Russian Revolution and Civil War. – Myklebost K.A., Nielsen J.P., Rogatchevski A. (eds.). *The Russian revolution of 1917. The Northern Impact and Beyond*. Boston: Academic Studies Press, 2020. Pp. 69–78.
13. Voionmaa V., 1919, *Suomi Jäämerellä* [Finland at the Arctic Ocean]. Helsinki 1919: Edistysseurojen kustannusoy. 152 s. (In Finnish).
14. Wedel Jarlsberg F., 1932, *Reisen gjennom livet* [The Travel through Life]. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1932. 427 s. (In Norwegian).

Information about the author

Nielsen, Jens Petter, Cand. Philol., Professor of history, The University of Tromsø – The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway.

Corresponding author

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Оригинальная статья

Гражданские войны на Крайнем Севере (1918–1920 гг.) и их последствия для Норвегии

Й. П. Нильсен¹

¹ *Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии,
г. Тромсё, Норвегия,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0659-7544>, e-mail: jens.petter.nielsen@uit.no

Аннотация:

В данной статье рассматривается восприятие угроз в Норвегии во время гражданских войн в России и Финляндии. Самыми серьезными проблемами для Норвегии считались намерения Финляндии аннексировать часть побережья Мурманской области (Печенга) и возможность того, что это также распространится и на часть норвежской территории. Вдобавок существовали опасения, что тысячи русских подданных будут искать убежища в Норвегии из-за этих войн. Даже если ни одно из этих опасений в конце концов не сбылось, интересно изучить норвежские контрмеры и связанную с ними дипломатическую деятельность, потому что они много говорят об отношении Норвегии как к своему старому соседу на Севере (России), так и к новому соседу (Финляндия). Материал международной научной конференции «Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории» (г. Архангельск, Российская Федерация, 2020). Ранее опубликован на русском языке в сборнике «Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории» (Москва, Пятый Рим, 2020. С. 177–186).

Ключевые слова:

Россия, Финляндия, Печенга, гражданские войны, восприятие угроз со стороны Норвегии, Северный ледовитый океан, Версальская мирная конференция

ВВЕДЕНИЕ

1917–1920-е годы стали во многом переломными в отношениях России со странами Европы, в том числе, и с Норвегией. Сегодня среди норвежцев бытует такое мнение, что представление о русской военной угрозе для Норвегии как раз возникло в результате Русской революции и советского коммунизма. Но это на самом деле не так. Русофобия в Норвегии намного старше 1917 года и уходит корнями еще в эпоху Наполеоновских войн. С поражением Наполеона и внезапным появлением русской армии в Западной Европе в 1813–1814 годах, сначала в сражении под Лейпцигом в октябре 1813 года, а затем при вступлении в Париж 31 марта 1814 года во главе с императором Александром I, буржуазия Европы предположила, что Россия якобы угрожает европейской цивилизации. Многие представляли себе, что Россия вскоре возьмет контроль над континентом, чтобы провести русификацию всей Европы [9, с.31].

ИСТОКИ РУСОФОБИИ В НОРВЕГИИ

В Норвегии русофобия появилась чуть позже, в 1830-е годы. Тогда возникли опасения, что России нужны незамерзающие порты на побережье Северной Норвегии, необходимые для развития российского военно-морского флота. Такое представление стало определяющим для шведско-норвежской политики по отношению к России вплоть до 1905 года, когда шведско-норвежская уния распалась и Норвегия стала самостоятельным государством [10, с.451–478]. Однако страх перед российской великой державой не исчез в Норвегии и после 1905 года, но, можно сказать, он стал более приглушенным. Даже в 1915 году норвежский генеральный штаб

отмечал, что Россия – это единственная страна, которая могла бы атаковать Финнмарк, то есть самую северную губернию Норвегии, граничащую с Россией [4, с.135]. Между тем, когда император Николай II два года спустя отрёкся от престола, ведущие норвежские политики незамедлительно заявили, что старая, царская Россия, которая теперь погибает, на самом деле была мирным соседом; что между Норвегией и Россией никогда не было войны; и т.д. Они прямо беспокоились о том, что Норвегия может потерять такого хорошего соседа на северо-востоке, где две страны с 1826 года имели общую границу [4, с. 155, 158].

ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ СТРАХА

Вместо того, чтобы рассматривать 1917 год как источник норвежской русофобии, было бы правильнее посмотреть на революционные события того времени как на период временного прекращения страха (позже, к концу 1930-х годов, он опять вернулся). Прежде всего, отметим, что в результате революции и последующей за ней Гражданской войны Россия оказалась сильно ослаблена в военном отношении, и Норвегии явно нечего было бояться. Зато Финляндия в этот период стала независимым государством и вскоре пробила себе дорогу к Ледовитому океану. В результате этих изменений, с 1920 года у Норвегии уже не было общей границы с Россией, которая, фактически, отодвинулась дальше, на восток. Близость и связи с Россией стали значительно слабее, и в последующие годы страна все реже и реже фигурировала в норвежских военных сценариях.

Как бы взамен традиционной русской угрозе, ставшая независимой Финляндия, сразу была воспринята как очередная и очень серьезная угроза для Норвегии. Правда, страх перед финским экспансионизмом существовал и раньше, в XVIII–XIX веках, из-за большой волны иммиграции в Северную Норвегию так называемых квенов, то есть выходцев из Финляндии. Первоначально беспокойство по поводу квенов рассматривалось как аспект русской угрозы, поскольку квены были подданными Российской империи. Но когда Финляндия отделилась от России в декабре 1917 года, она оказалась уже самостоятельной проблемой для безопасности Норвегии. После отделения норвежцы считали возможной финскую экспансию в направлении Ледовитого океана, которая могла бы также затронуть Норвегию. Но главной целью нового финского правительства, как полагали в Норвегии, являлось включение территории Печенги (по-фински, Петсамо) в состав новой, независимой Финляндии.

Финские политики уже давно бросали свои взоры на Печенгу. Еще в 1864 году Александр II подписал указ об обмене «территориями» между Россией и Финляндией, когда завод по производству винтовок, расположенный в Сестрорецке на Карельском перешейке, был переведен в Петербургскую губернию. В связи с этим переездом Финляндии вроде бы была обещана полоска земли на Мурманском берегу [7, с. 155–56]. В результате этого, интерес к Печенге среди финских политиков существенно возрос, и все чаще упоминался тот плачевный факт, что Финляндия в итоге норвежско-русского разграничения и установления границы в 1826 году, в котором Финляндия не участвовала, оказалась совсем отгорожена от Ледовитого океана. Вопрос о границах был вновь поднят Улеаборгским губернатором в 1882 году, а затем и финским парламентом. Однако притязания финнов были решительно отвергнуты и сняты с повестки дня российским Министерством внутренних дел. Вопрос о выходе к Ледовитому океану был снова поднят финнами только в 1917–1920 годах, когда революционные события 1917 года и Гражданская война в России сделали финскую мечту уже более реалистичной.

ФИНСКАЯ УГРОЗА НОРВЕГИИ

По мнению норвежцев, финский экспансионизм в северном направлении мог вполне затронуть Норвегию. Так, книга финского педагога и историка Гуннара Сарвы «Доступ Финляндии к Ледовитому морю», переведенная на норвежский язык в 1918 году, вызвала большой переполох в Норвегии [4, с. 133]. В ней Г. Сарва повторил, в частности, сожаления о том, что при разграничении Норвегии и Российской империи в 1826 году, Финляндия потеряла все свои старинные права у берега Ледовитого океана. В Норвегии такое высказывание было воспринято как утверждение о том, что в высших кругах финского общества есть люди, которые смотрят на Южный Варангер и часть Мурманского берега как на земли, способные удлинить Финляндию. В том же, 1918 году, социал-демократ и политик Вейно Войонмаа издал другую книгу «Suomi Jäämerellä» («Финляндия у Ледовитого океана»), где он подтверждал, что у Финляндии есть несомненные «исторические, национальные и экономические права» на то, чтобы добраться до Ледовитого океана. «Вопрос о Ледовитом океане является важным делом для всей Финляндии», – утверждал Войонмаа. В дополнение, он написал о возможном строительстве финского порта в Южном Варангере, то есть на норвежской территории, и о необходимости проложить в перспективе в данной местности железную дорогу [13, 4, с. 137].

Появление столь откровенных финских изданий было воспринято как открытая угроза Норвегии, которая в такой ситуации якобы рисковала потерять Южный Варангер. Не помогло даже то, что высокопоставленные политики Финляндии, в том числе, премьер-министр П.О. Свинхувуд, опровергли представления норвежцев о «финской угрозе» как полностью необоснованные. Однако норвежские власти не доверяли финнам и усилили пограничную охрану на севере страны. То, что менее известно, так это секретные планы норвежских властей провести превентивные мероприятия, которые заключались в территориальной экспансии в том же районе, который финны планировали захватить.

Инициатором территориальных устремлений Норвегии стал Фредрик Ведель Ярлсберг, посланник Норвегии в Париже и в то же время двоюродный брат Фритьофа Нансена [14]. Норвежские историки Кнут Эйнар Эриксен и Эйнар Ниemi, которые в 1981 году издали новаторскую книгу «Den finske fare» (Финская угроза) отмечают, что эти планы были не только оборонительные, но несли в себе отпечаток норвежского этноцентризма и национализма, то есть тех же черт, которые в межвоенный период, между прочим, привели к норвежским территориальным аннексиям в Арктике и Антарктике. Норвежский национализм, который до 1905 года, в основном, оставался либеральным, в двадцатые и тридцатые годы XX века приобрел явные черты правого толка [5, с. 25–52].

Когда мы читаем об этих планах и высказываниях сегодня, спустя сто лет, кажется, тем не менее, что норвежские ведущие политики вели достаточно осторожную линию в вопросе о границе на северо-востоке. Это, прежде всего, объясняется тем фактом, что вопрос решительно касался не только двухсторонних норвежско-финских отношений, но и России, которая как бы притаилась где-то за кулисами. Кроме того, зимой 1918 года полыхала финская Гражданская война. В таких условиях норвежские политики и чиновники с беспокойством все чаще обращали свои взоры на северное приграничье. Могла ли борьба между красными и белыми финнами затронуть норвежские территории? К счастью, этого не случилось, хотя имели место маленькие стычки в долине Пасвик, совсем рядом с норвежской границей. Был риск, что всё гражданское население, проживающее тогда на русской стороне долины Пасвик, было бы вынуждено искать убежище в Норвегии [4, 134–135]. Но такого исхода дела не случилось. Однако российские саамы, так называемые скольты (коренные жители приграничных территорий), в большинстве своём были вынуждены действительно убежать в Норвегию во время продвижения финнов в Печенгу в 1920 году. Они оставались в Норвегии в течение нескольких месяцев, прежде чем вернулись обратно в свои дома.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В НОРВЕГИИ

Одновременно с происходившими событиями на приграничных территориях через северные гавани в Норвегию начали прибывать русские эмигранты. Пик их появления пришелся на конец февраля 1920 года, когда ледокол «Козьма Минин», прибывший из Архангельска, причалил в гавани города Тромсё, столицы норвежского Севера. На борту судна был генерал Е.К. Миллер и возглавляемое им правительство Северной области, а также другие белые офицеры и сторонники белого движения. Они бежали из Архангельска в последнюю минуту, когда большевики вернулись в город, и взяли курс на Мурманск. Но по дороге беженцы узнали, что красные части захватили власть и в этом городе, и поэтому приняли решение туда не заходить, а продолжать движение на ледоколе в норвежские воды [2]. На борту «Козьмы Минина» было более тысячи человек, но по пути в Норвегию часть из них из-за перегруза судна была пересажена на пассажирский пароход «Ломоносов», который шёл также в Норвегию – из Мурманска.

Многие пассажиры боялись, что в Норвегии с ними обойдутся сурово, так как они уже слышали раньше, что норвежские рабочие сочувствуют большевикам. На деле это оказалось не так и далеко от правды. Уже в 1919 году Норвежская рабочая партия, которая организовала под своим началом почти все социалистические силы страны, стала членом Коммунистического Интернационала и, таким образом, отождествляли себя с революционной борьбой. Более того, Норвежская рабочая партия была особенно сильна именно на Севере. Тем не менее, к своему удивлению, российские беженцы по прибытии в города Хаммерфест и затем в Тромсё, были тепло приняты проживавшей в них северо-норвежской буржуазией, которая сильно сочувствовала этим жертвам Русской революции и Гражданской войны [8, с. 62–88].

Большая часть пассажиров-эмигрантов, которые прибыли на «Козьме Минине», вскоре покинули Норвегию, устремившись в крупные колонии русской эмиграции в южные широты Европы. Другая часть пассажиров ледокола вернулись на юг России, где Гражданская война еще не закончилась, чтобы продолжить борьбу с большевиками. Те немногие беженцы, которые остались в Норвегии, оказались способны достаточно быстро интегрироваться в норвежское общество, правда, пережив при этом определенную социальную деградацию. В первое время после приезда эмигрантам приходилось терпеть явное недовольство со стороны норвежской рабочей прессы. Она писала, что русские беженцы нетрудолюбивые, привыкли жить за счет работы других в роскоши, и что они якобы отбирают работу у норвежских рабочих [12, с. 76–78]. Буржуазия Норвегии, напротив, беспокоилась о том, что норвежские социалисты под влиянием Октябрьской революции могли реально захватить власть в Норвегии. Но данная «красная угроза» была, прежде всего, внутренней угрозой и отличалась от «русской угрозы», которая ассоциировалась в стране со страхом перед Россией, воспринимаемой как внешняя военная угроза. Между тем, как мы уже отметили, такая угроза более или менее исчезла после революции, потому что Россия была охвачена длительной внутренней революционной борьбой, в ходе которой потеряла общую границу с Норвегией [6, с.77–84].

Между тем, в этот период появились многочисленные вопросы, которые мучали и беспокоили норвежские власти всё больше и больше: Как отнеслись бы квены к коммунистическому перевороту в Норвегии или к возможному захвату Финляндией норвежской территории на Севере? Будет ли вообще буржуазное правительство Финляндии продвигаться к Северному Ледовитому океану? Займет ли Финляндия не только Петсамо, но и часть норвежской территории, может быть даже в сотрудничестве с Германией, которая еще не проиграла Первую мировую войну?

КОНТРАМЕРЫ НОРВЕГИИ

В поисках ответов на возникшие вопросы, созрели различные планы по расширению территории Норвегии в приграничье, на участке между Норвегией и теми землями, которые всё ещё считались российской территорией, но на которую активно претендовала Финляндия. Такой наступательный подход со стороны Норвегии, как тогда считалось, мог бы стать эффективной преградой против возможных финских планов по захвату норвежской земли. Поступали разные предложения о расширении норвежской территории. Так, лесничий Магнус Клерк, служивший в приграничье, предупредил, например, о том, что Финляндия будет неприятным соседом на севере, но одновременно подчёркивал экономические выгоды в том случае, если Норвегия становится хозяином обеих сторон долины Пасвик [4, с. 155–156]. Но более серьёзным в перечне предложений стал текст телеграммы, которую получил Министр иностранных дел Норвегии того времени Нильс Илен от норвежского посланника в Париже, барона Фредерика Веделя Ярлсберга. В послании барон обратил внимание на возможности расширения границ Норвегии, которые могли бы дать стране решения Версальской мирной конференции, собравшейся в январе 1919 года.

Норвегия, правда, не участвовала в Первой мировой войне и, наверно, не имела значительных прав вкушать плоды победы после неё. Однако, по мнению посланника в Париже, Норвегия всё же существенно содействовала победе союзников, потому что её большой торговый флот во время войны помогал странам Антанты. Поэтому, по мнению барона Веделя Ярлсберга, Норвегия в полной мере могла претендовать на новые территории. Ведель Ярлсберг был готов требовать не только Шпицбергенские острова, которые имели статус ничейной земли, но и часть Мурманского берега, и ещё так называемый Финский клин, узкую полосу финской земли, расположенную между Швецией и Норвегией на севере. Посланник даже хотел приобрести для Норвегии немецкую колонию в Восточной Африке, которая могла бы стать поставщиком сырья для норвежской индустрии. Однако норвежское правительство запретило Веделю Ярлсбергу выдвигать какие-либо требования о колониях в Африке, а также о Мурманском берегу [14, с. 371–372].

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Между тем, Веделю Ярлсбергу было дано разрешение работать дальше по Шпицбергенскому вопросу. В итоге, в 1920 году был подписан трактат, который дал Норвегии суверенитет над Шпицбергенским архипелагом. Работа в данном направлении оказалась облегчена тем фактом, что охваченная революционными событиями Россия не была приглашена на переговоры, которые проходили в ходе Версальской мирной конференции. Тем не менее, норвежские власти хотели заручиться подписью Советской России, прежде чем Норвегия могла бы вступить во

владение Шпицбергенскими островами. Только спустя четыре года, в 1924 году, советское правительство пообещало признать трактат по Шпицбергену. Ответным жестом со стороны норвежцев стало признание советского правительства и установление дипломатических отношений с Советским Союзом [3, с.154–173].

Другая задача, с которой посланник Норвегии в Париже мог работать дальше, касалась как раз требования о получении русского Пасвика как оборонительного рубежа против финской экспансии в этом районе. Ведель Ярлсберг сообщил норвежскому Министру иностранных дел, что державы Антанты сочувствуют норвежским планам о расширении границы на севере. Между тем, они подчеркнули, что этот вопрос должен найти свое решение в переговорах между всеми сторонами, и не будет рассмотрен на Версальской мирной конференции [14, с. 365–372].

Ведель Ярлсберг был того мнения, что, несмотря на исход гражданских войн на Крайнем Севере, переговоры с Финляндией надо начать как можно раньше, чтобы опередить финскую оккупацию. Он подчеркивал, что Норвегия должна использовать такой случай, чтобы избавиться от старых сервитутов русских саамов-скольтов на норвежской стороне границы, в частности, их прав на ловлю сёмги в реках в Южном Варангере. Идеи Веделя Ярлсберга поддерживал Андреас Тоструп Урбю, в то время посланник Норвегии в Финляндии и бывший губернатор Финнмарка. Урбю тоже был того мнения, что не надо требовать особых регулирований границы, если Россия продолжит быть нашим соседом. Но в отличие от Веделя-Ярлсберга, Андреас Урбю убеждал руководство страны в том, что Норвегия должна поддерживать Финляндию в этом вопросе, потому что в перспективе лучше иметь как соседа маленькую страну, чем великую державу. В этом мнении его, наоборот, не поддерживал другой бывший губернатор Финнмарка, Николай Груве Пребенсен, влиятельный на протяжении 1905–1918 годов первый и последний посланник Норвегии в царской России. Он предупредил, что если Норвегия поддержит требования Финляндии на Мурманский берег, то «Россия, когда страна снова приведет [свои дела] в порядок, не забудет нам этого» [4, с. 159].

Получается, что, в целом, Норвегия в 1918–1920 годах официально поощряла Советскую власть придерживаться Печенги, как бы странно это сегодня не звучало. Финны, со своей стороны, чувствовали себя оскорблёнными, и задавали себе вопрос: почему Норвегия предпочитает коммунистическую Россию буржуазной Финляндии? В апреле 1920 года норвежское правительство отправило Советской России официальную ноту, где заявило, что не потребует урегулирования вопроса о границе на Севере, если Печенга останется русской территорией. А если Советская Россия откажется от Печенги в пользу какого-либо другого государства, то тогда Норвегия всё-таки будет требовать решения вопроса о расширении своей территории в приграничье [4, с. 173]. Заметим, что дипломатический характер действий в этом вопросе был несколько необычным, поскольку у Норвегии в этот период не было дипломатических отношений с Советской Россией. В свою очередь, Финляндия получила только копию посланной в апреле 1920 года ноты, которую норвежцы отправили России, и не удостоилась собственной ноты, несмотря на то, что между Норвегией и новой самостоятельной Финляндией уже были установлены дипломатические отношения.

Норвежско-финские переговоры о приграничье начались не «как можно раньше», как советовал в свое время посланник Ведель-Ярлсберг, а только в 1922 году, два года спустя после Дерптского мира, по которому Советская Россия окончательно отказалась от Печенги в пользу независимой Финляндии. Норвежские власти двигались слишком медленно в этом деле, и Финляндия поставила Норвегию уже перед свершившимся фактом. Задним числом можно констатировать, что такой отрицательный исход дела в перспективе оказался самым удачным результатом для Норвегии. Во-первых, потому, что Финляндия не трогала границу, которая теперь стала норвежско-финской государственной границей. Во-вторых, как не парадоксально, потому, что Норвегии не удалось воплотить в жизнь свои наступательные планы по урегулированию границы. Любое изменение в конфигурации границы в пользу Норвегии было бы плохо воспринято российской стороной и могло бы создать дополнительные проблемы в отношениях между Норвегией и Советским Союзом уже после Второй мировой войны, когда Печенга снова стала частью России. Единственная «выгода», которую Норвегия добилась в переговорах с Финляндией – это отмена сервитутов русских саамов на норвежской земле, которые были предоставлены им в пограничном трактате 1826 года и в добавочном протоколе 1834 года. Этот итог стал единственным из предложений посланника Веделя Ярлсберга, которые были осуществлены на практике. Коренное население пограничной зоны, русские саамы-скольты, восприняли этот итог явно как невыгодное для них решение, несмотря на то, что норвежское правительство выплатило небольшую сумму в 12 тыс. крон

золотом, предназначенную для русских саамов-скольтов как компенсацию за понесённые ими потери [1, с.154–64].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, с точки зрения норвежских властей последствия от русской и финской гражданских войн 1918–1920-х годов для Норвегии не стали особо чувствительными. Даже проблемы, связанные с беженцами или эмигрантами из двух соседних стран, России и Финляндии, не оказались очень сложными. Более серьёзное беспокойство среди норвежцев, безусловно, было по поводу того, что разложение Российской империи может кончиться тем, что Норвегия получит нового соседа на северо-востоке, то есть независимую и непредсказуемую Финляндию – взамен традиционного соседа, царской России. В такой обстановке норвежские власти были вынуждены работать более или менее открыто для того, чтобы препятствовать переходу Печенги к Финляндии, а если этого не удавалось, мешать финнам идти дальше в их возможных планах по захвату части норвежской территории на берегу Ледовитого океана. В связи с этим, норвежцы решили в те напряжённые годы выдвинуть финнам встречное требование по разделению «добычи», то есть разделить Печенгу. К счастью, можно сказать, это ни к чему не привело, и в связи с захватом Печенги в 1920 году финны всё равно не тронули норвежские территории. Парадоксально, но таких планов у финских властей, скорее всего никогда и не было.

Список литературы

1. *Andresen A.* Siid' daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989. 192 s.
2. *Barr W.* General Miller's Flight from Arkhangelsk. February 1920. – Polar Record, Vol. 20. №125. 1980. Pp. 119–125.
3. *Berg R.* Norge på egen hånd: 1905-1920. Oslo: Universitetsforlaget, 1995. 401 s.
4. *Eriksen K.E., Niemi E.* Den finske fare. Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo-Bergen-Tromsø: Universitetsforlaget, 1981. 479 s.
5. *Fure O-B.* Mellomkrigstid 1920–1940. Oslo: Universitetsforlaget, 1996. 434 s.
6. *Holtmark S.G.* (red.) Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014. Oslo: Pax Forlag, 2015. 748 s.
7. *Lähteenmäki M.* The flexible Frontier. Change and Continuity in Finnish-Russian Relations. Helsinki: University of Helsinki, 2007. 266 s.
8. *Mørck S.* Pappa – en russisk flyktning. Oslo: Aschehoug, 2010. 173 s.
9. *Naarden B.* Socialist Europa and Revolutionary Russia: perception and prejudice 1848–1923. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 595 s.
10. *Nielsen J.P.* (ред.). Сближение. Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. Москва: Весь Мир, 2007. 708 с.
11. *Nyyssönen J.* The Finnish Presence on the Murman Coast – the Era of Petsamo 1920–1944. – Yurchenko A., Nielsen J.P. (eds.). In the North My Nest is Made. Studies in the History of the Murman Colonization 1860–1940. St Petersburg: European University, 2005, Pp. 197–239.
12. *Tevlina V.V.* Russian Emigration to Norway after the Russian Revolution and Civil War. – Myklebost K.A., Nielsen J.P., Rogatchevski A. (eds.). The Russian revolution of 1917. The Northern Impact and Beyond. Boston: Academic Studies Press, 2020. Pp. 69–78.
13. *Voionmaa V.* Suomi Jäämerellä. Helsinki 1919: Edistysseurojen kustannusoy. 152 s.
14. *Wedel Jarlsberg F.* Reisen gjennem livet. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1932. 427 s.

Информация об авторе

Нильсен Йенс Петтер, кандидат филологических наук, профессор, профессор истории, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии, г. Тромсё, Норвегия.

Автор-корреспондент

Нильсен Йенс Петтер, e-mail: jens.petter.nielsen@uit.no

УДК: 94(100)

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-6-6

Поступила в редакцию: 23.12.2020 г.

Submitted: December 23, 2020

Опубликована: 08.02.2021 г.

Published online: February 8, 2021

Для цитирования: Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность. *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 6-6.

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-6-6.

For citation: Grishin Y. Y., Galiullin M. Z., Kadyrov R. R. Prometheus one of the tools of the anti-soviet struggle II Polish-Lithuanian commonwealth in 1918-1932: history and modernity. *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):6-6. (In Russ.)

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-6-6.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Оригинальная статья

Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность

Я. Я. Гришин¹, М. З. Галиуллин², Р. Р. Кадыров³

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9453-6070>, e-mail: grishin.42@mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3798-4328>, e-mail: maratscorpion@yandex.com

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2996-8288>, e-mail: kadyrovramil@mail.ru

Аннотация:

В последние годы в своей политике Польша все больше и больше тяготеет к Белому дому. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. В частности, Д. Трамп летом 2017 г. именно в этой стране выступил с воинственной речью, проникнутой милитаристским духом. Варшава фактически навязывала свою территорию под американские военные базы, предлагая за это 2 млрд долларов. Более того она призывает другие страны увеличить взносы в Североатлантический альянс (НАТО). Свой же вклад в деятельность реликтового блока Варшава определила в феврале 2020 года в размере 48,9 млрд долларов, как отмечалось, чтобы

модернизировать свою армию для укрепления его восточного фланга. Причем осуществить задуманное решили с помощью закупок американского оружия, что было естественно на руку Вашингтону. Варшава поддерживает политику США против России, Ирана. Очевидно, не случайно, что именно в Польше в феврале 2019 года была проведена антитегеранская конференция. Помимо этого, польское руководство мечтает о претворении в жизнь так называемого проекта «Междуморья», которому без малого около ста лет. Причем его «отцом» был никто иной, как сам Ю. Пилсудский – диктатор Польши. Речь шла об объединении восточноевропейских стран, расположенных между Балтийским и Черным морями, естественно под польским руководством, восстановлении Польши в границах 1772 года. Чтобы произошло задуманное, необходимо было в первую очередь разрушить СССР путем разжигания среди его нерусских народов национализма и сепаратизма, внедрения в их сознание идеи независимости. Эти намечаемые планы намеревались осуществить с помощью белой эмиграции, в первую очередь представителей национальных областей СССР, Поволжья и Приуралья, которых стремились объединить в одном движении под названием Прометеизм (от слова «Прометей»). О нем и пойдет речь в данной статье. Особое внимание уделено его становлению и развитию в рассматриваемый период и роли II Речи Посполитой в этом процессе.

Ключевые слова:

история международных отношений, прометеизм, Польша, Междуморье, Пилсудский, экспозитура №2, Восточный институт, ОКМ, расчленение России

ВВЕДЕНИЕ

Изучая современные международные отношения, происходящие события, отмечаешь одну бросающуюся в глаза особенность – враждебность к нашей стране бывших когда-то союзников по Совету Экономической Взаимопомощи и Варшавскому Договору. Пальму первенства среди них, несомненно, занимает Польша, которая платит нам черной неблагодарностью за то, что Красная Армия в 1944 – 1945 гг. спасла ее от тотального уничтожения, а польский народ от биологического истребления фашистскими изуверами, отдав за его освобождение 630 тыс. советских солдат и офицеров, за то, что, благодаря И.В. Сталину страна получила так называемые Северные и Западные земли.

ЧЕРНАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Черная неблагодарность платится и за то, что в 1917–1918 гг. Советская власть во многом способствовала возрождению новой Польши, упразднив, во-первых, фактические и юридические основы порабощения польского народа, во-вторых, содействовала его освободительной борьбе. Декрет о мире [10], предусматривал заключение мира между воюющими странами без аннексий и контрибуций. Декларация прав народов России [11] провозглашала равенство народов и их прав на создание самостоятельных государств. На переговорах в Бресте о мире советская делегация решительно отстаивала право польского народа на независимость. 29 августа 1918 г. Советское правительство аннулировало акты царизма о разделах I Речи Посполитой [12].

Получив независимость, Польша сразу же стала на путь экспансионизма и агрессии в отношении своего восточного соседа – Советской России, намечая за ее счет возродить Речь Посполитую в границах 1772 г., империю от «можа до можа» (от моря до моря). Следует отметить, что ей удалось, не без помощи Запада, в неимоверно тяжелых условиях для молодой Советской республики Гражданской войны и иностранной военной интервенции, оккупировать не польские территории (Западная Украина, Западная Белоруссия, Виленский край), закрепив их Рижским мирным договором [15]. Однако и после него у пришедших в Варшаву властей антисоветский зуд не прекращается. Пользуясь тем, что после Октябрьской революции и Гражданской войны за рубежом оказалась многочисленная отечественная эмиграция, включавшая в себя не только русских, но и украинцев, грузин, армян, татар и других представителей народов, входивших в состав Советского Союза, руководители II Речи Посполитой решают использовать ее в дальнейшей борьбе с ним.

Главным инициатором в этом процессе является никто иной, как Ю. Пилсудский – диктатор Польши, воспитанный в духе ненависти к царской России, перешедшей в 1918 г. к Советской России, а с 1922 г. – Советскому Союзу.

Следует напомнить, что еще в 1904 г. в своем меморандуме к правительству Японии он «указывал на необходимость использовать в борьбе с царской Россией многочисленные нерусские народы», жившие в большинстве своем на ее окраинах. Естественно в нем он не забыл и свою нацию, которая с его точки зрения, без каких-либо сомнений должна занять, ни больше, ни меньше, лидирующее положение в деле освобождения других народов, угнетенных царизмом [6].

В данном случае его русофобию можно объяснить хотя бы разделами Польши, царским гнетом, расправой над восставшими поляками в 1830 – 1831 гг., 1863 – 1864 гг., да и над ним лично (он был узником царских тюрем). Но чем объяснить лютую ненависть к Советской России (далее СССР), которая не имела никакого отношения ни к трем разделам, ни к расправе над инакомыслящими, ни к его личной судьбе, более того способствовала во многом возрождению II Речи Посполитой.

Как известно Пилсудский вел себя оригинально, то играл роль временного начальника государства, то премьера, то занимался военными вопросами. Однако ему вскоре все это надоело, и он решил уединиться в своем имении – Сулеювки. Здесь, как пишут, он жил отшельником [14]. Но его отшельничество было всего лишь маскарадом. Ибо он внимательно следил за происходящим, как внутри страны, так и за ее пределами.

Не стоял он в стороне и от прометеизма. Об этом свидетельствуют визиты к нему нескольких руководителей эмиграции. В 1924 – 1926 гг. он принимал Д. Сейдамета – главу крымской делегации татар, Н. Рамишвили, Е. Гегечкори и Н. Чхеидзе, представителей грузинских националистов, а также некоторых представителей украинских националистов [5, s. 201]. В это же время с прометейскими организациями начинает сотрудничать группа «Пшымеже» во главе, которой стоял Т. Голувко.

Среди эмигрантских групп, которые до этого времени не сумели войти в тесные политические отношения с Польшей и заботились об установлении с ней связей, выделялись туркестанцы. Это им удалось в определенной степени при посредничестве польского посольства в Париже. Крымская эмиграция сохраняла контакты через Константинополь. Поволжские татары (Идель –Урал) и казаки сотрудничали лишь с группой «Пшымеже».

В это время среди эмиграции наблюдается особое стремление к объединению своих сил. Оно привело к тому, что в 1926 г. в Париже образуется организация «Прометей». В ее состав вошли представители Азербайджана, Дона, Грузии, Идель-Урала, Ингрии, Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины. Одновременно основывается ежемесячник с аналогичным названием [5, s. 220-223].

Антично-романтическое название организации связывают с греческой легендой о Прометее, прикованном цепями к скалам Грузии. Само же движение получает название прометеизм.

Основной целью прометеизма являлось, во-первых, расчленение Советской России, а далее СССР, по национальным границам, причем территория нашей страны должна была свестись к территории XVI века, во-вторых, расширение сферы влияния II Речи Посполитой на восток, как в политическом, так и экономическом плане с помощью формирования Федерации, в которую намечалось втянуть Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию, Украину, Крымское и Казаческое государства, а также союз государств Кавказа. Помимо этого, намечалось использовать сепаратистские круги внутри Советской России и СССР. Естественно в этой будущей федерации ведущую роль должна была играть именно II Речь Посполитая. С точки зрения ее правящих кругов по-иному и быть не могло.

В 1926 г. в рамках «Прометей» в Варшаве создается т.н. Восточный институт – главный центр политического и научного сосредоточения эмигрантских сил [8]. В нем издавался журнал – «Восток» (ежеквартальный). На его страницах печатались ведущие польские интеллектуалы, ненавидевшие все русское.

Институт проводил активную деятельность. При нем создается школа востоковедения, которая набирает слушателей и обучает их. Он опекал эмигрантскую молодежь. Большую деятельность развивал научно-исследовательский институт Европы в Вильно [9; 18]. При нем действовала школа политических наук, где обучались также офицеры-стипендиаты. В среднем школа насчитывала около 120 слушателей.

Кроме того, был создан Институт исследования национальных проблем и Польско-украинское товарищество, а также «Польско-украинский бюллетень». В состав товарищества входили знатоки прометеизма Л. Василевский, С. Стемповский, Я. Лошь и другие. Инициатором и душой Товарищества был редактор «Бюллетеня» В. Бончковский [5, s. 217-219].

Тем временем Ю. Пилсудскому надоело отшельничество. Вновь появилось желание повластвовать. В мае 1926 г. он совершает военный переворот и устанавливает диктатуру личной власти [13]. Режим при нем получил название «санация» (оздоровление).

Совершив переворот, Юзеф Пилсудский не забывал о прометеизме. Происходит пересмотр политических и военных программ сотрудничества с ним. При главном участии генерала Ю. Стахевича, руководствовавшегося директивами Ю. Пилсудского, главное внимание начинает уделяться сфере связи и подготовки средств на случай войны [5, s. 202].

При тесном сотрудничестве II отдела Генштаба и МИД Польши в ведущих дипломатических представительствах резервируются места для лиц, участвующих в прометейских акциях. Неоднократно сами послы являлись их активными участниками.

То есть прометеизм располагал хорошим составом кадров. Об этом, например, свидетельствует документ II отдела Генштаба Войска польского, в котором приводится список лиц, работавших в прометейской сфере. В нем числились представители:

- **военного министерства** (генерал Т. Каспшицкий, генерал Ю. Стахевич, майоры В. Домбровский, Е. Гжимовский...),
- **Министерства иностранных дел** (посол С. Хемпель – Тегеран, посол Ф. Хорват в Хельсинки, посол А. Тарновский в Софии, с оветники А. Квятковский, Я. Вшеляк, З. Мостовский, В. Залеский, Т. Кобылянский, Я. Ярошевич, Я. Говроньский...),
- **Министерства внутренних дел** (Х. Суханек-Сухецкий – начальник национального отдела, С. Ланецкий – советник),
- **Министерства вероисповеданий и просвещения** (Е. Ковалковский – начальник отдела), Восточного института (С. Седлецкий – сенатор, президент, В. Бончковский, О.Гурка – ген. сек. института, В. Пельц...),
- **НИИ Восточной Европы в Вильно** (В. Вельгорский – директор),
- **Института национальных исследований** (С. Папроцкий – научный директор, М. Шьвеховский – сотрудник),
- **публицистки** (Л. Василевский, С. Стемповский, В. Стпичиньский, А. Бохеньский, Л. Стахурский, В. Жимовски...) [2; 17].

Следует отметить, то вся прометейская деятельность и его структуры находились под зорким оком II отдела Генштаба Польши. Именно по его инициативе и непосредственном участии Пилсудского в 1928 г. в Варшаве возникает филиал парижского клуба «Прометей», носившего чрезвычайно элитный характер [4]. Именно через него идет поиск союза и установление непосредственных отношений с существовавшими в эмиграции правительствами или представительствами прометейских народов в течение двух лет (1926 – 1928 гг.), без какой-либо официальной договоренности принимаются принципы политических союзов со всеми национальными группами и выделения им материальной помощи, которая должна была способствовать их политической, организационной и военной деятельности. Самое пристальное внимание уделяется издательско-пропагандистским акциям, направляемым в первую очередь на районы большого скопления эмиграции, а далее на польское и зарубежное публичное мнение.

В 1928 г. прометейское движение приобретает реальную организационную форму и в первую очередь в плане подготовки новых кадров. Об этом свидетельствует тот факт, что среди варшавских студентов, связанных в своей деятельности с Восточным институтом, возникла мысль сосредоточения в одной межвузовской организации академической молодежи заинтересованной восточной тематикой, в особенности советологией и прометейскими проблемами.

Речь шла об организации молодежного востоковедческого кружка. 20 февраля 1929 года в присутствии 50 человек принимается устав организации и избирается первое руководство. Председателем стал В. Бончковский. 13 марта прошло собрание в присутствии гостей. В конечном итоге 17 апреля заканчивается организационный

период. Кружок принял название «Востоковедческий кружок молодых при Восточном институте в Варшаве (ОКМ) [8].

Принятый устав не определял идеологического облика организации. Более того руководство кружка подчеркивало пропаганду лозунга аполитичности. Однако политическую активность было трудно прикрыть. Великодержавные и антисоветские взгляды окаемовцев многократно распространяются или на территории Восточного института или в других учебных заведениях. Свое отражение это носило чуть позднее в идейной Декларации ОКМ, автором которой был В. Бончковский.

Автор программного документа кружка – ведущий представитель лагеря младопилсудчиков – представлял новое поколение прометеистов, как «наследников дела освобождения угнетенных народов Азии и Восточной Европы», «поборников польской государственности в прометейском духе», проповедников идей свободы, переданной им в завещании предками, отождествленного с лозунгами «за вашу и нашу свободу», а также «свободный со свободным», «равный с равным» [8].

Важнейшей целью политической активности прометеисты ставили необходимость утверждения среди польского народа необходимости защиты восточных народов от российского империализма и доброжелательная опека над его жертвами. ОКМ стал местом сближения академической молодежи и влияния на ее эмигрантскую часть.

Вообще определенное время прометейская организация кроме грузинской группы, не обращала особого внимания на проблему обучения молодых кадров. Потом в этом происходит существенный сдвиг. Свидетельством чего является появление на территории Франции, Турции и Польши молодежных эмигрантских организаций. В варшавском клубе «Прометей» происходили специальные собрания, посвященные молодежи, на которых обсуждались политические, общественные, исторические и экономические проблемы.

Значительно самостоятельными были молодежные организации академического типа. Они стали существовать в Варшаве при ОКМ, как секции: украинская, кавказская, Ближнего Востока. Украинские студенты из варшавских вузов кроме того имели свою корпорацию «Запорожье», куратором которой был профессор Р. Смаль-Стоцкий. Грузинская молодежь в Варшаве находилась при Грузинском комитете, проводя там научно-образовательную деятельность.

Молодежные организации азербайджанцев и тюрк-татар действовали в Стамбуле. Имелись объединения военно-спортивного типа, но лишь во Франции – два грузинских, чисто военное «Говор» (78 человек) и военно-спортивное «Шевардени». На территории Польши военное обучение проводилось только для офицеров-контрактников в польской армии [5 s. 218-219].

Обращает на себя внимание то, что прометейское движение существовало не само по себе. В организационном и финансовом плане оно находилось в ведении Генштаба (II отдел) и Министерства иностранных дел [7]. В 1929 г. в рамках II отдела создается специальный аппарат (штаб 40 человек), получивший название 2-я экспозитура (реферат по делам национальных меньшинств). Ее руководителем в течение многих лет был Е. Харашкевич. Кстати, по профессии он был оперным певцом, колебавшимся в выборе профессии. Карьере солиста он предпочел прометейское движение [3].

2-я экспозитура делилась на ряд отделов: реферат «Захуд» (территория III рейха, Гданьска, Чехословакии, Литвы), реферат «Всхуд» (территория СССР и особенно та, где проживали соплеменники эмигрантов-прометеистов), реферат диверсионной техники, реферат технической безопасности, пропагандистский реферат.

Особое место занимал национальный реферат. Много раз вопросы, входящие в его сферу и касающиеся отдельных организаций, согласовывались с руководством относительно независимых организаций, а также с заинтересованными государственными институтами (МИД, МВД, Военное министерство). Вводится правило обсуждения текущих проблем на специальных конференциях, которые проводились в законспирированных местах. В среднем проходило по две конференции в неделю для каждой национальности.

В компетенцию национального реферата входило: обсуждение проблем контрактных офицеров, служивших в польской армии, тесное сотрудничество с независимыми организациями по вопросу поддержания связи с СССР, использование информации, полученной от независимых организаций для целей II отдела, выдача субсидий независимым организациям и контроль их работы, активное сотрудничество с МИД (Восточный отдел).

Последнее осуществлялось через: выдачу особых политических инструкций, рекомендованных офицерам, а также чиновникам МИД (Париж, Прага, Стамбул, Тегеран, Хельсинки, Бухарест), непосредственное сотрудничество с отдельными представителями независимых организаций по политическим, организационным, персональным, издательским, инспиративным и т.д. вопросам, опеку над студентами обозначенных национальностей в сфере учебы, политической пропаганды, а также материальной помощи, издание субсидированных независимых изданий, помощь в сфере зарубежного распространения особенно на территории СССР, поставок советской прессы, а также учета и хранения национальных изданий.

Национальный Реферат поддерживал связи с собственными подразделениями в Париже, Праге, Стамбуле, Тегеране, Бухарест и Хельсинки, используя криптонимы, псевдонимы и шифры, с управлениями Речи Посполитой и общественными институтами.

При ведении корреспонденции обязательной была конспирация. Причем, если, скажем, письмо 2-й экспозитуры попадало в руки постороннему, то это не могло влиять на деконспирацию участия официальных представителей в деятельности эмигрантских организаций.

Важной сферой были вопросы пропагандистского влияния. Количество субсидируемых национальных изданий было значительным.

Серьезным звеном 2-я экспозитуры был Реферат «В», занимавшийся политическими и общественными вопросами и проводивший организационную работу, опираясь как на польский элемент в восточных воеводствах страны, а также на территории СССР, так и на национальную эмиграцию.

Направление работы во всех трех подрефератах было одинаковым и касалось исследования условий на территории с целью проведения диверсий.

В рамках задач, решаемых всеми тремя организационными звеньями Реферата «В», исключительной позицией становились контакты и сотрудничество с польскими институтами, которые концентрировались вокруг политических, общественных и национальных вопросов, как с исследовательской, так и с дидактической точек зрения.

Во главе заинтересованных институтов встал Комитет по национальным вопросам и Восточных Земель при Совете Министров. Сотрудничество с ним со стороны 2-й экспозитуры поддерживал ее руководитель, а материал для Комитета, а также реализацию его директив на направлении работы 2-й экспозитуры обрабатывал и представлял подреферат «В-г» (Rossja).

Работа на зарубежной территории сводилась в целом к изучению условий возможной деятельности в СССР, организации пунктов перехода через границу и попыткам вербовки людей за рубеж. Работа на собственной территории велась в 3-х направлениях. Изучение территории, сферы, сотрудничество с организациями.

Во время изучения территории подреферат «В-г» установил:

- диверсионных центров – 51,
- диверсионных объектов – 2457,
- территориальных складов – 20,
- квартир – 21,
- мест на радиостанции – 5, т
- айников – 12,
- пунктов отдыха – 10.

Кроме того, проводилось специальное обучение в сфере возможности проведения на территории партизанской борьбы, охватывающей Калибоцкую, Слонимскую и Полесско-Волынскую пуцу. Предусматривалось создание в случае войны 5 партизанских отрядов.

Подреферат «В-г» внимательно изучал людей, живущих на Восточных землях и на основе наблюдений, определял их возможности привлечения к тому или иному роду деятельности.

Реферат «В-г» сотрудничал с Союзом стрелков, научной комиссией изучения Восточных земель и вышеназванным комитетом.

Чуть позднее во 2-й экспозитуре ликвидируется диверсионная секция, но сохранившиеся установки и сеть сотрудников позволяли возобновить работу. Отделение диверсионных вопросов из сферы антисоветской разведки, проводимой Рефератом «Всхуд» в отделе IIб и связь его с прометеизмом, говорит о политическом характере и практическом значении прометеизма, как инструмента давления во внешней политике [5, s. 220-223].

Экспозитура создает прометейские клубы, причем в тех местах, где концентрировалась политическая эмиграция из бывшей царской России. Речь шла, например, о столицах Франции и Финляндии, о Харбине.

Прометеевцы выпускали свой журнал, вокруг которого концентрировались противники советской власти разного пошиба. С его помощью они старались распространять антисоветские и русофобские взгляды среди населения стран Европы.

Из вышесказанного становится ясно, что местом реализации концепции прометеизма была, прежде всего, организованная эмиграция, которая делилась на два типа. К первому относились туркестанцы, украинцы и казаки. Туркестанцы насчитывали свыше 30 тыс. и концентрировались главным образом в соседних от СССР странах (Персия, Афганистан). Украинцы и казаки также насчитывали по 30 тыс., но их число постепенно сокращалось. Ко второму типу эмиграции следует отнести небольшие общности, группы (татары, грузины, финны). Если первый тип отличался своим боевым качеством, то второй – значительной политической активностью и высоким уровнем идеологического напряжения.

Боевые качества эмиграции высоко оценивались II отделом. Тем не менее, с его точки зрения не этот фактор должен был играть решающую роль в развитии контактов. Их ценность лежала в политической сфере и деятельности руководителей эмиграции, а она была большой.

II отдел считал, что окончательную оценку эмиграционным группам нельзя давать, исходя лишь из количества, важнее качественный фактор – наличие политического, организационного и идеологического потенциала. Только таким способом можно определить критерии в такой сложной проблеме, в которой чаще всего встречались и слышались доводы, что ни одна из эмиграций не имеет силы для завоевания независимости своей страны. Нет необходимости рассматривать такие обстоятельства, как политический расклад эмиграции, ибо все это несущественные факторы.

В данном случае отметим интересную точку зрения II отдела. «Не ставим условий, чтобы руководители эмиграции стояли во главе вооруженных движений в стране либо чтобы взяли политическую власть. Их роль – сохранение веры и противопоставление негативным влияниям, духовная подготовка сил для освобождения страны. В этом аспекте также не делается разницы между значением одной группы эмиграции и другой. **С точки зрения нашего политического интереса та группа является важнейшей, политические цели которой имеют наибольшую ценность».**

Что касается размещения прометейской организации, то в течение ряда лет происходят значительные изменения и сдвиги. Речь идет о ее появлении не только в соседних с СССР странах, но также в Западной Европе и на других континентах. Однако руководящие центры сохраняли большую компактность. Они находились в Варшаве, Париже, Стамбуле, Тегеране, Констанце, Берлине, Хельсинки, Праге, Харбине. Первые два из них играли ведущую роль.

С организационной точки зрения каждая национальная группа имела собственное руководство, построенное либо по типу единоначалия (крымские, казанские татары (Идель-Урал), либо коллективистских принципов (украинцы, кавказцы, туркестанцы, казаки, финны). Украинские и кавказские эмиграции в отличие от остальных были многопартийными.

Данная структура находила свое внешнее отражение в системе поддержки через руководящие центры связей со своей бывшей Родиной, в пропагандистско-издательской деятельности, наконец, в сношениях с организациями иностранных государств. Причем у каждой эмигрантской группы имелась собственная система связи. Ее использовали в первую очередь для переброски прессы, пропагандистских изданий, а также шпионских целей.

По истечении лет происходят серьезные изменения в системе связи, в выборе путей и организации этапов деятельности прометеистов. По мнению С. Микулича, негативное влияние на связи с советскими территориями, лежавшими на южных рубежах СССР, оказывало враждебное отношение к эмиграции Турции, так как именно через это государство вели наиболее удобные пути на Кавказ и частично к местам компактного проживания татар. Не менее важным является путь через Персию, но он был более сложным и дорогостоящим. Остальные пути пролегли через Польшу, Румынию, Финляндию.

Кроме этих связей, относительно регулярно организовывались поездки эмиссаров эмигрантского руководства в СССР со спец инструкциями, а в определенных обстоятельствах с заданием организации бунтов, заговоров, вооруженных акций. В качестве доказательства активности эмиграции можно привести выдержки из документа II отдела, хотя и не всегда объективного и имеющего тенденцию к преувеличению результатов прометейской деятельности.

«Украинская республиканская организация, несмотря на конспиративность ее многочисленных подразделений – активна почти весь период. На Кавказе существуют и действуют хорошо законспирированные контрреволюционные комитеты: в Грузии они действуют в соответствии с инструкциями правительства Ноя Жордания в Париже, в Азербайджане продолжает свои акции тайное руководство партии «Муссават». Туркестанцы, имея многочисленную эмиграцию в Афганистане, находятся постоянно в контакте со страной и поддерживают в ней негаснущее восстание и так называемые набеги басмачей...» [5].

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

В рамках работы ОКМ была создана секция советологии [1, с. 136-137]. Она предпринимала меры по пропаганде прометейских принципов среди представителей международных студенческих организаций ОКМ и его представителей. Налаживалось взаимодействие и контакты с прометейскими организациями в Гданьске, Брюсселе, Гренобле, Финляндии, Харбине. Также повсеместно открывались филиалы и внутри страны.

В мае 1932 г. в Восточном институте состоялся I съезд молодежи востоковедческих кружков. Главная его цель – распространение идей прометеизма среди молодежи, а также установление широкого сотрудничества между эмигрантами с территории СССР и польскими организациями, пропагандирующими акции независимости среди народов Востока. В нем, в частности, принял участие представитель Идель-Урала Г. Исхаки [1, с. 107-113].

Итогом работы съезда стало принятие генеральной Декларации о сотрудничестве. Следует отметить, что после 1929 г. польско-прометейское движение проходило путь яркой активности: от принятия общих идеологических установок и формирования организационных структур, до выработки основных форм-факторов для улучшения взаимодействия между ассоциированными элементами в эмиграции и польским руководством.

Если за Восточным институтом, ОКМ и газетой «Восток» была закреплена организационная сфера, то идеологическая база наиболее широко отражалась в трудах Вионевского, Крымского и других участников движения. Так, согласно теории, прометейское движение могло стать интернационалом угнетаемых Россией народов. Теоретики рассматривали свое учение как фактор этнополитической мобилизации народов и мощное оружие против России [16].

1. «Wschód-Orient» [Запад – Восток]. 1932. № 7–8. S. 107–137.
2. *Gawroński J.* Moja misja w Wiedniu 1932-1938 [Моя миссия в Вене 1932–1938]. Warszawa. 1965. S. 467.
3. *Kozaczuk W.* Bitwa o tajemnice [Битва за тайны]. Warszawa. 1967. S. 77.
4. *Lewandowski J.* «Prometeizm» – koncepcja polityki wschodniej piłsudczyny [“Прометеизм” – концепция восточной политики пилсудчины]. – *Biuletyn WAP. Seria historyczna I, II.* №2/12. 1958. I №1/14. 1959.
5. *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej [Прометеизм в политике II Речи Посполитой]. Warszawa. 1971. 313 s.
6. *Piłsudski J.* Pisma. Mowy. Rozkazy. Tom suplementów [Письма. Речи. Приказы. Дополнительный том]. Warszawa. 1937. S.172.
7. *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. 1864–1945 [Последняя политическая история польский. 1864–1945]. Londyn. 1963. T. II. S. 634.
8. *Por. Maj P.* Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie. 1926–1939 [Деятельность Восточного Института в Варшаве. 1926–1939]. Warszawa. 2007. S. 17.
9. *Por. Zackiewicz J.* Polska myśl polityczna wobec systemu radzieckiego 1918–1939 [Польская политическая мысль против советской системы 1918–1939 гг.]. Kraków. 2004.
10. Декрет о мире. – Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. №1. 1 декабря. С. 2–3.
11. Документы внешней политики СССР. В 19 т. Т. 1 С. 14–15.
12. Известия ВЦИК Советов. № 191. 1918, 5 сентября.
13. *Михутина И.В.* Майский переворот 1926 года в Польше. – *Советское славяноведение.* 1959. № 6. С.14–25.
14. *Наленч Д. и Т.* Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. М., 1990. С. 120–140.
15. Рижский мирный договор. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 245–258, 618–658.
16. Секреты польской политики. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. Сост. Л.Ф. Соцков. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 270.
17. *Bączkowski W.* Czy prometeizm jest fikcja? [Является ли прометеизм вымыслом?]. – *Problemy Europy Wschodniej.* Z. 1. 1939. S. 1–16.
18. *Kornat M.* Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwoju polskiej sowietologii [Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильнюсе (1930–1939) и его вклад в развитие польской советологии]. – *Kwartalnik Historyczny.* R.C., 2000. S. 3.

Информация об авторах

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Галиуллин Марат Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Кадыров Рамиль Рашитович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры регионоведения и евразийских исследований Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Кадыров Рамиль Рашитович, e-mail: kadyrovramil@mail.ru

INTERNATIONAL RELATIONS

Original Paper

Prometheism

one of the tools of the anti-soviet struggle II Polish-Lithuanian commonwealth in 1918-1932: history and modernity

Yakov Y. Grishin¹, Marat Z. Galiullin², Ramil R. Kadyrov³

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9453-6070>, e-mail: grishin.42@mail.ru

² Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3798-4328>, e-mail: maratscorpion@yandex.com

³ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2996-8288>, e-mail: kadyrovramil@mail.ru

Abstract:

In recent years Poland's policy is more and more drawn to the White house. This is evidenced by numerous facts. In particular, in the summer of 2017, it was in this country that Trump made a bellicose speech imbued with a militaristic spirit. Warsaw actually imposed its territory on American military bases, offering 2 billion dollars for this. Moreover, it calls on other countries to increase their contributions to the North Atlantic Alliance. Warsaw determined its contribution to the activities of the relict bloc in February 2020 in the amount of 48.9 billion dollars, as noted, in order to modernize its army to strengthen its Eastern flank. Moreover, they decided to implement their plans with the help of purchases of American weapons, which was naturally in the hands of Washington. Warsaw supports the us policy against Russia and Iran. It is obviously no accident that the anti-Tehran conference was held in Poland in February 2019. In addition, the Polish government dreams of bringing to life the so-called project of "Intermarum", which for nearly a hundred years. Moreover, his "father" was none other than Pilsudski himself, the dictator of Poland. It was about the unification of the Eastern European countries located between the Baltic and Black seas, naturally under Polish leadership, and the restoration of Poland within the borders of 1772. In order for this to happen, it was necessary first of all to destroy the USSR by inciting nationalism and separatism among its non-Russian peoples, and introducing the idea of independence into their minds. These planned plans were intended to be implemented with the help of white emigration, primarily representatives of the national regions of the USSR, the Volga region and the Urals, who sought to unite in one movement called prometheism (from the word "Prometheus"). It will be discussed in this article. Special attention is paid to its formation and development in the period under review and the role of the second Polish-Lithuanian Commonwealth In this process.

Keywords:

history of international relations, prometheism, Intermarriage, Pilsudsky, exposition No. 2, Poland, Oriental Institute, OKM, dismemberment of Russia

References

1. «*Wschód-Orient*» ["East-Orient"]. 1932. № 7-8. S.107–137. (In Polish).
2. Gawroński J., 1965, *Moja misja w Wiedniu 1932–1938* [My mission in Vienna 1932–1938]. Warszawa. 1965. S. 467. (In Polish).
3. Kozaczuk W., 1967, *Bitwa o tajemnice* [Battle of secrets]. Warszawa. 1967. S. 77. (In Polish).
4. Lewandowski J., 1959, «Prometeizm» – koncepcja polityki wschodniej piłsudzczyzny ["Prometheism" – the concept of the Eastern policy of piłsudzhyna]. – *Biuletyn WAP. Seria historyczna I, II*. № 2/12. 1958. i №1/14. 1959. (In Polish).
5. Mikulicz S., 1971, *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej* [Prometheism in the politics of the second Polish Republic]. Warszawa. 1971. 313 s. (In Polish).
6. Piłsudski J., 1937, *Pisma. Mowy. Rozkazy* [Letters. Speeches. Orders]. Tom suplementów. Warszawa. 1937. S.172. (In Polish).
7. Pobóg-Malinowski W., 1963, *Najnowsza historia polityczna Polski. 1864–1945* [The latest political history of Poland. 1864–1945]. Londyn. 1963. T. II. S. 634. (In Polish).
8. Por. Maj P., 2007, *Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie. 1926–1939* [Activities of the Eastern Institute in Warsaw. 1926 – 1939]. Warszawa. 2007. S. 17. (In Polish).
9. Por. Zackiewicz J., 2004, *Polska myśl polityczna wobec systemu radzieckiego 1918–1939* [Polish political thought towards the Soviet system 1918–1939]. Kraków. 2004. (In Polish).
10. Dekret o mircie [Peace Decree]. – *Sobranie Uzakonenij i Rasporyazhenij Rabocheho i Krest'janskogo pravitel'stva*. 1917. №1. 1 Dekabrya, S. 2–3. (In Russ.).
11. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* [USSR foreign policy documents]. 19 t. T. 1 S. 14–15. (In Russ.).
12. *Izvestiya VCIK Sovetov*. №191. 1918, 5 Sentyabrya. (In Russ.).
13. Mihutina I.V., 1959, Majskij perevorot 1926 goda v Pol'she [May coup in 1926 in Poland]. – *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1959. № 6. S.14–25. (In Russ.).
14. Nalench D. i T., 1990, *Yuzef Piłsudskij. Legendy i fakty* [Jozef Piłsudski. Legends and facts]. M., 1990. S. 120–140.
15. *Rizhskij mirnyj dogovor. Dokumenty vneshnej politiki SSSR* [Riga Peace Treaty. USSR foreign policy documents]. M., 1959. T. 3. S. 245–258, 618–658. (In Russ.).

16. *Sekrety pol'skoj politiki. 1935-1945 gg. Rassekrechennye dokumenty Sluzhby vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii* [Secrets of Polish Politics. 1935-1945 Declassified documents of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation], Sost. L.F. Sockov. M.: RIPOL klassik, 2010. S. 270. (In Russ.).
17. Bączkowski W., 1939, Czy prometeizm jest fikcja? [Is prometheism fiction?]. – *Problemy Europy Wschodniej*. Z.1. 1939. S. 1–16. (In Polish).
18. Kornat M., 2000, Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwoju polskiej sowietologii [Research Institute of eastern Europe in Vilnius (1930–1939) and its contribution to the development of polish sovietology]. – *Kwartalnik Historyczny*. R.C., 2000. S. 3. (In Polish).

Information about the authors

Yakov Y. Grishin, Dr. Sci. (History), Prof. of the Department of international relations, world politics and diplomacy, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Marat Z. Galiullin, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof. of the Department of regional studies and Eurasian studies of Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Ramil R. Kadyrov, Cand. Sci. (History), lecturer of the Department of regional studies and Eurasian studies of Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Corresponding author

Ramil R. Kadyrov, e-mail: kadyrovramil@mail.ru

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 1

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 1

УДК: 304.9; 32.019.51; 323.21; 930.23; 343.348

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-7-7

Поступила в редакцию: 14.02.2021 г.

Submitted: February 14, 2021

Опубликована: 09.03.2021 г.

Published online: March 9, 2021

Для цитирования: Соклаков А. Ю. Реконструкция финского воинского кладбища в Приморске (бывшем Койвисто) в информационно-идеологическом контексте. *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 7-7. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-7-7.

For citation: Soklakov A.Yu. The reconstruction of the Finnish military cemetery at Primorsk (former Koivisto) in the information and ideological context. *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):7-7. (In Russ.) DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-7-7.

Благодарности: жителям г. Приморска В.Э. Пинчуку и М.В. Ситдиковой, а также руководителю отдела международных связей Ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» Е.А. Гребневу.

Acknowledgements: to the citizens of Primorsk V. E. Pinchuk and M. V. Sitdikova as well as E.A. Grebnev, Head of International Relations Department at the Military Memorials Association for International *Military Memorial* Cooperation.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Оригинальная статья

Реконструкция финского воинского кладбища в Приморске (бывшем Койвисто) в информационно-идеологическом контексте

А. Ю. Соклаков¹

¹ *Московское высшее общевойсковое командное училище,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3194-3637>, e-mail: al-sokl@yandex.ru*

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению сохранности финского воинского захоронения в г. Приморске и связанных с этим событий, и заявлений. Автор уделяет определённое внимание имеющим место попыткам фальсификации истории Второй мировой войны и информационной полемике по рассматриваемому в статье вопросу. Проведённая с нарушениями российского законодательства реконструкция в канун 75-летия праздника Победы финского воинского захоронения в г. Приморске привела к росту социальной напряжённости среди местных жителей. На основе сравнительного анализа публикаций, обращений инициативных групп жителей Приморска и

предоставленных им ответов, а также административного дела проанализирована история реконструкции финского воинского захоронения в Приморске. Информационный фон рассматриваемого вопроса включает примеры трансформации понятий и оценочных суждений в пику российским интересам на основе концепции расширения окна дискурса (окно Овертона). Продуцирование в информационном пространстве региона отнюдь не безобидных для России прецедентов и фактоидов требует определённых усилий по противодействию со стороны правоохранительных и административных органов, ветеранских организаций и исторического сообщества. Представлена оценка и подводятся итог усилий инициативных групп граждан и ряда официальных инстанций по предмету публикации. Ставится вопрос о необходимости и направлении дальнейших действий в рамках действующего российского законодательства.

Ключевые слова:

военная некрополистика, международное гуманитарное право, антифашизм, воинские захоронения, мемориалы, кладбища, героизация нацистского движения, военно-мемориальная работа, культурное наследие, общественное мнение, патриотизм

ВВЕДЕНИЕ

Перевод потоков экспорта российских нефтепродуктов, в обход территорий прибалтийских государств и Финляндии через российские порты, является одной из последовательных целей энергетической стратегии по обеспечению экспортной свободы государства. Поэтому ещё в 2000 г. в находящемся в полусотне километров от границы городе Приморске началось строительство крупнейшего нефтеналивного российского порта на Балтике [19]. Понятно, что в условиях активизации и роста на планете международного терроризма, информационно-идеологической агрессивности, русофобии и неонацизма патриотическое воспитание местной молодёжи и недопущение острых социальных и политических конфликтов в этом ставшем стратегически важным населённом пункте являются первостепенными задачами.

В этой связи стоит отметить, что в 2020 г. Финляндия оказалась в числе стран, воздержавшихся при голосовании за направленную на противодействие эскалации современных форм расизма резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН (1). С другой стороны, во многом благодаря России, с 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла целый ряд подобных документов. С 2013 г. составной частью упомянутой выше резолюции была признана и борьба с героизацией нацизма. При этом Генеральная Ассамблея ООН выразила: «глубокую обеспокоенность по поводу героизации в любой форме нацистского движения <...> в том числе в форме сооружения памятников и мемориалов <...> а также посредством объявления <...> тех, кто боролся против антигитлеровской коалиции <...> совершал военные преступления и преступления против человечности, участниками национально-освободительных движений <...> в целях их героизации» (2). Тем не менее, попытки прославления союзников фашистской Германии как оказалось, предпринимаются и на территории самой Российской Федерации. Рассмотрению одной из таких попыток, предпринятой вблизи российско-финской границы, посвящается настоящая статья.

Прежде всего приходится признать, что и в наши дни российско-финские отношения омрачают информационные вбросы, идеологические выпады и фальсификация исторического прошлого [2]. Имеют место нападки финских исследователей и в отношении российских историков, занимающихся изучением различных аспектов вооружённого противоборства Финляндии и СССР [23]. Не остался в стороне от информационных атак и расположенный в Ленинградской области Приморск. Так 21 августа 2020 г. автор настоящей статьи приобрёл в местном муниципальном краеведческом музее сборник писем депортированных в СССР ингерманландцев [21]. Это издание является переводом на русский язык давно известной отечественным учёным и спецслужбам финской военно-пропагандистской работы военного 1943 года [15, с. 1].

В немалой степени формированию патриотических убеждений у современной молодёжи способствует изучение военной истории края и участие в поисковой работе. Разумеется, сохранность воинских погребений интересует граждан не только России, но и иных государств. В этой связи стоит отметить, что, начиная с 90-х гг. XX в. Российская Федерация подписала 16 межправительственных соглашений о взаимном содержании воинских захоронений [17]. Выполнение обязательств российской стороны по соглашениям, в отношении иностранных

воинских захоронений на территории России, возложено на Ассоциацию международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» [9].

ИЗ ИСТОРИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ФИНСКОГО ВОИНСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ В ПРИМОРСКЕ

Вполне понятно, что интерес к этой теме проявляют официальные власти Финляндии и представители администрации Выборгского района Ленинградской области. Так, в январе 2013 г.в генеральном консульстве Финляндии в Санкт-Петербурге прошёл семинар, посвящённый проблематике иностранных воинских кладбищ на территории Российской Федерации [18]. Его участники были ознакомлены с тем, что «на территории Российской Федерации единственным исполнителем работ по обеспечению сохранности и содержанию иностранных воинских захоронений <...> является Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества "Военные мемориалы"» [18]. Тем не менее, как будет показано ниже, рядом должностных лиц этот момент был забыт.

Примечательно, что буквально накануне подписания в июле 1992 г. Соглашения между Правительствами Российской Федерации и Финляндской Республики (3) в Приморске, по инициативе финских граждан, на месте разрушенного финского воинского захоронения, у северной стороны кирхи Святой Магдалины, был установлен памятный знак «Парус и крест» (4). Будучи расположенным в непосредственной близости от находившегося прежде рядом с Кирхой советского воинского захоронения, он был объявлен символом дружбы между финнами и россиянами и, одновременно, памяти о погибших в войнах военнослужащих и мирных жителях этих государств [8; 16; 22]. Однако, на территории Финляндии символика этого творения уроженцы Койвисто (Приморска) А. Саало и каменотёса К. Нарвонена трактуется иначе.

В финской печати и полиграфической продукции, можно найти информацию о его установке, исключительно в память о погребённых у кирхи финских «героях Койвисто» [24; 27, с. 3]. А один из сайтов, посвящённых истории утраченных Финляндией территорий, повествует о том, что этот знак был установлен на месте захоронения финских героев в память обо всех погребённых в Койвисто местных жителях [25]. Постепенно изменение в трактовке символики данного знака произошло и в России. Например, изначально директор МБУК «Приморский краеведческий музей» И.Н. Колотова утверждала: «крест — символ памяти о тех, кто погиб здесь, русских и финнах, военных и гражданских; парус — символ дружбы между русским и финским народами» [11; 12]. В 2019 г. её пояснения стали звучать иначе: «у кирхи хоронили не только солдат <...> но и гражданских жителей города. <...> Стоявший здесь ранее памятник «Крест и парус», установленный в 1992 году как раз в память о погибших финских жителях, перенесен <...>» [6].

Демонтаж и установка упомянутого выше памятного знака на новом месте в 2019 г. были осуществлены в связи с возведением мемориала в честь погребённых у здания кирхи погибших и умерших от ран финских военнослужащих. По утверждению председателя общества «Койвисто» Э. Туоминен на его переносе настояла российская сторона [24]. При этом, причина принятия решения о перемещении данного памятного знака для жителей Приморска остаётся неизвестной. Автору представляется, что **неоднозначная трактовка его символики и перемещение на новое место отнюдь не случайны и, по сути, являются очередными примерами трансформации информации в ущерб российским интересам на основе концепции расширения окна дискурса (окно Овертона).**

Высказываясь в 2019 г. в поддержку проекта восстановления рассматриваемого воинского захоронения, настоятель Евангелическо-лютеранского прихода Св. Марии Магдалины С.Герасимов в частности сказал: «меня всегда беспокоило, что люди ходят по могилам. Последствие этого – состояние духовной бедности. Когда мы восстановим захоронение, это будет исповеданием и прощением греха» (5). Выступая одновременно с ним, председатель общества «Койвисто» Э. Туоминен заявила следующее: «восстановленные территории захоронений помогут нам помнить и понимать историю, а также уважать жизнь и мир. Я верю, что возведение этого монумента создаст еще более прочную платформу для сотрудничества финнов и жителей Приморска» (5). Позже она подсчитала, что длившийся более 4-х лет проект восстановления воинского захоронения в Приморске потребовал 18-ти поездок для проведения переговоров с различными должностными лицами на территории Российской Федерации [24].

Тем не менее, это количество встреч отнюдь не способствовало объективному пониманию истории и предотвращению фальсификации, а напротив, привело к продуцированию напряжённости в обществе. Поэтому восстановленный в 2019 г. таким образом мемориал вряд ли сможет стать платформой для сотрудничества. По нашему мнению, причин тому несколько.

Во-первых, проведению восстановительных работ не предшествовали поисковые мероприятия по установлению сохранности и точного месторасположения останков погребённых финских военнослужащих. На основании сохранившихся карт (6, с. 93, 96, 104.) и проведённой жителем Приморска В.Э. Пинчуком привязки можно сделать предварительный вывод о смещении плит современного мемориала относительно фактического месторасположения существовавших прежде воинских могил.

Во-вторых, остаётся открытым вопрос о количестве захороненных на финском воинском кладбище лиц (см. табл. № 1). На основании информации Национального архива Финляндии, можно сделать вывод о том, что среди 102 указанных на мемориальных плитах имён присутствуют сведения о погребённых в иных местах лицах, а также информация о тех, чей прах был утрачен на поле боя [30]. При этом, остаётся неясной причина появления имён лиц, условно захороненных в данном месте. Вероятно, это связано со стремлением членов общества «Койвисто» обустроить воинский мемориал в память о погибших не в одной войне, а двух.

Возможно, занимавшиеся восстановлением мемориала лица опирались на некие первоначальные учётные данные этого воинского захоронения 40-х годов XX века. Или же члены общества «Койвисто» стремились дополнить бывшие здесь прежде могилы кенотафами. Кроме того, члены инициативной группы жителей Приморска провели предварительный анализ на предмет причастности ряда захороненных лиц к воинским преступлениям, после чего направили в прокуратуру Ленинградской области и другие официальные инстанции. Их мнение поддержал директор Института истории, политических и социальных наук ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет» С.Г. Веригин. Он полагает, что среди захороненных в этом месте лиц «есть те, кого можно отнести к военным преступникам, а также те, кто служил в дивизии СС «Норд»» (7; 8).

Таблица 1

№ п/п	Цитата из источника информации	Источник, дата
1	«Перед западным фасадом кирхи находятся захоронения 93 финских солдат, павших в войне 1939–1944, и двух женщин, которые были заняты в медицинской сфере и техническом обслуживании» [4]	Выборгские ведомости, 18.6.2019 г.
2	«Почему председатель общества «Койвисто» Эйя Тууминен сообщила 17.06.2019 г. в соцсетях о 93 военнослужащих <...>, а 4.08.2019 она же <...> сообщает об уже 102 финских военнослужащих?» (9; 10; 11)	Жители Приморска, 22.02.2020 г.
3	«Рядом с кирхой было похоронено 102 человека» (5)	Страница ВКонтакте: Депутат Павел Воробьев, 02.08.2019 г.
4	Список из 102 чел.	Плиты воинского мемориала, ноябрь 2019 г.
5	«должна быть установлена гранитная стена высотой до двух метров. Возле неё будут посажены полуциркулярными рядами 252 куста спиреи – по количеству похороненных здесь военнослужащих» [3]	Информационное агентство Красная Весна, 03.12.2019 г.
6	Koiviston sankarihaudat. ... Yhteensä 102 nimeä. (Могилы героев Койвисто. ... Всего 102 фамилии) [26]	Комитет по могилам героев под председательством Эйи Тууминена (Финляндия), 22.02.2020 г.
7	«В 1940-е гг. у северного фасада церкви были похоронены 252 финских солдата и офицера. После 1944 г. признаки воинских захоронений были уничтожены» (6, с. 11)	ООО «Темпл Групп», 2020 г.
8	«Здесь похоронены 252 человека» [10]	Комсомольская правда, Санкт-Петербург, 25.02.2020 г.
9	Список из 273 чел. [29]	Национальный архив Финляндии, 05.1.2021 г.

В-третьих, особого внимания заслуживают варианты текстового оформления на центральном пилоне финского воинского мемориала в Приморске (12) (см. табл. № 2). В виду протестов местных жителей (13), первая надпись, прославляющая погребённых в этом месте финских военнослужащих (в т.ч. и союзников фашистской Германии),

была заменена зимой 2020 года. Теперь её изображение доступно преимущественно на страницах финских сетевых ресурсов (14). Второй вариант надписи, табл. № 2 (6, с. 105) подспудно причисляет СССР к государствам, агрессивно вступившим во Вторую мировую войну. По мнению доктора исторических наук, профессора С.Г. Веригина: **«фактически данное название обвиняет Россию в геноциде мирных жителей Финляндии»** (8). При этом, отсутствие информации о принадлежности погребённых к финской армии скрывает воинский статус данного захоронения и одновременно обвиняет красноармейцев в гибели местного населения.

Таблица 2

Первый вариант надписи	Второй вариант надписи
KOIVISTON SANKARIVAINAJAT 1939 – 1944	SODASSA KAATUNEILLE KOIVISTOLAISILLE 1939 – 1944
ПАВШИМ ГЕРОЯМ КОЙВИСТО	ПАВШИМ В ВОЙНЕ ЖИТЕЛЯМ КОЙВИСТО

В этой связи полагаю целесообразным отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает наказание лиц за публичное «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны» (15). Поэтому комментарии на протест местных жителей не видящего «проблемы в этом памятнике» директора МБУК «Приморский краеведческий музей» И.Н. Колотовой представляются как минимум не убедительными и не профессиональными (16). Мягко говоря, её высказывания в сетевой группе «Интересный Приморск» (об изначальной несогласованности текста и возникшем смысловом казусе, подмена вопроса дискуссии и представление захоронения гражданским, позиционирование погибших финских военнослужащих некими запасниками и резервистами), а также анонс предстоящего торжественного открытия «нового памятника, установленного на средства граждан Финляндии» малоубедительны (16).

В одном из интервью председатель финляндского Общества по увековечению памяти жертв войны П. Суоминен сказал: «долгом каждого поколения является сохранение максимума правды, чтобы потомкам было легче понимать свои корни и смотреть в будущее. **Как в Финляндии, так и в России знание военной истории необходимо, чтобы научиться избегать конфликтов...**» [14]. Вполне соглашаясь с этими словами, вынужден констатировать, что нынешняя ситуация с открытым в мае 2020 г., вскоре после празднования 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., финским воинским захоронением в Приморске, этому явно не способствует. Поэтому представляется, что утверждение Э. Туоинен об обеспечении «героям Койвисто» долгожданного мира и покоя далеко от реальности [24].

Таким образом, предполагаю, что **ремонт финского воинского захоронения в Приморске осуществлялся без должной экспертизы и квалифицированной привязки на местности.**

В ПОИСКАХ ИСТОКОВ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Примечательно, что имевшие место как до, так и после ремонта данного воинского кладбища действия и высказывания ряда должностных лиц властных структур по этому вопросу также трудно считать взвешенными. Остановимся чуть подробнее на некоторых из них.

Например, в 2012 г. глава Приморского поселения **С. Рыжова**, именуя в противоречии отечественной историографии боевые действия 1941–1944 гг. «Войной-продолжением» и явно превышая свои полномочия, **выступила с инициативой эксгумации погребённых в Приморске останков финских военнослужащих.** Через редакцию Выборгских новостей её предложение об их перезахоронении в Финляндии было передано финскому Объединению по увековечению памяти погибших на войне [11].

В ходе проведения 26 июля 2019 г. в администрации Приморска обсуждения проекта благоустройства места захоронения жителей Койвисто, помощник по архитектуре главы администрации Выборгского района О.Ю. Лиховидов заявил: «проект реконструкции захоронений на территории бывшего кладбища рядом с кирхой готовился в соответствии с "Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве и увековечении памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших во Второй мировой войне"» (17). Аналогичная точка

зрения была представлена в сети Интернет от имени депутата Законодательного собрания Ленинградской области П.В. Воробьева (5).

В мае 2020 г. С.В. Слободжанюк, давая объяснение в Выборгской городской прокуратуре, утверждала: «представители финского общества «Койвисто» неоднократно обращались в <...> администрацию <...> с просьбой не проводить на территории близ Кирхи массовые мероприятия <...> осенью 2019 г. <...> инициировало благоустройство мест захоронения граждан г. Койвисто <...> по просьбе финской стороны в июле 2019 г. состоялось собрание граждан г. Приморск» (18). Однако ранее она подготовила текст письма главы муниципального образования «Приморское городское поселение» С.В. Рыжовой в городскую прокуратуру со следующим утверждением: **«в Совете депутатов МО "Приморское городское поселение" официальных обращений финского общества "Койвисто" с просьбой оказания содействия в благоустройстве мемориала финским воинам нет»** (19).

Однако, по сведениям информационного агентства «Красная весна», ещё в 2017 г. в муниципальное образование «Приморское городское поселение» поступало обращение финского общества «Койвисто» с просьбой обустроить лютеранское кладбище вокруг Кирхи [3]. Примечательно также и то, что в Приморске «собрание, конференция (собрание делегатов) граждан проводится по инициативе населения, совета депутатов, главы муниципального образования, а также в случаях, предусмотренных уставом территориального общественного самоуправления» (20).

Неудивительно, что **появление мемориала, прославляющего военнслужащих союзной фашистской Германии державы, и весьма странная позиция ряда должностных лиц по этому вопросу вызвали возмущение местных жителей.** При этом они не ограничились комментариями на различных сайтах в сети Интернет. Инициативная группа направила запросы в различные официальные инстанции и экспертам (см. табл. № 3).

Таблица 3

№ п/п	Обращения членов инициативных групп жителей Приморска	Поручения и ответы
1	обращение Можановой Г.И. к губернатору Ленинградской области А.Ю. Дрозденко от 21.01.2020 г.	нет данных
2	обращение Пинчука В.Э., Скока Б.А., Петровой В.А. и др. к губернатору Ленинградской области А.Ю. Дрозденко от 27.01.2020 г.	нет данных
3	обращение Петровой В.А. к губернатору Ленинградской области А.Ю. Дрозденко от 28.01.2020 г.	ответ – благодарность Комитета по местному самоуправлению, международным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области 2Г-168/2020 г. от 28.02.2020 (ответ по существу вопроса не поступил)
4	обращение Петровой В.А. к губернатору Ленинградской области А.Ю. Дрозденко от 04.02.2020 г. № 94271	предварительный ответ Комитета по молодежной политике Администрации Ленинградской области от 02.03.2020 г. № 06-22/2020 (ответ по существу вопроса не поступил)
5	Президенту РФ В.В. Путину от 15.01.2020 г.	нет данных
6	Министру обороны С.К. Шойгу от 16.01.2020 г.	ответ Управления МО РФ по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества исх. № А-26-15-1239949 от 23.01.2020 г.
7	Президенту РФ В.В. Путину (вх. от 27.01.2020 г. № 58313)	в Правительство РФ, Минкульт РФ, комитет по молодежной политике Ленинградской области
8	главе администрации МО «Приморское городское поселение» Шестакову Е.В. от 25.02.2020 г.	ответ от 23.03.2020 г. № 1185 (о подготовке ответа по существу вопроса – не поступил)

9	обращение гражданской инициативной группы «Морской Санкт-Петербург» к прокурору Ленинградской области Б.П. Маркову от 12.03.2020 г.	Выборгская городская прокуратура исх. 32ж-2020 от 27.04.2020 г.
10	заместителю Генерального прокурора РФ Захарову А.Ю. от 15.03.2020 г. (вх. от 16.03.2020 № ОГР-74217-20)	надзорное производство прокуратуры Выборга № 32ж-2020 от 19.03.2020 г.
11	заместителю Генерального прокурора РФ Захарову А.Ю. от 05.04.2020 г. (повторное)	ответ прокуратуры Выборга от 29.04.2020 г.
12	УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 10.04.2020 г. (вх. № Кл-1561 от 16.4.2020 г.)	ответ от 08.05.2020 г. № Кл-1561
13	председателю Следственного комитета РФ Бастрыкину А.И. от 12.04.2020 г.	в Генеральную Прокуратуру РФ
14	руководителю Ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» от 14.07.2020 г.	ответ № 06/232 от 16.07.2020 г.
15	заведующему кафедрой ГИСЭД МВОКУ канд. ист. н., доценту Сохлакову А.Ю. от 22.07.2020 г.	ответ от 23.07.2020 г., поездка и консультация 21.08.2020 г.
16	директору НИПСИ Петрозаводского государственного университета докт. ист. н., профессору Веригину С.Г. от 27.07.2020 г.	ответ № 26/72 от 31.07.2020 г.
17	начальнику МВОКУ от 17.10.2020 г. (о проведении научного анализа)	подготовка настоящей публикации
18	прокурору Ленинградской области Маркову Б.П. от 16.11.2020 г.	в УВД Ленинградской области и прокуратуру Выборга (подготовлен административный иск о признании незаконным бездействия администрации Приморска (исх. 32ж-2020 от 11.01.2021 г.)

В связи с этим стоит отметить следующие моменты:

- перенос останков финских военнослужащих, погребённых на территории России, для перезахоронения в Финляндии возможен лишь «по просьбе заинтересованной Договаривающейся Стороны, а также с согласия государства, на территории которого захоронены останки» (3);
- информация о массовом захоронении в военное время в непосредственной близости от кирхи финских военнослужащих является публичной и присутствует на российских и финских сайтах и в т.ч. на сайте местного краеведческого музея;
- несоблюдение должностными лицами администрации порядка организации и проведения публичных слушаний «привело к нарушению положений п. 7.2 ст. 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также социальной нестабильности среди населения г. Приморска» (21);
- реконструкция финского воинского мемориала у Кирхи в Приморске была проведена с нарушением ст. 2 упомянутого выше Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской республики (22);
- глава администрации МО «Приморское городское поселение» Е.В. Шестаков оставил без ответа письмо жителей Приморска от 25.02.2020 г., а на запрос Выборгской городской прокуратуры исх. 7-76-2020 от 11.06.2020 г. в том числе ответил: «обращений граждан по вопросу нарушения требований федерального законодательства при проведении работ по благоустройству территории близ "Кирхи", а также возведении мемориала в администрацию не поступало» (23).

Таким образом, подобные противоречивые и недостоверные высказывания должностных лиц в немалой степени способствуют продуцированию в информационном пространстве региона отнюдь не безобидных для России прецедентов и фактоидов.

АКТ ВАНДАЛИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Ситуация обострилась после того как в ночь на 24 февраля 2020 г. в отношении финского воинского мемориала был совершен акт вандализма. Расположенные в непосредственной близости у кирхи Святой Магдалины мемориальные плиты были залиты густой красно-коричневой краской, а на центральном пилоне изображена красная звезда [1]. Эта новость стремительно распространилась не только в российском, но также и в финском сегменте глобальной сети [28]. Прокомментировавший данный случай глава администрации **Е. Шестаков** частности сказал:

- «финское общество "Койвисто" неоднократно выходило с предложением благоустроить территорию этого гражданского кладбища»;
- «здесь не идет речь о военных. Это особое памятное место, куда могут приезжать родственники, возлагать цветы и отдавать дань памяти»;
- «в Приморске есть ряд активистов, которым очень не понравилась идея благоустройства пространства возле Кирхи. Они считают, что таким образом государство поддерживает фашизм» [20].

Достаточно подробно этот инцидент осветила и **Выборгская муниципальная телекомпания** (24). В репортаже ее ведущий в частности поведал о том, что:

- проект реконструкции финского мемориала подготавливался: «в соответствии с соглашением между правительствами двух стран о сотрудничестве и увековечивании памяти российских военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших в ходе Второй мировой войны»;
- «в прошлом году благоустройство территории захоронения жителей Койвисто предваряли общественные слушания»;
- «представители двух стран ожидали, что возведение монумента создаст еще более прочную платформу для сотрудничества» (24).

В подготовке этого репортажа приняли участие:

- глава администрации Приморского городского поселения **Е. Шестаков** сказавший: «очень конечно грустно, что есть такие люди, которые вот, не зная истории, и с неуважением к памяти ведут себя»;
- руководитель общественного движения «Мемориальный парк Сорвали» **А. Матвиенко**, которая поведала об обычае финнов не оставлять своих погибших военнослужащих на поле боя, сравнила краску с кровью и потребовала сделать все возможное, чтобы мы знали этих людей в лицо, и чтобы кто-нибудь когда-нибудь вдолбил в их головы что поступать так нельзя» (24).

Кроме того, в этом репортаже прозвучала фраза ведущего об осквернении мемориальных плит «с именами финских жителей, погибших во время войны» (24). Очевидно, не сумевший должным образом вникнуть в суть происходящего ведущий телекомпании, позиционирующей себя в качестве коллектива настоящих профессионалов, производящих качественный контент, просто процитировал необъективную надпись на центральной стеле мемориала. Стоит особо отметить, что при освещении этой новости **было также растиражировано утверждение о том, что проект «положительно прошёл публичные слушания, на которых присутствовали, в том числе, наши ветераны»** [20], а работы по восстановлению мемориала были «проведены в соответствии с двусторонним "Соглашением о сотрудничестве и увековечении памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших во Второй мировой войне"» [10]. Более того, информационное противостояние в сети Интернет дошло до продуцирования «фейков». В частности, была предпринята попытка связать акт вандализма с протестами части горожан, поименованных автором «лжепатриотами», против возведения с нарушением российского законодательства финского воинского мемориала (25).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В действительности же, высказываясь за возвращение памятного знака «Крест и парус» на первоначальное место, сомневаясь в точности месторасположения отреставрированного мемориала и указывая ошибки в написании имён и дат на мемориальных плитах, **инициативная группа жителей Приморска продемонстрировала явное уважение к чувствам родственников и земляков финских военнослужащих**, похороненных в этом месте (26; 27; 28). Кроме того, её представитель – В.Э. Пинчук не только выступил за возвращение воинского статуса этому братскому захоронению, но и осудил произошедший акт вандализма (29).

Стоит также отметить, что именно благодаря вмешательству в ситуацию этих патриотически-настроенных граждан были получены ответы из ряда официальных инстанций и выполнены следующие действия:

- осуществлён предварительный анализ информации о погребённых финских военнослужащих на предмет их причастности к военным преступлениям и наличия среди могил кенотафов;
- в январе 2020 г. удалена первоначальная надпись на центральной стеле монумента;
- получено экспертное мнение доктора исторических наук, профессора С.Г. Веригина (30);
- установлен факт реконструкции финского воинского мемориала у Кирхи в Приморске в нарушение ст. 2 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской республики

- о сотрудничестве в увековечении памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших во Второй мировой войне (31);
- в адрес главы муниципального образования «Приморское городское поселение» 24 апреля 2020 г. Выборгской городской прокуратурой было внесено представление об устранении нарушений федерального законодательства (32);
- «Выборгской городской прокуратурой подготовлен **административный иск о признании незаконным бездействия администрации муниципального образования «Приморское городское поселение» <...> выразившемся в допущении проведения работ в границах объекта культурного наследия "Кирха" и возложении на администрацию обязательств по организации освобождения земельного участка от малых архитектурных форм, установленных в ходе несогласованных работ по благоустройству (33);**
- привлечены к дисциплинарной ответственности и.о. главы администрации МО «Приморское городское поселение» С.В. Слобоженюк и глава МО «Приморское городское поселение» С.В. Рыжова (34);
- выполнившее подрядные работы по реконструкции территории захоронения в г. Приморске ООО «Корисстрой» было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.14 КоАП РФ и получило наказание в виде административного штрафа (35).

Тем не менее, многие вопросы ещё ждут должного решения. В частности:

- полноценная экспертиза воинского захоронения на предмет причастности захороненных в Приморске финских военнослужащих к воинским преступлениям и преступлениям против человечества, сохранности останков, их количества и точного месторасположения;
- уточнение символики и места установки памятного знака «Крест и парус»;
- окончательное обустройство прилегающей к Кирхе территории;
- выявление причин и лиц, способствовавших появлению на центральной стеле финского воинского мемориала надписей, прославляющих союзников Третьего рейха и искажающих роль СССР во Второй мировой войне**, а также принятие должных решений в соответствии с действующим законодательством.

Представленная ситуация могла бы разрешиться в более краткий срок в случае изначального обращения представителей финского общества «Койвисто» к специалистам соответствующих уполномоченных российскими и финскими властями структур. Представители же ветеранских и других общественных организаций, краеведы, историки местных учебных заведений, а также региональные СМИ и юристы расположенных в регионе воинских частей могли бы обозначить свою позицию более эффективно. Тем не менее текущее состояние дел позволяет надеяться, что вскоре согласованные действия инициативных групп жителей Приморска и ряда официальных инстанций поставят окончательную точку в этом вопросе. В этой связи стоит особо отметить, что в России вполне успешно решаются и куда более сложные и масштабные задачи в области военной некрополистики. Так, в 2019 г. на территории Королевского бастиона в г. Смоленске поисковикам удалось обнаружить утраченное захоронение наполеоновского генерала С. Гюдена [13], масштабные эксгумации и перезахоронения иностранных военнослужащих периода Второй мировой войны успешно проводятся в г. Белгороде [5], на очереди мемориальный комплекс Медное в Тверской области.

Полагаю, что усилия членов инициативных групп жителей г. Приморска заслуживают, как минимум, благодарности Совета ветеранов Выборгского района. Тем более, что к настоящему моменту в этом российском регионе уже сложилась определённая практика вручения учреждённых им наград [7].

Примечания

1. Всего из числа голосовавших: 2 голоса против (США и Украина) и 51 воздержавшихся.
2. Резолюция 75-й сессии ГА ООН № A/RES/75/169 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» от 16.12.2020. П. 5.
3. [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в увековечении памяти российских \(советских\) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших во Второй мировой войне от 11.07.1992](#).
4. [Фотографии, собранные Тармо Курье](#).
5. Депутат Павел Воробьев. (2019) Запись в «[ВКонтакте](#)» 2 августа в 18:36 «Меликьянц С. Реконструкция захоронений в Приморске».
6. Проект зон охраны объекта культурного наследия регионального значения: «Кирха», расположенный по адресу Ленинградская область, Выборгский район, г. Приморск. СПб., 2020. Т. 1.
7. Здесь и далее по тексту приводимые материалы обращений инициативных групп жителей Приморска и ответы на них, а также фрагменты документов административных дел из личных архивов В.Э. Пинчука и М.В. Ситдиковой.

8. Ответ С.Г. Веригина жительнице Приморска М.В. Сидтиковой от 31.07.2020 исх. ИИПСН ПетрГУ № 26/72.
9. Запрос Главе Администрации МО «Приморское городское поселение» Е.В. Шестакову от жителей города Приморска / вх. Администрации МО «Приморское городское поселение» № 136 от 25.02.2020.
10. Интересный Приморск. (2019) Запись в «[ВКонтакте](#)» 17 июня в 12:00 «Туоминен Э., Пеккола Ю. В Приморске приступают к реконструкции воинских захоронений у Кирхи».
11. Интересный Приморск. (2019) Запись в «[ВКонтакте](#)» 4 августа в 14:00 «Меликьянц С. Депутат Павел Воробьев 02.08.2019 Реконструкция захоронений в Приморске».
12. По причине протестов части местных жителей в январе 2019 г. первоначальная надпись была изменена.
13. Инженер-дромоман (2020) Приморск – порт на Финском заливе. – «[Живой журнал](#)» Журнал ts58. Запись от 9 октября.
14. Suomen Koivisto-Seura ry (финское общество Койвисто). (2019) Запись в «[Facebook](#)» 2 декабря в 14:36 «Sinivalkoinen tervehdys Koiviston sankarivainajille (Сине-белый привет героям Койвисто)».
15. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации». Ст. 354.1 «Реабилитация нацизма».
16. Интересный Приморск. (2020) Запись в «[ВКонтакте](#)» 21 февраля в 12:00 «История повторяется, если люди её забывают».
17. Протокол собрания граждан по вопросу обсуждения проекта благоустройства территории объекта культурного наследия на месте захоронений жителей Койвисто, погибших в 1939-1944 гг. от 26 июля 2019 г.
18. Объяснение Слобожанюк С.В. от 20.05.2020 г.
19. Письмо на имя первого заместителя городского прокурора советника юстиции Чакровой О.А. / исх. № 27 муниципального образования «Приморское городское поселение» от 08.04.2020 г.
20. [Порядок назначения и проведения собраний, конференций \(собраний делегатов\) граждан в муниципальном образовании «Приморское городское поселение» Выборгского района Ленинградской области от 05.03.2019](#), п. 2.1.
21. Представление городского прокурора старшего советника юстиции В.В. Шилина об устранении нарушений федерального законодательства главе муниципального образования «Приморское городское поселение» № 7-84-2020 от 18.06.2020 г.
22. Ответ первому заместителю председателя комитета по молодёжной политике Администрации Ленинградской обл. / исх. Ассоциации «Военные мемориалы» 06/51 от 14.02.2020 г. (на № 01-12-54/2020 от 07.02.2020 г.).
23. Письмо на имя и.о. заместителя городского прокурора младшего советника юстиции Новосельцевой А.П. / исх. № 2388 администрации муниципального образования «Приморское городское поселение» от 15.06.2020 г.
24. Выборг ТВ. (2020) Запись в «[Facebook](#)» 2 марта в 10:29 «Мемориал в Приморске привели в порядок (видеорепортаж)».
25. Любава Самойлова. (2020) Запись в «[ВКонтакте](#)» 28 февраля в 14:00.
26. Обращение в Правительство Ленинградской области Г.Г. Можановой от 21.01.2020 г.
27. Обращение граждан к Заместителю Генерального прокурора РФ А.Ю. Захарову от 15.03.2020 г.
28. Обращение граждан к Президенту РФ В.В. Путину / вх. от 27.01.2020 № 58313.
29. Интересный Приморск. (2020) Запись в «[ВКонтакте](#)» 10 февраля в 18:30 ««Реставрация» идёт полным ходом».
30. Ответ Сидтиковой М.В. / исх. ПетрГУ № 26/72 от 31.07.2020 г.
31. Ответ Сидтиковой М.В. / исх. Ассоциации «Военные мемориалы» 06/232 от 16.07.2020 г.
32. Ответ Пинчуку В.Э. / исх. Выборгской городской прокуратуры № 32ж-2020 от 29.04.2020 г.
33. Ответ Пинчуку В.Э. / исх. Выборгской городской прокуратуры от 11.01.2021 г.
34. Обращение граждан к прокурору Ленинградской обл. Б.П. Маркову от 16.11.2020 г.
35. Дело об административном правонарушении Выборгского городского суда Ленинградской области № 5-619/2020 от 15.07.2020 г.

Список литературы

1. Вандалы в Ленобласти облили краской новые мемориальные плиты погибшим финнам. – [Фонтанка](#), 25.02.2020.
2. Власти Финляндии проспонсируют антисоветскую историческую работу. – [ИА Красная Весна](#), 15.08.2020. .
3. В Приморске начали возведение мемориального комплекса солдатам Маннергейма. – [ИА Красная Весна](#), 03.12.2019.
4. В Приморске приступают к реконструкции финских воинских захоронений у кирхи. – [Выборгские ведомости](#), 18.06.2019.
5. Годовникова К. Последнее пристанище: историко-патриотическим объединением «Поиск» во время раскопок в парке Ленина Белгорода найдено более двух сотен останков немецких солдат. – [Новости Оскола](#), 20.08.2020.
6. Захарова М. Возле кирхи в Приморске появились мемориальные плиты. – [Выборг](#), 16.12.2019.
7. Захарова М. Евгений Шестаков отмечен медалью имени Героя Советского Союза Константина Шестакова. – [Выборг](#), 05.02.2020.

8. Захоронения около здания бывшей лютеранской церкви. Проект нового памятника. Историческая справка. – [МБУК «Приморский краеведческий музей»](#), 11.02.2020.
9. Каталог иностранных воинских захоронений на территории Российской Федерации. М.: Росвоенцентр; изд. Армпресс, 2014. 476 с.
10. [Кибер П.](#) В Приморске залили краской надгробные плиты финским солдатам. – [Комсомольская правда. Санкт-Петербург](#), 25.02.2020.
11. [Коломойский А.](#) Под знаками креста и паруса. – [Выборгские ведомости](#), № 89, 20.11.2012.
12. [Колотова И.Н.](#) Лютеранская церковь в Приморске (Койвисто). – [МБУК «Приморский краеведческий музей»](#), 13.06.2017.
13. [Кукова А., Голубева Е.](#) В Смоленске найдены останки генерала армии Наполеона. Выводы археологов подтвердит анализ ДНК. – [Сетевое издание «360tv.ru»](#), 09.07.2019.
14. [Морган Э.](#) Полковник Пертти Суоминен – председатель Объединения по увековечению памяти погибших на войне. – [Gazeta.fi](#), 10.12.2020.
15. [Мусаев В.И.](#) Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (конец XIX – XX вв.) : автореф. дис. ... докт. истор. наук. СПб., 2002.
16. На подступах к Койвисто. – [МБУК «Приморский краеведческий музей»](#), 19.05.2018.
17. [Соклаков А.Ю.](#) Международное гуманитарное право: из истории правовой регламентации статуса воинских захоронений за пределами Отечества. – [Наука. Общество. Оборона](#). 2019. № 4.
18. Сохранение захоронений финских военнослужащих обсудили представители Выборгского района в консульстве Финляндии в Санкт-Петербурге. – [Официальный портал муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области](#), 25.01.2013.
19. [Сутырин С.Ф., Ефимова Е.Г., Попова Л.В.](#) Проблемы конкурентоспособности в современной экономике. – [Евразийский международный научно-аналитический журнал](#), № 3/4 (7/8), 2003.
20. [Туктамышева Т.](#) Вандалы осквернили надгробия в Приморске. – [БЕЗФОРМАТА](#), 28.02.2020.
21. Финны-ингерманландцы в когтях ГПУ. СПб.: Гюль. 2020. 124 с.
22. Финское воинское захоронение у кирхи. – [МБУК «Приморский краеведческий музей»](#), 09.01.2019.
23. [Яровой Г.](#) «Хватит искать врагов». Финский историк Антти Куяла о Сандармохе. – [Радио Свобода: Север. Реалии](#), 30.10.2019.
24. Kalenteri. Koivisto 2021 «Koiviston sankarihautausmaa». – Suomen Koivisto-Seura ru. 2020 (Календарь. Койвисто 2021 «Кладбище героев». – Финское общество Койвисто ru. 2020).
25. [Koiviston kylät. Koivisto villages Saarenpää, Harilainen, Hyttölä 1939.](#) (Сельские поселения Койвисто. Койвисто деревни Сааренпяя, Харилайнен, Хюттёля 1939.), 25.10.2020.
26. Koiviston sankarihautaudat (Могилы героев Койвисто). – [Silviisii Media](#), 03.10.2018.
27. Koiviston viesti (Вести Койвисто), № 4 huhtikuu (апрель), 2014.
28. [Paananen A.](#) Sankarihautojen tärvely Venäjällä järkytti koivistolaiset: «Kova kolaus meille, oikea sokki-isku» (Осквернение могил героев в России потрясла уроженцев Койвисто: «тяжёлый удар для нас, настоящий шок»). – [Iltä Sanomat](#) (Вечерние новости), 25.02.2020.
29. Suomen sodissa 1939-1945 menehtyneet: Kunta Koivisto. Synnyinkunta (Погибшие в финских войнах 1939-1945 годов: муниципалитет Койвисто. Место рождения). – [Kansallisarkisto](#) (Национальный архив), 28.08.2014.
30. Suomen sodissa 1939-1945 menehtyneet: Autio, Sulo Jaakko (Погибшие в финских войнах 1939-1945 годов: Аутио, Суло Яакко). – [Kansallisarkisto](#) (Национальный архив), 28.08.2014.

Информация об авторе

Соклаков Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского высшего общевойскового командного училища, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Соклаков Александр Юрьевич, e-mail: al-sokl@yandex.ru

HISTORICAL POLICY

Original Paper

The reconstruction of the Finnish military cemetery at Primorsk (former Koivisto) in the information and ideological context

A. Yu. Soklakov¹

Abstract:

The article is devoted to reviewing the state of the Finnish military burial in Primorsk and the events and claims related to it. The author pays significant attention to the attempts to falsify the World War II history and the controversy arising thereof. The reconstruction of the Finnish military burial on the eve of the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War was conducted in violation of the Russian legislation and led to the increase in social tension among the local population. The comparative analysis of publications, claims by the action groups as well as the administrative case allowed to investigate the history of the reconstruction of the Finnish military burial in Primorsk. The background of the issue includes the examples of concept and evaluation transformations aimed at contradicting Russian interests on the basis of broadening the discourse window (the Overton Window). The case of establishing precedents and factoids that are far from harmless to Russia in the information space of the region requires certain counter-effort by law-enforcement authorities, administrative bodies, veteran associations and history community. The evaluation is given and the conclusion to the effort by action groups and official bodies is made. The question is raised on the need and direction of further actions to be taken within the framework of the Russian legislation.

Keywords:

military necropolis studies, international humanitarian law, anti-fascism, military burial, memorials, cemetery, Nazi movement heroization, military-memorial work, cultural heritage, public opinion, patriotism

INTRODUCTION

Transfer of export flows is bypassing the territories of the Baltic countries and Finland through Russian ports is one of consecutive targets of energy strategy to ensure the export freedom of the country. That is why, in 2000, the construction of the largest oil-landing Russian port on the Baltic Sea, located half a hundred kilometers from the border, started in the city of Primorsk [19]. It is clear that under conditions of intensification and growth of international terrorism, informational and ideological aggression, Russophobia and neo-Nazism on the planet, patriotic education of local young and prevention of acute social and political conflicts, which has become strategically important, are paramount priorities.

In this regard, it is worth noting that in 2020 Finland was among the countries that abstained from voting for the UN General Assembly resolution aimed at countering the escalation of modern forms of racism (1). On the other hand, thanks in large part to Russia, since 2004 the UN General Assembly has adopted a number of similar documents. Since 2013, the fight against the glorification of Nazism has been recognized as an integral part of the above-mentioned resolution. At the same time, the UN General Assembly expressed: “deep concern about the glorification in any form of the Nazi movement <... > including in the form of the construction of monuments and memorials <... > and also through the announcement <... > of those who fought against the anti-Hitler coalition <... > committed war crimes and crimes against humanity, members of national liberation movements < ... > in order to glorify them” (2). Nevertheless, attempts to glorify Nazi Germany's allies also appear to be taking place within the Russian Federation. This article is devoted to an examination of one of such attempts, undertaken near the Russian-Finnish border.

First of all, we have to admit that, even today, Russian-Finnish relations are overshadowed by information stuffing, ideological attacks and falsification of the historical past [2]. Finnish researchers have also attacked Russian historians engaged in studying various aspects of the armed confrontation between Finland and the USSR [23]. Primorsk, located in the Leningrad Region, did not stay away from information attacks. On August 21, 2020, the author of this article purchased at the local municipal museum of local lore a collection of letters from Ingrian people deported to the USSR [21]. This publication is a translation into Russian of the Finnish military propaganda of 1943, long known to domestic scholars and special services [15, p. 1].

In no small measure, the formation of patriotic beliefs among today's youth is promoted by studying the military history of the region and participation in search work. Of course, the safety of military burials is of interest not only to citizens of Russia, but also to other states. In this regard, it should be noted that, since the 90s. XX century the Russian Federation

has signed 16 intergovernmental agreements on the mutual maintenance of military burials [17]. The Association for International Military Memorial Cooperation "War Memorials" is responsible for fulfilling the obligations of the Russian side under the agreements regarding foreign military burials on Russian territory [9].

FROM THE HISTORY OF THE RECONSTRUCTION OF THE FINNISH MILITARY BURIAL IN PRIMORSK

It is quite understandable that the official authorities of Finland and representatives of the administration of the Vyborgsky district of the Leningrad region are showing interest in this topic. Thus, in January 2013, the Consulate General of Finland in St. Petersburg held a seminar on foreign military cemeteries in the Russian Federation [18]. Its participants were informed that «on the territory of the Russian Federation, the only executor of work to ensure the safety and maintenance of foreign military graves <... > is the Association of International War Memorial Cooperation "War Memorials"» [18]. However, as will be discussed below, this point has been forgotten by a number of officials.

It is noteworthy that just before the signing in July 1992 of the Agreement between the Governments of the Russian Federation and the Republic of Finland (3) in Primorsk, on the initiative of Finnish citizens, on the site of the destroyed Finnish military grave on the northern side of the Lutheran church of Saint Magdalene, a memorial sign «Sail and cross» (4) was erected. Being located in the immediate vicinity of the Soviet military burial ground located near the Church, it was declared a symbol of friendship between the Finns and Russians and, at the same time, the memory of the soldiers and civilians of these states who died in wars [8; 16; 22]. However, on the territory of Finland, the symbolism of this creation by the native of Koivisto (Primorsk) A. Saalo and the stonecutter K. Narvonen is interpreted differently.

In the Finnish press and printing products, you can find information about its installation, exclusively in memory of the Finnish "heroes of Koivisto" buried at the church [24; 27, p. 3]. And one of the sites dedicated to the history of Finland's lost territories tells that this sign was placed at the burial site of Finnish heroes in memory of all the local residents buried in Koivisto [25]. Gradually, a change in the interpretation of the symbolism of the sign has occurred in Russia. For example, initially the director of the MBUK «Primorsk local lore museum» I.N. Kolotova stated: «the cross is a symbol of memory of those who died here, Russians and Finns, military and civilians; the sail is a symbol of friendship between the Russian and Finnish peoples» [11; 12]. In 2019 her explanation was different: "Not only soldiers were buried near the church...but also civilians of the city. <...> "The Cross and Sail monument" that had previously stood here, erected in 1992 just in memory of the fallen Finnish residents, was moved <...>" [6].

The dismantling and installation of the aforementioned memorial in 2019 was carried out in connection with the construction of a memorial in honor of the Finnish soldiers who died of wounds and deaths buried near the church building. According to the statement of the chairman of the «Koivisto» society E. Tuominen on its postponement was insisted by the Russian side [24]. The reason for the decision to move the commemorative sign for the residents of Primorsk remains unknown. It seems to the author that **the ambiguous interpretation of its symbolism and its relocation to a new location are by no means accidental and, in fact, are further examples of the transformation of information to the detriment of Russian interests based on the concept of expanding the window of discourse(the Overton window).**

In support of the project for the restoration of the military burial place in 2019, the Rector of the Evangelical-Lutheran Parish of St. Maria Magdalena S. Gerasimov said: «I've always worried about people walking through graves. The consequence of this is a state of spiritual poverty. When we restore burial, it will be confession and forgiveness» (5). Speaking at the same time, the chairman of the society «Koivisto» E. Tuominen stated the following: «The restored burial grounds will help us remember and understand history, as well as respect life and the world. I believe that the construction of this monument will create an even more solid platform for cooperation between Finns and residents of Primorsk» (5). She later calculated that the project to restore a military grave in Primorsk, which lasted more than 4 years, required 18 trips to negotiate with various officials in the Russian Federation [24].

Nevertheless, this number of encounters has not contributed to an objective understanding of history and the prevention of falsification, but has, on the contrary, produced tensions in society. Therefore, the memorial, restored in 2019, is unlikely to become a platform for cooperation. In our opinion, there are several reasons for this.

Firstly, the reconstruction was not preceded by a search for the preservation and exact location of the remains of buried Finnish soldiers. Based on the surviving maps (6, p. 93, 96, 104.) and the binding carried out by a resident of Primorsk

V.E. Pinchuk, we can draw a preliminary conclusion that the plates of the modern memorial are displaced relative to the actual location of the pre-existing war graves.

Secondly, the question of the number of persons buried in the Finnish military cemetery remains open (see table № 1). Based on information from the National Archives of Finland, we can conclude that among the 102 names indicated on the memorial plaques there is information about persons buried elsewhere, as well as information about those whose ashes were lost on the battlefield [30]. At the same time, the reason for the appearance of the names of persons conditionally buried in this place remains unclear. This is probably due to the desire of members of the "Koivisto" society to equip a war memorial in memory of those who died not in one war, but two.

It is possible that the persons involved in the restoration of the memorial relied on some initial credentials of this military burial of the 40s of the XX century. Or, members of the «Koivisto» society tried to supplement the former graves here with cenotaphs. In addition, members of the initiative group of Primorsk residents conducted a preliminary analysis for the involvement of a number of buried persons in military crimes, after which they sent them to the prosecutor's office of the Leningrad region and other official institutions. Their opinion was supported by the director of the Institute of History, Political and Social Sciences FSEI «Petrozavodsk State University» S.G. Verigin. He believes that among the persons buried in this place «there are those who can be attributed to war criminals, as well as those who served in the division of the SS «North»» (7; 8).

Table 1

No.	Quote from a source of information	Source, date
1	«In front of the western facade of the Kirk are the graves of 93 Finnish soldiers who died in the 1939-1944 war, and two women who were employed in medical and technical services» [4]	Vyborgskie vedomosti, 18.6.2019.
2	«Why did the chairman of the Koivisto Society, Eija Tuminen, report on social media on 17.06.2019 about 93 servicemen <...>, and on 4.08.2019 she same <...> reports about 102 Finnish servicemen already?» (9; 10; 11)	Residents of Primorsk, 22.02.2020.
3	«102 people were buried near the church» (5)	Vkontakte page: Deputy Pavel Vorobyov, 02.08.2019.
4	List of 102 people.	Military Memorial Plates, November 2019.
5	«a granite stele up to two meters high should be installed. Near it, 252 spirea bushes will be planted in semicircular rows - according to the number of servicemen buried here» [3]	Krasnaya Vesna news agency, 03.12.2019.
6	Koiviston sankarihaudat. ... Yhteensä 102 nimeä. (The graves of the heroes of Koivisto. ... (there are 102 surnames in total) [26]	Committee on the Grave of Heroes, chaired by Eyya Tuominen (Finland), 22.02.2020.
7	«In the 1940s, 252 Finnish soldiers and officers were buried near the northern facade of the church. After 1944, signs of military burials were destroyed» (6, p. 11)	LLC «Temple Group», 2020 r.
8	«252 people are buried here» [10]	Komsomolskaya Pravda, St. Petersburg, 25.02.2020
9	List of 273 people [29]	National Archives of Finland, 05.1.2021

Thirdly, the textual design of the Finnish Military Memorial at Primorsk (12) at the central pylon (see Tab. 2) deserves special attention. Due to local protests (13), the first inscription glorifying the Finnish soldiers (including allies of Nazi Germany) buried there was replaced in the winter of 2020. Now its image is available mainly on the pages of Finnish online resources (14). The second version of the inscription, tab. No. 2 (6, p. 105) latently ranks the USSR among the states that aggressively entered the Second World War. According to Doctor of Historical Sciences, Professor S.G. Verigin: «**in fact, this name accuses Russia of genocide of civilians in Finland**» (8). At the same time, the lack of information about the belonging of the buried to the Finnish army hides the military status of this burial and at the same time blames the Red Army for the death of the local population.

Table 2

First version of the inscription	Second version of the inscription
KOIVISTON SANKARIVAINAJAT 1939 – 1944 TO THE FALLEN HEROES OF KOIVISTO	SODASSA KAATUNEILLE KOIVISTOLAISILLE 1939 – 1944 TO THE INHABITANTS OF KOIVISTO WHO FELL IN THE WAR

In this regard, I think it appropriate to note that the Criminal Code of the Russian Federation provides for the punishment of persons for publicly «disseminating knowingly false information about the activities of the USSR during the Second World War » (15). Therefore, comments on the protest of local residents not seeing «a problem in this monument» director of MБУK «Primorsk local lore museum» I.N. Kolotova appear at least unconvincing and not professional (16). To say the least, her remarks in the network group «Interesting Primorsk» (on the original inconsistency of the text and the resulting case of meaning, substitution of discussion and presentation of burial to civilians, positioning of Finnish soldiers dead by some reservists and reservists) as well as the announcement of the forthcoming inauguration «new monument established on the means of Finnish citizens» is not convincing (16).

In an interview, the chairman of the Finnish Society for the Commemoration of War Victims P. Suominen said: «It is the duty of every generation to preserve the maximum of truth, so that it would be easier for descendants to understand their roots and look into the future. **In both Finland and Russia, knowledge of military history is necessary to learn how to avoid conflict...**» [14]. Quite agreeing with these words, I am compelled to ascertain that the present situation with opening in May, 2020, soon after celebrating the 75 anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941 - 1945, the Finnish military burial place in Primorsk obviously does not promote it. Therefore, it seems that E. Tuominen's statement about providing «heroes of Koivisto» with the long-awaited peace and quiet is far from reality [24].

Thus, I assume that **the repair of the Finnish military burial in Primorsk was carried out without proper expertise and qualified referencing on the ground.**

IN SEARCH OF THE ORIGINS OF CONTRADICTION

It is noteworthy that the actions and statements of a number of officials of power structures on this issue, which took place both before and after the repair of this military cemetery, are also difficult to consider balanced. Let's dwell on some of them in more detail.

For example, in 2012, the head of the Primorsky settlement **S. Ryzhova**, referred to in contradiction of the domestic historiography of the battles of 1941-1944. «War-Continuation» and clearly exceeding her powers, **has initiated the exhumation of buried remains of Finnish soldiers in Primorsk.** Through the Vyborg News editorial office, her proposal to have them reburied in Finland was passed on to the Finnish Association for the Commemoration of War Victims [11].

During the July 26, 2019 discussion in the Primorsk administration of the project for the improvement of the burial site of Koivisto residents, the assistant on architecture to the head of the Vyborg district administration O.Y. Likhovidov said: «The project for the reconstruction of burials on the territory of the former cemetery next to the church was prepared in accordance with "the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Finland on cooperation and perpetuation of the memory of Russian (Soviet) military personnel in Finland and Finnish military personnel in Russia who died in World War II war "» (17). A similar point of view was presented on the Internet on behalf of the deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Oblast, P.V. Vorobyev (5).

In May 2020 S.V. Slobozhanyuk, giving an explanation to the Vyborg City Prosecutor's Office, asserted: «representatives of the Finnish society «Koivisto» have repeatedly appealed to > ... > the administration > ... > with a request not to hold mass events on the territory near the Kirk > ... > in the fall of 2019 < ... > initiated improvement burial places of citizens of the city of Koivisto <... > at the request of the Finnish side, a meeting of citizens of the city of Primorsk was held in July 2019» (18). However, earlier she prepared the text of a letter from the head of the municipal entity «Primorsk City Settlement» S.V. Ryzhova to the city procurator's office with the following statement: **«in the Council of Deputies of the ME "Primorsk city settlement" official addresses of the Finnish society "Koivisto" with a request for assistance in the improvement of the memorial to Finnish warriors no»** (19).

However, according to the information agency «Krasnaya Vesna», back in 2017 the Municipality of «Primorsk Urban Settlement» received an appeal from the Finnish society «Koivisto» with a request to arrange a Lutheran cemetery around the Kirk [3]. It is also noteworthy that in Primorsk «a meeting, conference (meeting of delegates) of citizens is

held at the initiative of the population, the council of deputies, the head of the municipality, as well as in cases stipulated by the charter of territorial public self-government» (20).

Not surprisingly, **the appearance of the memorial glorifying the servicemen of the allied fascist state of Germany and the very strange position of a number of officials on this issue aroused the indignation of local residents.** However, they did not confine themselves to comments on various Internet sites. The initiative group sent inquiries to various official authorities and experts (see Table 3).

Table 3

No.	Appeals from members of initiative groups of residents of Primorsk	Instructions and responses
1	G.I. Mozhanova's appeal to the Governor of the Leningrad Region A.Y. Drozdenko of 21.01.2020.	there is no data
2	Appeal of Pinchuk V.E., Skok B.A., Petrova V.A. and others to the Governor of the Leningrad Region A.Yu. Drozdenko of 27.01.2020.	there is no data
3	Address of Petrova V.A. to the Governor of the Leningrad region A.Yu. Drozdenko of 28.01.2020.	Response - Acknowledgement of the Committee on Local Self-Government, Interethnic and Interconfessional Relations of the Leningrad region 2Г-168/2020 of 28.02.2020 (no response on the merits of the issue was received)
4	Petrova V.A.'s appeal to the Governor of the Leningrad Region A.Yu. Drozdenko from 04.02.2020 №94271	preliminary answer of the Committee on Youth Policy of the Leningrad Region Administration of 02.03.2020 №06-22/2020 (no answer on the merits of the issue was received)
5	To the President of the Russian Federation V.V. Putin of 15.01.2020.	there is no data
6	To Minister of Defense S.K. Shoigu of 16.01.2020.	Response from the Office of the Defense Ministry RF on perpetuating the memory of those killed in the defense of the Fatherland (ref. №А-26-15-1239949 of 23.01.2020).
7	To the President of the Russian Federation V.V. Putin (incoming from 27.01.2020, No. 58313)	To the Government of the Russian Federation, the Ministry of Culture of the Russian Federation, and the Leningrad Oblast Committee on Youth Policy
8	To the head of the administration of the municipal district "Primorsk urban settlement" Shestakov E.V. from 25.02.2020	Response № 1185 dated March 23, 2020 (on the preparation of a response on the merits of the issue - not received)
9	appeal of the civil initiative group "Marine St. Petersburg" to the prosecutor of the Leningrad region B.P. Markov from 12.03.2020	Vyborg city prosecutor's office ref. 32ж-2020 from 27.04.2020
10	To the Deputy Prosecutor General of the Russian Federation A. Zakharov of 15.03.2020. (in. of 16.03.2020 № ОПГ-74217-20)	Supervisory proceedings of the Vyborg Prosecutor's Office No. 32ж-2020 dated 19.03.2020
11	To the Deputy Prosecutor General of the Russian Federation Zakharov A.Y. of 05.04.2020 (repeated)	Response of Vyborg Prosecutor's Office dated 29.04.2020.
12	UFSB on Saint Petersburg and Leningrad region from 10.04.2020. (in. of 16.04.2020 Кз-1561)	Response of 08.05.2020 No. Кз-1561
13	To the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastykin from 12.04.2020.	To the General Prosecutor's Office of the Russian Federation
14	To the head of the Association of International Military Memorial Cooperation «War Memorials» from 14.07.2020	Response No. 06/232 of 16.07.2020
15	Head of the Department of GiSED MVOKU, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.Y. Soklakov from 22.07.2020.	reply from 23.07.2020, trip and consultation on 21.08.2020

16	Director of IHPSS, Petrozavodsk State University, Doctor of Historical Sciences, Professor Verigin S.G. from 27.07.2020	Answer No. 26/72 of July 31, 2020
17	To the head of the MVOKU from 17.10.2020. (on scientific analysis)	preparation of this publication
18	To the Prosecutor of the Leningrad Region B.P. Markov of 16.11.2020.	To the Department of Internal Affairs of the Leningrad Region and the Vyborg Public Prosecutor's Office (prepared an administrative claim to recognize the inaction of the Primorsk Administration as illegal (ref. 32ж-2020 of 11.01.2021)

The following points are worth noting in this connection:

- The transfer of the remains of Finnish servicemen buried on Russian territory for reburial in Finland is possible only «at the request of the Contracting Party concerned and with the consent of the State on whose territory the remains are buried» (3);
- information about a mass grave in wartime in the immediate vicinity of the church of Finnish servicemen is public and is present on Russian and Finnish websites, incl. on the site of the local museum of local lore;
- non-observance by officials of the administration of the procedure for organizing and conducting public hearings «led to a violation of the provisions of clause 7.2 of Art. 14 of the Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FL «On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation», as well as social instability among the population of Primorsk» (21);
- the reconstruction of the Finnish war memorial at Kirch in Primorsk was carried out in violation of Art. 2 of the aforementioned Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Finland (22);
- The head of administration of municipality «Primorsk urban settlement» E.V.Shestakov left unanswered the letter of Primorsk citizens dated 25.02.2020, and on request of Vyborg city prosecutor's office ref. 7-76-2020 of 11.06.2020, the administration received the following reply: «No appeals from citizens regarding violation of federal law requirements in the course of development of the territory near the Kirk and construction of the memorial» (23).

Thus, such **contradictory and unreliable statements of officials to a large extent contribute to the production of precedents and factoids that are by no means harmless for Russia in the information space of the region.**

AN ACT OF VANDALISM IN THE INFORMATION SPACE OF THE REGION

The situation escalated after an act of vandalism was committed against the Finnish war memorial on the night of February 24, 2020. The memorial plates located in the immediate vicinity of the Church of St. Magdalene were covered with a thick red-brown paint, and a red star was depicted on the central pylon [1]. This news spread rapidly not only in the Russian, but also in the Finnish segment of the global network [28]. The head of the administration **E. Shestakov**, who commented on this case, said in particular:

- «the Finnish society "Koivisto" has repeatedly come out with a proposal to improve the territory of this civil cemetery»;
- «this is not about the military. This is a special memorable place where relatives can come, lay flowers and pay tribute to the memory»;
- «there are a number of activists in Primorsk who did not like the idea of improving the space near Kirk. They believe that in this way the state supports fascism» [20].

The Vyborg municipal television company also covered this incident in sufficient detail (24). In the report, its presenter, in particular, said that:

- The project for the reconstruction of the Finnish memorial was prepared: «in accordance with an agreement between the governments of the two countries on cooperation and perpetuation of the memory of Russian servicemen in Finland and Finnish servicemen in Russia who died during World War II»;
- «last year, public hearings preceded the improvement of the burial area of Koivisto residents»;
- «the representatives of the two countries expected that the construction of the monument would create an even more solid platform for cooperation» (24).

This reportage was prepared by:

- the head of the administration of the Primorsky urban settlement **E. Shestakov**, who said: «It is certainly sad that there are people who, not knowing history, and with disrespect for memory, behave»;

- **A. Matvienko**, the head of the public movement «Memorial Park Sorvali», who told about the Finnish custom of not leaving their dead servicemen on the battlefield, compared the paint to blood and demanded that we do everything possible so that we know these people by sight, and that someone sometime I hammered into their heads that it is impossible to do so» (24).

In addition, in this reportage sounded the presenter's phrase about the desecration of memorial plates «with the names of Finnish residents who died during the war» (24). Obviously, the host of the TV company, who was positioning itself as a team of real professionals producing high-quality content, who failed to properly grasp the essence of what was happening, simply quoted the biased inscription on the central stele of the memorial. It is worth noting that during the coverage of this news, the statement **was also circulated that the project «passed public hearings positively, which were attended, among other things, by our veterans»** [20], and the restoration of the memorial was «carried out in accordance with the bilateral "Agreement on cooperation and perpetuation of the memory of Russian (Soviet) military personnel in Finland and Finnish military personnel in Russia who died in World War II"» [10]. Moreover, the information confrontation on the Internet has reached the point of producing «fakes». In particular, an attempt was made to link the act of vandalism with the protests of a part of the townspeople named by the author as «false patriots» against the construction of a Finnish war memorial in violation of Russian law (25).

CONCLUSION

In fact, speaking out for the return of the memorial sign «Cross and Sail» to its original place, doubting the exact location of the restored memorial and pointing out errors in the spelling of names and dates on the memorial plates, **the initiative group of Primorsk residents showed clear respect for the feelings of relatives and fellow countrymen of Finnish servicemen** buried in this place (26; 27; 28). In addition, its representative, V.E. Pinchuk not only spoke in favor of the return of military status to this mass grave, but also condemned the act of vandalism that had taken (29).

It is also worth noting that responses were received from a number of official instances and the following actions were taken it was thanks to the intervention of these patriotic citizens in the situation:

- carried out a preliminary analysis of information about the buried Finnish military personnel for their involvement in war crimes and the presence of cenotaphs among the graves;
- in January 2020, the original inscription on the central stele of the monument was removed;
- received an expert opinion from Doctor of Historical Sciences, professor SG Verigina (30);
- the fact of reconstruction of the Finnish military memorial near Kirk in Primorsk was established in violation of Art. 2 Agreements between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Finland on cooperation in perpetuating the memory of Russian (Soviet) military personnel in Finland and Finnish military personnel in Russia who died in World War II (31);
- on April 24, 2020, the Vyborg City Prosecutor's Office submitted to the head of the Primorsk Urban Settlement municipal formation a submission to eliminate violations of federal legislation (32);
- «The Vyborg City Prosecutor's Office has prepared **an administrative claim on the recognition of illegal inaction of the administration of the municipal formation «Primorsk urban settlement» < ... > expressed in the admission of work within the boundaries of the cultural heritage site "Kirk"»** and imposing obligations on the administration to organize the release of a land plot from small architectural forms established in the course of uncoordinated improvement works (33);
- brought to disciplinary responsibility by acting head of the administration of the municipal district «Primorsk urban settlement» S.V. Slobozhenyuk and the head of the «Primorsk urban settlement», S.V. Ryzhova (34);
- LLC «Korisstroy», which performed contract work on the reconstruction of the burial ground in the city of Primorsk, was found guilty of committing an administrative offense under Art. 7.14 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and received a punishment in the form of an administrative fine (35).

However, many questions still await a proper solution. In particular:

- a full examination of the military burial for involvement buried in Primorsk Finnish troops to military crimes and crimes against humanity, the preservation of the remains, their number and precise location;
- clarification of the symbolism and place of installation of the memorial sign «Cross and Sail»;
- final arrangement of the territory adjacent to the Kirch;
- **identifying the reasons and persons that contributed to the appearance on the central stele of the Finnish military memorial of inscriptions glorifying the allies of the Third Reich and distorting the role of the USSR in World War II**, as well as making appropriate decisions in accordance with current legislation.

The presented situation could be resolved in a shorter time if the representatives of the Finnish society «Koivisto» initially applied to the specialists of the corresponding structures authorized by the Russian and Finnish authorities.

УДК: 2-9(470)

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-8-8

Поступила в редакцию: 24.11.2020 г.

Submitted: November 24, 2020

Опубликована: 05.02.2021 г.

Published online: February 5, 2021

Для цитирования: Самойловский А. Л., Алипичев В. Н. Новомученики и исповедники Юго-Западного викариатства города Москвы (Россия). *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 8-8.

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-8-8.

For citation: Samoylovskiy A. L., Alipichev V. N. New Martyrs and Confessors of the South-West Vicariate of the City of Moscow (Russia). *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):8-8. (In Russ.) DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-8-8.

Благодарности: Епископу Дмитровскому Феофилакту (Моисееву), наместнику Андреевского ставропигиального монастыря, управляющему Юго-Западным викариатством города Москвы, викарию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси; Суловой Е.Ю., председателю Региональной общественной организации поддержки и развития духовных и семейных ценностей «Культурно-просветительский центр имени Ардашевых».

Acknowledgements: Bishop Feofilakt of Dmitrov (Moiseev), the governor of St. Andrew's Stavropegial Monastery, the manager of the South-Western Vicariate of the city of Moscow, the vicar of His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia; Elena Yu. Suslova, Chairman of the Regional Public Organization for the Support and Development of Spiritual and Family Values «Cultural and Educational Center named after Ardashevs».

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

ИСТОРИЯ ВЕРОВАНИЙ, РЕЛИГИЙ, ЦЕРКВЕЙ

Обзорная статья

Новомученики и исповедники Юго-Западного викариатства города Москвы (Россия)

А. Л. Самойловский¹, В. Н. Алипичев²

¹ Сретенская Духовная Семинария,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7693-0798>, e-mail: alexsamoylovskiy@gmail.com

² Храм Всех Святых в земле Российской просиявших в Черемушках,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: nashhram.2010@gmail.com

Аннотация:

В границах Юго-Западного административного округа г. Москвы (Россия) находится Юго-Западное викариатство (управляющий викариатством Преосвященный епископ Дмитровский Феофилакт). До первой половины XIII века

на территории Юго-Западного административного округа города Москвы сформировался крупный сельскохозяйственный район, во многом способствующий росту и возвышению Москвы. Приблизительно со второй половины XVII – начала XVIII века в этом районе сосредотачиваются подмосковные усадьбы наиболее видных представителей столичной знати. Усадьбы Черемушки, Узкое, Знаменские садки, Ясенево, Воронцово, Мамоново полностью или частично сохранились до наших дней и составляют усадебное «ожерелье» Юго-Запада. Великолепными образцами духовно-культурного наследия старины являются православные храмы, которые являются памятниками истории города – это Большой Андреевский монастырь, храм Живоначальной Троицы в Воронцово, храм святых Бориса и Глеба в Зюзино, храм Казанской иконы Божией Матери в Узком, храм Знамения иконы Божией Матери в селе Захарьино, возраст последних двух насчитывает более трехсот лет. Юго-Западное викариатство включает в себя Андреевское (благочинный – протоиерей Николай Карасев) и Параскево-Пятницкое (благочинный – протоиерей Анатолий Кожа) благочиния, которые насчитывают около 66 действующих храмов, некоторые из них названы в честь Святых Новомучеников и Исповедников Русской Православной Церкви. 25 марта 1991 года Священный синод Русской Православной Церкви принял Определение «О возобновлении поминовения исповедников и мучеников, пострадавших за веру Христову, установленного Поместным Собором» 5(18) апреля 1918 года. Новомученики и исповедники Церкви Русской – это православные христиане, наши соотечественники, которые в периоды гонений на Церковь с 1917 года подвергались репрессиям за исповедание православной веры. В ходе исследования проанализированы основные публикации, электронные архивы, электронные базы данных, раскрывающие тему для обзорной статьи. Выявлены источники, освещающие особенности увековечивания событий гонений на Русскую Православную Церковь и жертвы репрессий среди священников. Наиболее почитаемыми святыми Новомучениками и Исповедниками Русской Православной Церкви, священники, служившие в храмах Юго-Западного викариатства, расстрелянные на Бутовском полигоне.

Ключевые слова:

Русская Православная Церковь, новомученики, исповедники,
Юго-Западный административный округ Москвы,
Бутовский полигон, Бутово, жертвы репрессий

ВВЕДЕНИЕ

В границах Юго-Западного административного округа г. Москвы (Россия) находится Юго-западное викариатство. Распоряжением Святейшего Патриарха Кирилла № Р-01/10 от 16 марта 2013 года назначен управляющий викариатством Преосвященный епископ Дмитровский Феофилакт.

До первой половины XIII века на территории Юго-Западного административного округа города Москвы сформировался крупный сельскохозяйственный район, во многом способствующий росту и возвышению Москвы. К началу XIV века относятся первые дошедшие до нас сведения о селах, располагавшихся на землях современного Юго-Запада столицы. Великокняжеское село Ясенево впервые упоминается в духовной грамоте великого московского князя Ивана Даниловича Калиты. Этот документ составлен в 1331 году. Вдоль большой торговой Боровской дороги, которая в конце этого столетия протянулась до Калуги, появляются новые села и деревни – вотчины представителей видных родов московского боярства: Воробьево (боярин Кирилл Вороба), Деревлево (боярин Нестор Деревль), Семеновское (боярин Семен Жеребец), Воронцово (боярин Федор Воронец). Приблизительно со второй половины XVII – начала XVIII века в этом районе сосредотачиваются подмосковные усадьбы наиболее видных представителей столичной знати. Усадьбы Черемушки, Узкое, Знаменские садки, Ясенево, Воронцово, Мамоново полностью или частично сохранились до наших дней и составляют усадебное «ожерелье» Юго-Запада.

Великолепными образцами духовно-культурного наследия старины являются православные храмы, которые являются памятниками истории города – это Большой Андреевский монастырь, храм Живоначальной Троицы в Воронцово, храм святых Бориса и Глеба в Зюзино, храм Казанской иконы Божией Матери в Узком, храм Знамения иконы Божией Матери в селе Захарьино, возраст последних двух насчитывает более трехсот лет [1; 22].

Юго-Западное викариатство включает в себя Андреевское (благочинный – протоиерей Николай Карасев) и Параскево-Пятницкое (благочинный – протоиерей Анатолий Кожа) благочиния, которые насчитывают около 66 действующих храмов. Некоторые из них названы в честь Святых Новомучеников и Исповедников Русской Православной Церкви, а также Всех Святых в земле Российской просиявших.

25 марта 1991 года Священный синод Русской Православной Церкви принял Определение «О возобновлении поминовения исповедников и мучеников, пострадавших за веру Христову, установленного Поместным Собором» 5(18) апреля 1918 года:

«Установить по всей России ежегодное поминовение в день 25 января (7 февраля) или в следующий за сим воскресный день всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников».

6 октября 2008 года Священный синод Русской Православной Церкви постановил создать рабочую группу для рассмотрения вопроса о почитании новомучеников и исповедников Российских XX века, канонизованных Русской Православной Церковью Заграницей в период разделения. 25 декабря 2012 года Священный синод образовал церковно-общественный совет по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской. 29 мая 2013 года решением Священного синода Русской Православной Церкви было принято название «Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской» [7].

НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ ЦЕРКВИ РУССКОЙ – это православные христиане, наши соотечественники, которые в периоды гонений на Церковь с 1917 года подвергались репрессиям за исповедание веры, верность Господу Нашему Иисусу Христу и Его Церкви, а также каноническому строю Православия [7].

«Русской Голгофой» назвал Патриарх Алексей II Бутовский полигон, крупнейшее в Московском регионе место массовых расстрелов и захоронений жертв террора середины XX столетия. В период с августа 1937 по октябрь 1938 годов здесь **пострадало более 20 тыс. человек**: простые крестьяне, рабочие и служащие, интеллигенция, бывшие военные, общественные и государственные деятели. **Около 1000 человек были осуждены и расстреляны за исповедание православной веры**. Более трехсот из них прославлены Русской Православной Церковью в лике святых [5].

Многолетний террор, развязанный большевистским партийно-советским режимом в отношении священнослужителей и верующих всех конфессий, был осуждён Указом Президента РФ № 378 от 14.03.1996 г. «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» (ст. 1 Указа) [20].

На Бутовском полигоне расположены две церкви (деревянный и белокаменный) Свв. Новомучеников и Исповедников Российских – настоятель – протоиерей Кирилл Каледа, внук расстрелянного на полигоне священномученика Владимира Амбарцумова. Белокаменный был освящен совместной молитвой Предстоятелей Русской Православной Церкви в России и за рубежом Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Митрополитом Восточно-Американского и Нью-Йоркского Лавра.

С 2000 года ежегодно, в 4-ю субботу по Пасхе, на Бутовском полигоне совершается Патриаршее богослужение под открытым небом. Традицию, основанную Святейшим Патриархом Алексием II, сегодня продолжает Патриарх Кирилл. День этот, в календарях нашей Церкви, значится как Собор новомучеников Бутовских [5; 11].

Мемориальный центр «Бутово» создан в 2002 году по инициативе прихожан храма новомучеников и исповедников Российских на Бутовском полигоне с целью координации усилий государственных, религиозных и общественных организаций по созданию мемориального комплекса на месте бывшей спецзоны НКВД-ФСБ «Бутово». Это крупнейшее в Москве и ее окрестностях место захоронений жертв политических репрессий. После июльских приказов наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова начались массовые, не имеющие аналогов в мировой истории, казни. Всего было **уничтожено 20761 человек**. Первый расстрел по этим приказам на Бутовском полигоне произведен 8 августа 1937 года. В этот день был казнен 91 человек.

Самые многочисленные расстрелы в Бутове пришлось на декабрь 1937 и на февраль 1938 года: 8 декабря было расстреляно 474 человека, 17 февраля – 502 и 28 февраля – 562 человека. Среди жертв Бутова, по имеющимся документам, наибольшее число составляют москвичи, жители Подмосковья и соседних областей, входивших тогда целиком или частично в Московскую область. Но есть и немало представителей республик бывшего СССР, лица иностранного происхождения и подданства, единственная вина которых заключалась в «неподходящей» национальности или месте рождения. По численности после русских, которых в бутовских погребальных рвах насчитывается 8724 человека, преобладают латыши, поляки, немцы, евреи, украинцы, белорусы; есть представители Франции, США, Румынии, Венгрии, Австрии, Италии, Болгарии, Японии, Индии, Китая; всего же национальностей насчитывается свыше шестидесяти. Больше всего в Бутове погребено простых крестьян. Следующие по численности жертвы Бутова – рабочие и служащие всевозможных советских учреждений.

Более трети от общего числа расстрелянных – заключенные Дмитлага, этого настоящего государства в государстве; в состав «дмитлаговцев» входили ученые с мировой известностью, строители, священнослужители, учителя и не подлежащие реабилитации уголовники-рецидивисты. Дмитровский исправительно-трудовой лагерь (также известен как Дмитровлаг, Дмитлаг, ДИТЛг и ДИТЛ) – крупнейшее лагерное объединение ОГПУ-НКВД, созданное для строительства канала Москва-Волга им. И. В. Сталина, который был необходим в первую очередь для обеспечения растущей Москвы питьевой водой, а также подъема уровня Москва-реки и Волги для обеспечения судоходства. В последствии канал имени Москвы сыграл решающую роль при обороне Москвы в 1941 году [3; 5; 8; 13; 24, с. 28; 25].

В числе «контингентов, подлежащих репрессии», в Приказе Н.И. Ежова №00447 значатся «церковники». Среди них есть всевозможные сектанты, старообрядцы, обновленцы, которых трудно бывает распознать по следственным делам. Есть представители других конфессий: три муллы, один раввин, есть католики, протестанты, баптисты (около 50 человек). Количество убиенных в Бутове **представителей Русской Православной Церкви, пострадавших за Веру и Церковь Христову, составляет 940 человек** [3].

В планах безбожных властей, строящих новое атеистическое государство, значилось, что к 1 мая 1937 года «имя бога должно быть забыто по всей территории СССР». Но перепись населения 1937 г., как известно, показала, что более половины опрошенных признали себя верующими. Колоссальная работа по уничтожению Церкви, проводившаяся с первых дней советской власти, не дала ожидаемых результатов. **В 1937 г. началось новое тотальное наступление на Церковь и верующих.** В том году было закрыто еще 8 тысяч храмов, ликвидировано 70 епархий и викариатств, расстреляно 60 архиереев. Семь из них были расстреляны на Бутовском полигоне. Это сщмч. Серафим (Чичагов) (прославлен на Архиерейском соборе 1997 г.), это сщмч., канонизированные на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г.: Димитрий (Добросердов), Николай (Добронравов), Никита (Делекторский), сщмч.: Иона (Лазарев), Аркадий (Остальский). Бутовский список неканонизированных священнослужителей возглавляет убиенный епископ Арсений (Жадановский) [3; 5; 8; 13].

Всем, проходящим по церковным делам, предъявлялось стандартное обвинение: антисоветская агитация, контрреволюционная деятельность. Но поводы для обвинения могли быть самые разные, например, «сохранение церкви и насаждение тайного монашества», «недоносительство» («знал о беглом попе и не донес»), помощь ссыльным, приют бездомных священнослужителей, хранение иконки или молитвы.

Среди расстрелянных священнослужителей много известных и глубоко почитаемых иереев. Новопрославленный сщмч. Кронид (Любимов), последний 79-летний настоятель Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, принял мученическую кончину 10 декабря 1937 г.; десять человек, проходивших с ним по одному делу, были также расстреляны на Бутовском полигоне. В декабре, январе и феврале 1937–1938 гг. приняли смерть в Бутове 27 иеромонахов Троице-Сергиевой Лавры, незадолго до того вернувшихся из заключения; большинство из них были поставлены на приходы Загорского района архимандритом Кронидом. День кончины сщмч. Крониды и пострадавших с ним стал особо чтимым для монахов Троице-Сергиевой Лавры, которые в этот день посещают Бутово и совершают панихиду на месте казни у большого Поклонного Креста. В среде православных были широко известны и почитаемы имена прославленных ныне сщмч. Сергия (Махаева) – священника Иверской общины на Б. Полянке, Зосимы (Трубачева), окормлявшего высланных в Малоярославец священников и монахинь и там же арестованного, Владимира (Медведюка). На сегодняшний день **в числе пострадавших в Бутове**

прославлено 304 новомученика. Имена их записаны в православных месяцесловах и в Синодике храма Новомучеников и Исповедников в Бутове, напечатанном в 2005 году. [2; 3; 5; 8; 11; 13; 16; 18].

Сохранение и увековечение памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, способствующих реализации определения Архиерейского Собора 2011 года «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших» неустанно проводит управляющий Юго-Западным викариатством города Москвы, vicарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, епископ Дмитровский Феофилакт с помощью отдела по агиологии, привлекая к работе как клириков храмов, так и различных ученых. Необходимо отметить роль некоммерческих общественных организаций и Воскресных школ, которые организывают и участвуют в социально-значимых проектах, направленных на сохранение государственно-исторических и семейных ценностей нашей страны.

Так, например, 25 октября 2019 года проведено заседание «Круглого стола» на тему: «Традиции семей новомучеников живы в семьях их потомков» в Бутово, посвященного памяти иерея Александра Платоновича Ардашева. Организаторы мероприятия: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр имени Ардашевых» – председатель Е.Ю. Сулова, храм Святых новомучеников и исповедников Российских на Бутовском полигоне – настоятель протоиерей Кирилл Каледа, храм Всех Святых в земле Российской просиявших в Черемушках города Москвы – настоятель протоиерей Виктор Алипичев и Воскресная школа имени А.В. Суворова храма Всех Святых в земле Российской просиявших в Черемушках – директор проф., д.б.н. Н.А. Самойловская. Участники: представители Русской Православной Церкви, федеральных и государственных структур, общественных организаций, деятели российской науки и культуры, студенты и воспитанники духовных учреждений, учащиеся ГБОУ г. Москвы. «История нашей страны содержит немало печальных страниц. Одна из них годы забвения, когда советские власти разрушали храмы. Печальная судьба постигла и деревянную церковь села Барановское Воскресенского района. Настоятеля священника Александра Ардашева расстреляли. У отца Александра есть родственники, которых волнует духовный путь прадеда. Правнук Юрий Габров и правнучка Елена Сулова приезжали в Воскресенский район, причем, некоторые из-за границы. В 30-е годы прадед пропал, лишь спустя десятилетия, когда разрешили доступ к архивам НКВД, они нашли дело. Страшная тайна, которая окружала семью священника все эти годы, раскрылась: Александр Ардашев расстрелян на полигоне Бутово. Факт стал отправной точкой для продолжения поисков и сбора информации» [23].

Мероприятие было направлено на возрастание значения живых традиций и анализ тысячелетнего опыта, накопленного народами России, а также на **возрождение традиционного духовно-патриотического служения Родине через память конкретных людей.**

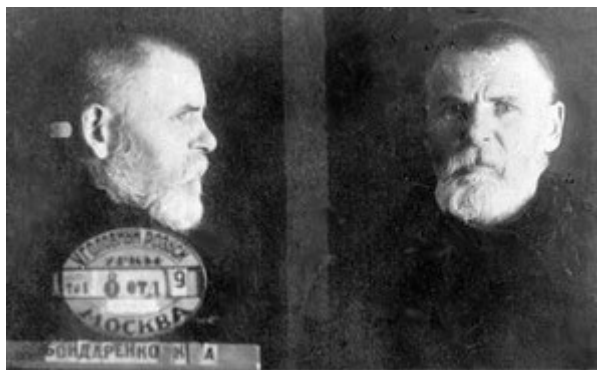
Несмотря на то, что храм Всех Святых в земле Российской просиявших в Черемушках имеет незначительную историю со дня строительства и Великого освящения патриархом Московским и Всея Руси Кириллом (2017 г.), главными направлениями работы Воскресной школы имени А.В. Суворова храма являются духовно-нравственное, патриотическое воспитание и научно-просветительская деятельность, в том числе, по сбору, анализу, архивации и публикации проведенных исследований по сохранению памяти новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви в годы гонений пострадавших. В школе введены в программу обучения предметы: История России, История Русской Православной Церкви, основы Церковно-славянского и литургии, История Русской иконописи, которые позволяют учащимся в полном объеме получать квалифицированные знания и развивать направление «Музейно-историческое дело», согласно *национальных проектов по 12 направлениям стратегического развития, установленных Указом Президента России от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».*

**Сведения о наиболее почитаемых святых новомучениках и исповедниках
Русской Православной Церкви, священниках, служивших в храмах Юго-Западного викариатства и
расстрелянных на Бутовском полигоне**

[2; 9, с. 450-451; 10; 11; 12; 14; 15 – 19; 21, с. 727]

Храм Троицы Живоначальной в Коньково

Список пострадавших:

**Преподобномученик
иеромонах Ксенофонт (Бондаренко) –
иеромонах Ксенофонт
(Бондаренко Константин Андреевич)**

Канонизирован: Священный Синод, определение от 18 августа 2004 г.

Родился 13 мая 1886 года в крестьянской семье в Воронежская губернии (Валуйский уезд, слобода Никитовка). Окончил Копано-Никитовское народное училище. Проживал в родном селе, помогал своему отцу по хозяйству.

В 1910 г. поступил в Троице-Сергиеву Лавру. Служил Свято-Троицкой Сергиевой Лавре (Московская губерния, г. Сергиев Посад). 15 июня 1916 г. был пострижен в мантию с именем Ксенофонт. Исполнял послушание келейника при покоях наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова). Рукоположен в иеродиакона в 1918 году.

После закрытия Лавры в ноябре 1919 г. был под конвоем препровожден в Гефсиманский скит и в последствии работал в Лавре в качестве слесаря при Комиссии по охране памятников искусства и старины. В 1924 г. после разгона скита переехал в Петроград, затем вернулся в Москву, был рукоположен в иеромонаха в 1926 году.

После рукоположения направляем священноначалием в различные храмы Московской епархии, где была нужда в священнике. В 1932 г. служил в храме с. Михайловское. Имея желание остаться здесь постоянно, он подал свой паспорт в сельсовет. Однако председатель сельсовета, увидев, что священник в паспорте записан рабочим, так как он получил паспорт во время своей работы на заводе, отослал паспорт в ОГПУ. Отцу Ксенофонту из опасения преследования пришлось возвратиться в Москву. В Москве священноначалием он был направлен в храм в с. Коньково под Москвой (ныне Москва), где он прослужил около года, пока не стало ясно, что ОГПУ собирается и здесь его арестовать. Во избежание ареста священноначалие направило его в храм в с. Алексеевское Солнечногорского района Московской области.

Арестован 12 марта 1935 года Солнечногорским отделением УНКВД и заключен в Бутырскую тюрьму. Осужден Особым Совецанием при НКВД СССР по Московской обл. 31.03.1935 г. за «систематическую антисоветскую и антиколхозную агитацию и деятельность, распространение провокационных слухов о гибели Советской власти, в результате чего к началу 1935 г. колхоз оказался в прорыве» по Статье ст. 58–10 УК РСФСР. Будучи заключенным в лагере, имел письменную связь с архимандритом Кронидом (Любимовым). Хотя ему был запрещен даже въезд на территорию Московской обл., он до ареста сумел три раза навестить своего духовного отца, старца архимандрита Кронида (Любимова) в г. Загорске.

Отец Ксенофонт посещал архимандрита Кронида и был у него 20 ноября 1937 года, когда архимандрит Кронид и его келейник были арестованы. Застав в доме архимандрита отца Ксенофонта, сотрудники НКВД сначала попросили его расписаться в ордере на обыск в качестве свидетеля, а затем, уведя архимандрита и его келейника, арестовали и иеромонаха Ксенофонта.

Все арестованные монахи были заключены в Таганскую тюрьму. На момент ареста, как сказано в анкете арестованного, «нелегальный священник, бывший монах» обвинен как «активный участник контрреволюционной монархической группы монахов и духовенства, агитация против выборов в Верховный Совет» (Статья 58–10, 58–11 УК РСФСР). Приговор – высшая мера наказания – расстрел. Групповое дело «Дело архимандрита Кронида и др. г. Загорск, 1937 г.». По делу проходили 15 обвиняемых, в том числе архимандрит Кронид и о. Ксенофонт. Место расстрела и захоронения – Московская обл., пос. Бутово, Бутовский полигон.

Реабилитирован 14 ноября 1958 г. решением Президиума Московского областного суда. [19]

Варсонофий
(Гриневич Константин Диомидович) –
архиепископ

Родился в 16 мая 1874 года в селе Катынь Смоленской губернии в бедной крестьянской семье. Мать – дочь диакона с. Юсупово Краснинского уезда Смоленской губернии. В 2 года потерял мать. Воспитывался верующими дедом и бабушкой, крестьянами деревни Жуково Духовщинского уезда Смоленской губ. В 1889 г. окончил министерское двухклассное училище в с. Досугово.

В 1889 году после окончания министерского училища поступил во 2-й класс Мстиславского духовного училища. Во время обучения самостоятельно обеспечивал себя. В 1898 году окончил по I разряду Могилевскую Духовную Семинарию и был принят на казенный счет в Казанскую Духовную Академию. В 1902 г. окончил КДА со степенью кандидата богословия. В том же году женился на дочери небогатого землевладельца Могилевской губ. (Горецкий уезд, пос. Горы-Горецкие). Служил учителем русского языка, истории и географии в Горы-Горецком земледельческом училище, а затем – учителем в Казанском земледельческом училище (Таврическая губ., Ялтинский уезд, г. Ялта) и учителем в Никитском училище садоводства и виноделия вблизи Ялты.

В 1908 г. поступил секретарем и чиновником особых поручений в Смоленскую казенную палату. Одновременно преподавал в смоленских мужских гимназиях. В 1911 году был казначеем Краснинского уездного казначейства Смоленской губернии, позднее был казначеем Бельского уездного казначейства Гродненской губернии, с 1914 года – податный инспектор. Заведовал школой 2-й ступени в Горецком уезде.

Рукоположен в иереи в 1920 году архиепископом Могилевским Константином (Булычевым). В октябре 1920 г. после смерти сына был рукоположен во священника и направлен в бедный приход д. Шаробы Горецкого уезда, чтобы быть недалеко от могилы сына.

С 1922 году на должности благочинного храмов г. Могилева и по выбору прихожан направлен в Могилевскую Петропавловскую церковь на Луполове. В 1922 г. он овдовел.

Арестован 20 июня 1927 года и осужден тройкой при ПП ОГПУ 13.09.1927 года. Был обвинен за «распространение ложных слухов о войне с Польшей и об административных ссылках епископов» – Статья ст. 72 УК БССР (соответствует ст. 58–10 УК РСФСР) и приговорен на 5 лет концлагерей. Место заключения – Архангельская обл., Соловецкий лагерь особого назначения (1927–1931 гг.).

По утверждению архимандрита Феодосия (Алмазова), одновременно с ним на Соловках отбывал заключение протоиерей Гриневич. 5 апреля 1931 года «по болезни и старости» Комиссией «по разгрузке лагерей» был из лагеря освобожден и выслан на оставшийся срок в Северный (Онежский) край и осенью 1932 г. освобожден с правом повсеместного проживания.

В этом году продолжил служение священником в с. Коньково, затем в Московской обл. (Егорьевский р-н., с. Низкое). С января 1937 года служил в с. Ново-Егорье Егорьевского района. С июня до декабря 1937 года находился за штатом по болезни. С декабря 1937 года служил в с. Амирево Щелковского района (позже в черте г. Щелково) и с июля 1939 г. – в с. Новоселки Пушкинского р-на. С января до июля 1941 г. находился за штатом по болезни. С 1942 г. на должности благочинного церквей Щелковского района. В 1942–1945 гг. состоял благочинным храмов Щелковского и Мытищинского районов, в 1945 г. – настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе, Москва.

Рукоположен в иеромонахи 14.12.1945 года с именем Варсонофий, в честь Варсонофия, епископа Тверского, епископом Можайским Макарием (Даевым).

Архимандрит с 17.12.1945 г., епископ – 30.12.1945 г. – рукоположен в Москве (Московский Богоявленский собор) Святейшим Патриархом Алексием I, митрополитом Киевским и Галицким Иоанном (Соколовым), митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым), архиепископом Тамбовским и Мичуринским Лукой (Войно-Ясенецким) и другим.

Служил епископом в Гродненской епархии, где образовал особые богословско-пастырские курсы, на которых многие из пастырей и мирян получили богословские знания. Обращался к местному уполномоченному Совета по делам РПЦ за разрешением создать при кафедральном соборе братство Семипалатинской епархии.

Из отчета уполномоченного Совета по делам РПЦ о епископе Варсонофии: «Начал активно поднимать деятельность Церкви и авторитет духовенства». Он придавал большое значение повышению образовательного уровня духовенства. Обязал всех клириков епархии учиться на организованных им богословско-пастырских курсах, читал лекции сам, приглашал преподавателей из светских учебных заведений. Священники епархии должны были являться в домовую архиерейскую церковь для проверки уровня знаний и умения проповедовать. При Владыке Варсонофии во всех храмах епархии после богослужения читались проповеди.

16 ноября 1953 года отец Варсонофий был уволен на покой согласно собственному прошению. 29 июля 1954 г. был назначен епископом Калининским и Кашинским, одновременно управлял также Великолукской епархией (до 8 февраля 1956 года).

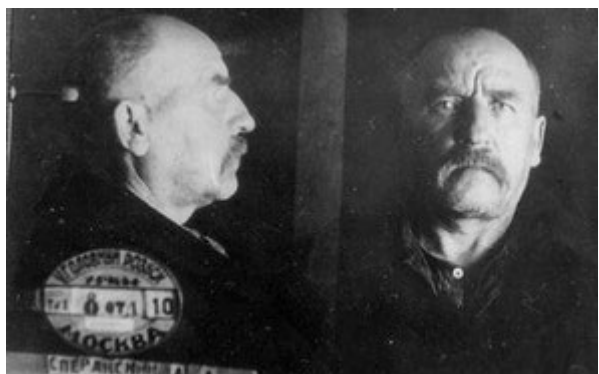
Из отчета уполномоченного по делам религий Калининской области о епископе Варсонофии: «Активно поддерживает всякое начинание, направленное на расширение и активизацию церковной деятельности». Епископ особенно заботился о восстановлении храмов. Ко времени вступления его на кафедру в 22 храмах епархии несколько лет не совершалось богослужение. К январю 1956 года богослужение возобновилось во всех храмах. Владыка Варсонофий распорядился совершать во всех храмах епархии ежедневные службы, за которыми должны были читаться проповеди.

Епископ ходатайствовал перед властями об открытии храма в г. Ржеве, где действовала старообрядческая община, но не было православной церкви. Он ходатайствовал также об открытии в Твери (тогда Калинин) кафедрального собора. Архиерей провел реорганизацию благочинных округов, сменил состав благочинных, дал им инструкции по управлению округом. Проводил работу по увеличению числа духовенства, в части храмов увеличил штат. Пригласил в епархию преимущественно из Западной Белоруссии и с Украины 66 священников, рукоположил во священный сан 18 человек. Часто лично посещал приходы.

Рукоположен в архиепископа 08.02.1956 году. За несколько месяцев до кончины ослабел, но продолжал служить и до последних своих дней занимался епархиальными делами. Умер 13.03.1958 года, место захоронения – г. Тверь, Николо-Малицкое кладбище. [19].

Храм Бориса и Глеба в Зюзино, Москва

Список пострадавших:

Сперанский Алексей Александрович Щмч. Алексей Сперанский – иерей

Родился 16 марта 1881 года в с. Минеево Дмитровского уезда Московской губернии. Брат протоиерея Сперанского Николая Александровича.

Окончил Вифанскую Духовную Семинарию (1899), рукоположен к Успенскому храму, где в то время служил его престарелый отец, и был назначен на должность законоучителя в Бульковскую земскую школу в с. Богослово. В середине 1930-х годов о. Алексей, не оставляя

службу в храме, устроился работать в колхоз кузнецом. Когда приходили в кузницу с просьбами крестить, венчать или отпеть, он снимал фартук и шел совершать требы. Но в субботы и воскресенья он совершал службы в церкви и во время богослужения всегда говорил проповеди.

Арестован 26.11.1937 года и осужден тройкой при УНКВД СССР по Московской области 01.12.1937 г. по Статье 58–10 УК РСФСР, приговор – высшая мера наказания. Расстрелян 10.12.1937 г. на Бутовском полигоне.

Канонизирован Архиерейским Собором РПЦ, 13–16 августа 2000 года [19].

Воскресенский Леонид Александрович – иерей

(заявитель – епископ Дмитровский Феофилакт,
наместник Андреевского ставропигиального мужского монастыря)

Родился 26.02.1873 г. в семье диакона в с. Спас (Спасское) Волоколамского уезда Московской губернии. Учился в Волоколамском духовном училище (1887–1893 гг.). В 1927 г. возведен в сан священника, служил в с. Верхние Котлы (ныне Москва) Ленинской волости Московской губернии в церкви свт. Николая Чудотворца.

Образование:

- Волоколамское духовное училище (1887),
- Вифанская Духовная Семинария (1887–1893 гг.)

Служение:

- Московская губ., Московский у., с. Черкизово (ныне Москва), храм св. Пророка Божия Илии, псаломщик (1894–1902)
- Московская губ., г. Серпухов, Троицкий собор, псаломщик, законоучитель Занарской церковно-приходской школы (02.09.1902–13.08.1905). Со 2 сентября 1904 г. до 13 августа 1905 г. безвозмездно преподавал Закон Божий в Занарской церковно-приходской школе.
- Москва, церковь свт. Николая Чудотворца в Толмачах (при Третьяковской галерее), псаломщик (1905–1909), диакон (1909).
- Московская губ., Ленинская вол., с. Верхние Котлы (ныне Москва), церковь свт. Николая Чудотворца, священник (1927).

Рукоположение: диакон – 1909, священник – 1927.

Был женат.

- Жена – Александра Александровна Воскресенская (родилась 09.04.1897 г.).
- Дети (по данным на 1916 г.): Орест (род. 03.08.1903 г.), Александр (род. 08.08.1904 г.), Галина (род. 18.06.1906 г.), Любовь (род. 30.01.1908 г.).

Репрессирован.

Харьюзов

Александр Афанасьевич – иерей

Родился в 1882 году в Михайло-Архангельском Верхневологодском погосте Вологодского уезда Вологодской губернии.

Сын диакона Михайло-Архангельской Верхневологодской церкви Вологодского уезда Афанасия Харьюзова. Брат священника – Харьюзов Леонид Афанасьевич. Тесть – Гримальский Леонтий Степанович, украинец, Киевская обл.,

Уманский р-н, с. Ладыженка, церковь с. Гжель Раменского р-на Московской обл.: протоиерей (1869 – 26.2.1938).

Служение:

- Вологодская губ, г. Великий Устюг, Спасо-Преображенская церковь,
- с 1901 года – Московская обл., Ленинский р-н., с. Зюзино.

Арестован 14.09.1937 года по Статье 58-10 УК РСФСР. Приговорен к 10 годам ИТЛ. Виновным себя не признал. Дальнейшая судьба неизвестна. [19]

Харьюзов Николай Александрович – протоиерей

(заявитель – монахиня Сергия (Каламкарова), Свято-Успенский женский монастырь)

Родился 28.11.1900 года в Вологодской губ., г. Великий Устюг, в семье протоиерея Московской епархии о. Александра Харьюзова.

Образование:

- Ишимское духовное училище (1909–1913 гг.),
- Киевская Духовная Семинария (1913–1917 гг.),
- Киевский Университет, историко-филологический факультет (1918–1921 гг.).

Рукоположен во диакона 07.08.1922 г., иерея – 14.08.1922 г. епископом Уманским Макарием (Кармазиным).

Служение: Киевская обл., Уманский уезд, с. Кислин, церковь Иоанна Богослова.

Свое пастырское служение нес через всю жизнь с усердием и любовью.

Место захоронения – Владимирская обл., г. Александров. Протоиерей Николай скоропостижно скончался от инфаркта миокарда и отека легких 12 декабря 1963 года.

Хитров Ермолай Михайлович – диакон

(заявитель епископ Дмитровский Феофилакт,
наместник Андреевского ставропигиального мужского монастыря)

Родился 23 февраля 1895 г. в с. Очаково (ныне в черте Москвы) Московского уезда Московской губернии в семье псаломщика Хитрова Михаила Никитича.

Образование: Перервинское духовное училище.

Рукоположен в диакона в 1923 году.

Служение: Московская губ., Московский уезд, Ленинская волость (Москва), с. Зюзино (ныне Москва), храм святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Арестован и осужден в 1931 году.

После освобождения воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Награжден медалями: «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За освобождение Праги».

Служение:

- Московская обл., Щелковский р-н., с. Хомутово, храм Покрова Пресвятой Богородицы,
- Москва, храм прп. Пимена Великого в Новых Воротниках
- Москва, Троицкий храм на Воробьевых горах с 1950-х гг. до 1965 года.

Скончался в Москве, неточная дата 5.02.1966 (5.02.1968?) г.

Страдание ради Христа – это, самый прямой путь в Царствие Небесное, который Господь выбирает для самых лучших своих сынов и дочерей.

Список литературы

1. Аверьянов К.А. История московских районов. М.: Астрель, АСТ, 2005. – 830 с.
2. Алонин М.А. Расстрельные списки. Священнослужители. Казнены в Бутово. – Вечерняя Москва, 1993. 23 авг.
3. Бутовский полигон – [официальный сайт](#).
4. Волобуева Т.И., Кузнецова О.П., Романова С.Н., Савостьянова Н.Ю., Столярова З.Н. Священноцерковнослужители и ктитория Московской епархии первой трети XX столетия. Тверь: Булат, 2013. – 416 с.
5. Гарькавий И.В., Головкина Л.А. Бутовский полигон. [Мемориальный научно-просветительский комплекс «Бутово»](#).
6. Голубцов С.А. Храм преподобного Пимена Великого в Москве. М., 1997. – 159 с.
7. [Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века](#). Москва, 12-16 августа 2000 г.
8. [Жертвы политического террора в СССР](#).
9. *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 6. Тверь: Булат, 2002. С. 450–451.
10. *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Московской епархии. Тверь: Булат. Т. 3, 2005. – 278 с.
11. Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М.: ФЭРИ-В, 2002.
12. Кошман С.Н., Лагункина В.И., Полищук В.А., Смирницкий В.И. Помнить поименно: Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М.: ФЭРИ-В, 2002. – 616 с.
13. Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД «Объект Бутово», 08.08.1937 – 19.10.1938. Храм Св. Новомучеников и исповедников Российских в Бутово. Группа увековечения памяти жертв полит. репрессий. М.: Зачатьевский монастырь, 1997. – 418 с.
14. [Места служения священнослужителей и мирян Церкви Русской пострадавших в годы гонений XX века](#).
15. Никонов В.В., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Раменская волость. Гжель: Гжельский государственный университет, 2016. Т. I. – 615 с.
16. [Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века](#).
17. Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2003. Т. 6. С. 679-680.
18. Синодик пострадавших за веру и Церковь Христову в Бутово. М.: ПСТБИ, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, Община Храма свв. новомучеников и исповедников российских в Бутово, 1995. – 19 с.
19. [Списки клириков и мирян, расстрелянных и захороненных в районе пос. Бутово Московской обл. Сост. К.Ф. Любимова и др.](#)
20. Указ Президента РФ № 378 от 14.03.1996 г. «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий».
21. Цыпин В., прот. История Русской Церкви, 1917 – 1997. М., 1997. Т. 9. С. 727.
22. Ярославцева С.И. От Черёмушек до Зюзино. В долине Котла. Четыре московских района: Черёмушки, Зюзино, Котловский, Академический. М.: Центрполиграф, 2014. – 126 с.
23. Электронный ресурс ([А. Ардашев](#)).
24. Кикнадзе В.Г. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. Москва: Прометей, 2020. – 198 с.
25. Кикнадзе В.Г. Москвичи и жители Подмосковья в обороне Москвы и достижениях Великой Победы: героические и трагические страницы истории. – Новый Часовой. 2020. № 21, с. 5–13.

Источники

- I. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 76.
- II. ГА РФ. Ф. Р-10035. Оп. 1. Д. П-16756.
- III. ГА РФ. Ф. Р-10035. Оп. 1. Д. П-59458.
- IV. ГА РФ. Ф. Р-10035. Оп. 1. Д. П-72934. Л. 10–11 об.
- V. ГА РФ. Ф. Р-10035. Оп. 1. Д. П-74888.
- VI. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1204. Оп. 1. Д. 25235.

Информация об авторах

Самойловский Алексей Леонидович, студент Сретенской Духовной Семинарии, г. Москва, Российская Федерация.

Алипичев Виктор Николаевич, протоиерей, настоятель храма Всех Святых в земле Российской просиявших в Черемушках, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Самойловский Алексей Леонидович, e-mail: alexsamoylovskiy@gmail.com

HISTORY OF FAITH, RELIGION, DENOMINATION OR CHURCH

Review

New Martyrs and Confessors of the South-West Vicariate of the City of Moscow (Russia)

Alexey L. Samoylovskiy¹, Victor N. Alipichev²

¹ *Sretensky Theological Seminary, Moscow, Russian Federation,*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7693-0798>, e-mail: alexsamoylovskiy@gmail.com

² *Church of All Saints in the land of Russia shone in Cheryomushki,*
Moscow, Russian Federation, e-mail: nashhram.2010@gmail.com

Abstract:

Within the borders of the South-Western Administrative District of Moscow (Russia) is the South-Western Vicariate (the head of the Vicar office, His Grace Bishop Feofilakt of Dmitrov). Until the first half of the XIII century, a large agricultural region was formed on the territory of the South-Western administrative district of Moscow, which in many respects contributed to the growth and rise of Moscow. Approximately from the second half of the 17th – beginning of the 18th centuries, the estates located near Moscow were concentrated in the most prominent representatives of the capital's nobility. The estates of Cheryomushki, Narrow, Znamensky Zadki, Yasenevo, Vorontsovo, Mamonovo have been fully or partially preserved to this day and make up the estate «necklace» of the South-West. Magnificent examples of the spiritual and cultural heritage of antiquity are Orthodox churches, which are monuments of the city's history – this is the Big St. Andrew's Monastery, the Church of the Life-Giving Trinity in Vorontsovo, the Church of Saints Boris and Gleb in Zyuzino, the Church of the Kazan Icon of the Mother of God in Narrow, the Church of the Sign of the Icon of the Mother of God in the village of Zakharyino, the last two are over three hundred years old. Southwestern Vicarism includes St. Andrew's (deanery – Archpriest Nikolai Karasev) and Paraskevo-Pyatnitsky (deanery – Archpriest Anatoly Kozha) deaneries, which number about 66 active churches, some of them are named after the Holy New Martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church. On March 25, 1991, the Holy Synod of the Russian Orthodox Church adopted the Decree “On the resumption of the remembrance of confessors and martyrs who suffered for the faith of Christ, established by the Local Council” on April 5(18), 1918. The New Martyrs and Confessors of the Russian Church are Orthodox Christians, our compatriots who, during the period of persecution of the Church since 1917, were subjected to repression for professing the Orthodox faith. The study analyzed the main publications, electronic archives, electronic databases, revealing the topic for a review article. Revealed sources highlighting the features of the perpetuation of the events of the persecution of the Russian Orthodox Church and the victims of repression among priests. The most revered saints of the New Martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church, the priests who served in the churches of the South-Western Vicariate, shot at the Butovo training ground.

Keywords:

Russian Orthodox Church, new martyrs and confessors,
South-Western administrative district of Moscow,
Butovo training ground, Butovo, victims of repression

References

1. Aver'yanov K.A., 2005, *Istoriya moskovskih rajonov* [The history of the Moscow districts]. M.: Astrel', AST, 2005. – 830 s. (In Russ.)
2. Alonin M.A., 1993, Rasstrel'nye spiski. Svyashchennosluzhiteli. Kazneny v Butovo [The hit list. Priests. Executed in Butovo]. – *Vechnyaya Moskva*. 1993. 23 avg. [Evening Moscow. 1993. 23 Aug.] (In Russ.)
3. [Butovskij poligon](#) – oficial'nyj sajt. Elektronnyj resurs [Butovsky polygon-official website. Electronic resource] (In Russ.)
4. Volobueva T.I., Kuznecova O.P., Romanova S.N., Savost'yanova N.YU., Stolyarova Z.N., 2013, *Svyashchenno-cerkovnosluzhiteli i ktitory Moskovskoj eparhii pervoj treti XX stoletiya* [Clergy and curators of the Moscow diocese of the first third of the XX century]. Tver': Bulat, 2013. – 416 s. (In Russ.)
5. Gar'kavyj I.V., Golovkova L.A. [Butovskij poligon. Memorial'nyj nauchno-prosvetitel'skij kompleks «Butovo»](#). Elektronnyj resurs [Butovsky polygon. Memorial scientific and educational complex «Butovo». Electronic resource] (In Russ.)
6. Golubcov S.A., 1997, *Hram prepodobnogo Pimena Velikogo v Moskve* [Church of St. Pimen the Great in Moscow]. M., 1997. – 159 s. (In Russ.)
7. [Deyanie Yubilejnogo Osvyashchennogo Aphiepejskogo Sobopa Russkoj Ppravoslavnoj Cerkvi o sobopnom pposlavlennii novomuchenikov i ispovednikov Rossijskih XX veka](#). Moskva, 12-16 avgusta 2000 g. [The act of the Jubilee released bishops' Council of the Russian Orthodox Church on the conciliar celebration of the new martyrs and Confessors of the Russian XX century. Moscow, August 12-16, 2000] (In Russ.)
8. [Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR](#). Elektronnyj resurs [Victims of political terror in the USSR. Electronic resource] (In Russ.)
9. Igumen Damaskin (Orlovskij), 2002, *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi HKH stoletiya. Zhizneopisaniya i materialy k nim*. Kniga 6. [Martyrs, Confessors and ascetics of piety Of the Russian Orthodox Church of the twentieth century. Biographies and materials for them. Book 6] Tver': Bulat, 2002. – S. 450-451. (In Russ.)
10. Igumen Damaskin (Orlovskij), 2005, *Zhitiya novomuchenikov i ispovednikov Rossijskih XX veka. Moskovskoj eparhii* [Lives of new martyrs and Confessors Of the Russian twentieth century. Moscow diocese] Tver': Bulat, 2005. Iss. 3. – 278 s. (In Russ.)
11. [Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij zhitelej Moskovskoj oblasti](#) [Book of memory of victims of political repressions of residents of the Moscow region]. M.: FERI-V, 2002. Elektronnaya versiya [Electronic version] (In Russ.)
12. Koshman S.N., Lagunkina V.I., Polishchuk V.A., Smirnitskij V.I., 2002, *Pomnit' poimanno: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressij zhitelej Moskovskoj oblasti* [Remember by name: a Book of memory of victims of political repression in the Moscow region]. M.: FERI-V, 2002. – 616 s. (In Russ.)
13. *Martirolog rasstreljannyh i zahoronennyh na poligone NKVD «Ob'ekt Butovo», 08.08.1937 – 19.10.1938*. Hram Sv. Novomuchenikov i ispovednikov Rossijskih v Butovo. Gruppy uvekovecheniya pamyati zhertv polit. repressij [Martyrology were shot and buried on the site of the NKVD "Object Butovo", 08.08.1937 – 19.10.1938. Church New martyrs and Confessors of Russia in Butovo. Group for perpetuating the memory of victims of political repression]. M.: Zachat'evskij monastyr', 1997. – 418 s. (In Russ.)
14. [Mesta sluzheniya svyashchennosluzhitelej i miryan Cerkvi Russkoj postradavshih v gody gonenij HKH veka](#). Elektronnyj resurs [Places of service of the clergy and laity of The Russian Church who suffered during the persecution of the twentieth century. Electronic resource] (In Russ.)
15. Nikonov V.V., Ushatova N.P., 2016, *Za Hrista preterpevshie. Cerkov' i politicheskie repressii 1920–1950-h gg. na territorii Ramenskogo rajona Moskovskoj oblasti. Ramenskaya volost'*. [Those who have suffered for Christ. The Church and political repression in the 1920s and 1950s in the Ramenskoye district of the Moscow region. Ramenskoye parish]. Gzhel': Gzhel'skij gosudarstvennyj universitet, 2016. Iss. I. – 615 s. (In Russ.)
16. [Novomucheniki i Ispovedniki Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi XX veka](#). Elektronnyj resurs [New Martyrs and Confessors of the Russian Orthodox Church of the XX century. Electronic resource] 12.01.2020 (In Russ.)
17. *Pravoslavnaya enciklopediya*. Pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II [The Orthodox encyclopedia. Ed. Patriarch of Moscow and all Russia Alexy II]. M.: Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox encyclopedia], 2003. Iss. 6. S. 679–680. (In Russ.)
18. *Sinodik postradavshih za veru i Cerkov' Hristovu v Butovo*. M.: PSTBI, Bratstvo vo Imya Vsemilostivogo Spasa, Obshchina Hrama sv. novomuchenikov i ispovednikov rossijskih v Butovo [Synod of victims for the faith and Church of Christ in Butovo. Moscow: pstbi, Brotherhood in the Name of the all-merciful Saviour, Community of the Church of the Holy new martyrs and Confessors of Russia in Butovo], 1995. – 19 s. (In Russ.)
19. [Spiski klirikov i miryan, rasstreljannyh i zahoronennyh v rajone pos. Butovo Moskovskoj obl.](#) Sost. K.F. Lyubimova i dr. Elektronnyj resurs [Lists of clerics and laymen who were shot and buried in the area of the village. Butovo, Moscow region. Comp. K.F. Lyubimov et al. Electronic resource] (In Russ.)
20. Ukaz Prezidenta RF № 378 ot 14.03.1996 «O merah po reabilitacii svyashchennosluzhitelej i veruyushchih, stavshih zhertvami neobosnovannyh repressij» (st. 1 Ukaza) [Decree of the President of the Russian Federation No. 378 of 14.03.1996 «On measures for the rehabilitation of clergy and believers who have become victims of unjustified repression»] (In Russ.)
21. Cypin V., prot., 1997, *Istoriya Russkoj Cerkvi, 1917 – 1997* [History of the Russian Church, 1917–1997]. M., 1997. Iss. 9. S. 727. (In Russ.)
22. Yaroslavceva S.I., 2014, *Ot Cheryomushek do Zyuzina. V doline Kotla. Chetyre moskovskih rajona: Cheryomushki, Zyuzino, Kotlovskij, Akademicheskij* [From Cheryomushki to Zyuzino. In the Cauldron valley.

Four of the Moscow district: Cheremushki, Zyuzino, Kotlovka, Academicheskaya]. M.: Centrpoligraf, 2014. – 126 s. (In Russ.)

23. Elektronnyj resurs ([A. Ardashev](#)) [Electronic resource (A. Ardashev). (In Russ.)]

24. Kiknadze V.G., 2020, *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941-1945 gg. Istoricheskaya pravda o klyuchevykh sobyitiyakh i yavleniyakh v voprosakh i otvetakh* [Great Patriotic War 1941–1945: the historical truth about key events and phenomena in questions and answers]. Moskva: Prometey, 2020. – 198 s.

25. Kiknadze V.G., 2020, *Moskvichi i zhiteli Podmoskov'ya v oborone Moskvy i dostizhenii Velikoy Pobedy: geroicheskiye i tragicheskiye stranitsy istorii* [Muscovites and residents of the Moscow region in the defense of Moscow and the achievement of the Great Victory: heroic and tragic pages of history]. – *Novyy Chasovoy*. 2020. № 21, s. 5–13.

Information about the authors

Alexey L. Samoylovskiy, student of Sretensky Theological Seminary, Moscow, Russian Federation.

Victor N. Alipichev, archpriest, head of the Church of All Saints in the land of Russia shone in Cheryomushki, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Alexey L. Samoylovskiy, e-mail: alexsamoylovskiy@gmail.com

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 1

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 1

УДК: 94(4):327(477) «1917/1920»

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-9-9

Поступила в редакцию: 14.01.2021 г.

Submitted: January 14, 2021

Опубликована: 28.02.2021 г.

Published online: February 28, 2021

Для цитирования: Soldatenko V. F. The revolutionary era of 1917 – 1920 in the fate of the people of Ukraine: historical experience in assessing modern historiographic concepts. *Наука. Общество. Оборона*. Москва. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 9-9. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-9-9.

For citation: Soldatenko V. F. The revolutionary era of 1917 – 1920 in the fate of the people of Ukraine: historical experience in assessing modern historiographic concepts. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):9-9. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-9-9.

Конфликт интересов: Ранее опубликовано на русском языке: в журнале «Гілея» (Киев. 2019. Вып. 148 (№9). С. 78–89) и в сокращённом виде в журнале «Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии» (СПб. 2019. Т. 7. С. 285–302).

Conflict of Interest: Previously published in Russian: in the journal "Gileya" (Kiev. 2019. Vol. 148 (№9). pp. 78–89) and in abbreviated form in the journal "Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Problemy istorii i istoriografii" (2019. T. 7. pp. 285–302).

HISTORIOGRAPHY

Review

The revolutionary era of 1917 – 1920 in the fate of the people of Ukraine: historical experience in assessing modern historiographic concepts

Valeriy F. Soldatenko^{1, 2}

¹ *Institute of Political and Ethnic Studies Ivan Kuras NAS of Ukraine,
Kiev, Ukraine*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2435-1123>, e-mail: soldatenko.v.f@gmail.com

Abstract:

On the basis of the analysis of the dominant historiographical tendencies, an attempt was made to identify the coinciding and different approaches in the concepts of the Great Russian Revolution and the Ukrainian National-Democratic Revolution, to substantiate the role of the Ukrainian factor in the all-Russian revolutionary process of 1917–1920. Previously published in Russian: in the journal "Gileya" (Kiev. 2019. Vol. 148 (№9). pp. 78–89) and in abbreviated form in the journal "Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Problemy istorii i istoriografii" (2019. T. 7. pp. 285–302).

Keywords:

historiography, concepts, Ukrainian revolution, Ukrainian factor, Great Russian revolution, Civil war, social and national aspects of social processes

INTRODUCTION

In the ongoing search for optimal version of modern holistic concept of Ukrainian history (I think it is still far from at least an intermediate positive conclusion), many contradictions, essential doubts and questions are revealed.

Thus, revolutions, as an immanent progressive method of social development, are quite often denied altogether, or are resolutely condemned. A lot of effort is spent on proving that none other than revolutionaries are guilty of the shed seas of blood, rivers of tears, innumerable people's suffering and disasters.

Having paid a lot of attention to comprehending revolutionary phenomena over many decades of research, the author of this essay has invariably sought to focus on scientific theoretical approaches and criteria. One of the defining factors in this has always been a universal, constructive system of coordinates based on real historical knowledge, in which the evolutionary and revolutionary ways of solving social problems were perceived and interpreted as equally full-fledged natural vectors of the historical step. And no matter how abstractly preferable a comparatively more painless and low-conflict evolutionary vector may seem, one must be aware that a revolutionary option becomes inevitable if there are no satisfactory answers to the challenges of the time in the first direction, the resolution of pressing contradictions turns out to be impossible. It is equally important to adhere to the principle of concrete historical analysis in the study and fundamental assessment of reconstructed revolutionary events [1–9].

THREE REVOLUTIONARY EXPLOSIONS

Based on the ideas about the essence of social revolutions, as a historically determined breakdown of the previously dominant political foundations, an explosive break in evolutionary gradualness, qualitative leaps in life progress, in the history of Ukraine, three major, most radical shifts can be distinguished, including, and perhaps above all – in the national-state segment.

The first – in the middle of 17th century, the second – in 1917–1920 and the third – at the turn of the 80s – 90s of 20th century.

The revolutionary outburst of 1648–1654, most visibly manifested in the national liberation war, was directed against the brutal Polish national and religious oppression, oppression of Orthodoxy, the forcible imposition of Catholicism, the erection of barriers in the development of national culture, language, education. The main goal of the struggle was the conquest of state independence and conciliarity (unity) of Ukraine. All this was layered on overcoming the contradictions in socio-economic life: the emergence, in contrast to the archaic feudal order, a fundamentally new model of relations, characteristic of the new era. In the complex, events of the middle of 17th century in Ukraine quite "fit" into the parameters, typology of national, libertarian revolutions.

The cornerstones of the four-year program of the national-democratic revolution of 1917–1920, which was woven into other revolutionary processes, were the most important goals - the revival of the nation, the creation of its own state, ensuring its independence, sovereignty, conciliarity, the achievement of true people's rights, deep social transformations, full-blooded Ukrainization of all spheres of public life. Despite the defeat, symbols, ideals of the revolution were inspiring landmarks, meanings for subsequent generations of fighters – patriots of Ukraine.

Content, significance, results of deep movements that began in Ukraine at the turn of the 80s – 90s of the last century and continuing now, can also rightfully be classified as revolutionary. It is, first of all, about the achievement of national-state independence by Ukraine, the creation of all the necessary prerequisites for accelerating and completing the process of forming a modern political nation (as a rule, in world experience, this is the task and essence of national liberation revolutions), a radical change in property relations, structure property (the core of most social revolutions), a revolution in the entire political system (an indispensable condition for every revolution). Such qualifications can be projected on the transformation in international guidelines, in the ideological, spiritual, legal spheres of social life.

In chronologically quite remote from each other revolutionary phenomena, one can see something in common, defining – the desire to give answers to the challenges of the time, to overcome the antagonistic contradictions that have arisen, to reach a higher level of opportunities for the disclosure and implementation of accumulated potentials, to "break out" to broader horizons of creative creation, embodiment into the practice of new civilizational frontiers of social, national, spiritual progress.

“Along the way” it is worth recalling the remaining more rhetorical questions: Could Ukraine have achieved in another way, that is, in an evolutionary, reformist way, what the three mentioned revolutions brought it? Is it possible to compare the pace, scale, qualitative characteristics of the progressive step of Ukrainians over the centuries and decades of smooth, unhurried drift with transformations and achievements in short stages of revolutionary "assaults"?.

However, it is much more important to try to find reasoned, as far as possible, the most convincing answers, keeping in mind that only a systemic, comprehensive, unbiased analysis can help to approach objective conclusions regarding extremely important, critical, truly fateful milestones in Russian history.

ABOUT THE CONCEPTS OF THE GREAT RUSSIAN AND UKRAINIAN REVOLUTIONS

Perhaps the most difficult questions arise when analyzing modern historiography, dedicated to clarifying the role of revolutionary factors, phenomena in the life of the people of Ukraine in 1917–1920.

Realizing the impossibility of a detailed analysis of the available huge layer of historical works, it seems justified, within the limited publication limit, to touch mainly on one, but undoubtedly the most important aspect – the objective "collision" of two practically polar points of view, approaches, and positions that have appeared in recent years. It is about the scientific interpretation of revolutionary events in one of the largest national regions – Ukraine.

In the Russian Federation in connection with the centenary of the revolutionary upheavals of 1917 there was a real boom of publications, a significant, perhaps even dominant, which took place in work, justifying and promoting the concept of the Great Russian Revolution. [10–14]

One of its fundamental components is the denial (in a milder version – doubt) of the presence in the historical experience of national revolutions, primarily Ukrainian. What happened in the largest and most developed in the economic and political national region is qualified as a harmful separatist destruction that destroyed an integral centralized state, the preservation of which is seen as one of the main goals and basic values of Russia's modernization. In a certain sense, the final two-volume edition of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences "The Russian Revolution of 1917: Power, Society, Culture" [15].

Having taken the position of ideological and professional confrontation (probably not by chance in the year of the centenary of the scientific publications, in any case, there were practically no noticeable publications devoted to the Russian revolution in Ukraine), Ukrainian historians tried a lot in advance to prove that the events of 1917–1920 in the region were fundamentally different from the processes that filled life at that time in the provinces of Central Russia. Resolutely ignoring the facts of interdependence and mutual influence between the October Revolution ("coup") and the process of national-state self-determination in Ukraine, allegedly embodying fundamentally divergent social vectors, it is emphasized that they separated the political center of the country and the outskirts not just on different sides of the barricades, but and scattered on different, irreconcilable front lines, on which the bloody extermination of neighboring nations took place ("Ukrainian-Russian", "Ukrainian-Bolshevik" wars). It is declared that there were no serious internal contradictions in Ukraine (in particular, on ideological grounds) and this a priori excluded the Civil War, and the colossal victims of 1917–1920 were the result of unprovoked aggression by the "northern neighbor". Such positions are most consistently and fully carried out in the two-volume essay of the Institute of the History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, dedicated to the Ukrainian revolution [16].

The author's recent monograph [17] was a kind of reflection on opposing tendencies.

Continuing to reflect on the aggravated problems in historiography that lead the representatives of one – "the historical workshop of two countries" – to opposite, polar positions, it seems possible and necessary to pay additional attention to some, mainly historical and theoretical, aspects.

The starting point and the most basic point of public dispute – was there a Ukrainian revolution at all? Is this not an idle fiction of historians inclined to opportunism? Is the term itself legitimate at all?..

The phrase "Ukrainian revolution" appeared already in spring of 1917, it was widely used in programmatic and other political documents of national parties [18–22], in the ideological lexicon of that time. It meant a fairly fast, almost lightning-fast transformation of the explosively surging national liberation movement into such a scale, qualitative characteristics, and the consequences that involved almost the majority of an actively minded national community, representatives of all its strata, into their force field, were marked by essential shifts in all spheres of life Ukrainians, including in the matter of national self-determination, revival of statehood, spiritual and cultural progress.

It was in this understanding that its leaders, who became its first historians, perceived and propagated ideas and experience of the Ukrainian revolution [23–28]. Their works appeared mainly outside the borders of Soviet Ukraine. However, in the first post-revolutionary decade, many Soviet historians also resorted to the term and its corresponding filling [29–34].

But since the beginning of the 30s this term in its original meaning has disappeared from domestic publications, identifying the phenomena and processes it implies with the bourgeois-nationalist counter-revolution.

At the turn of the 80s – 90s of the last century in Ukraine, works of M.Grushevsky, V.Vynnychenko, S.Petlyura, D.Doroshenko, I.Mazepa, other diaspora and foreign historians began to be reprinted, dissertations began to be defended (their count went to hundreds), numerous books and articles to be published in which the events of 1917–1920 considered from the point of view of the Ukrainian revolution. At the same time, the negative aspects of an uncritical attitude towards sources that bore the stamp of the ideological struggle of previous decades appeared very soon: the absolutization of the national aspect, exaggeration of the significance of national-statist aspirations while neglecting social factors, the realities of class, intra-national conflicts [35–38] (1). Ignoring other, interrelated, partly parallel development of social processes led, in particular, to the fact that the entire period of 1917–1920 began to be called time, historical stage, the era of the Ukrainian revolution, as well as to name the corresponding topics of educational programs and textbooks [39; 40].

Not being limited by the desire to extol the regularity and significance of the Ukrainian revolution in all possible ways, in parallel, persistent attempts were made to present the meaning and content of the Russian revolution in a completely different way. Perhaps the most active is S. Kulchitskiy, who is the author of both special monographic works [41; 42] and collective publications, including the sections in the above-mentioned essays [43; 44, p. 7–20].

The essence of the approach is presented in this extremely categorical way. "...The Soviets are a phenomenon of the Russian revolution, although they politically manifested themselves in the Ukrainian revolution," says one of the works. "On the shoulders of the Soviets, the Russian Bolsheviks came to power and, with the help of a hastily created organization of the Chekists, destroyed all their political rivals and competitors. After that, the Leninist party left only a shell of the soviets, turning them into a helpless appendage of its own dictatorial power.

Under these conditions, the Bolsheviks found it easy to use the two-pronged structure of power, called the Soviet, in order to replace national states on the outskirts of the former Russian Empire with puppet Soviet states. They strangled the people's revolution, which had been developing since 1917 in two alternative forms - democratic and Soviet, in order to replace it with their own, Communist Party "revolution from above" [45, p. 5].

According to the invented scheme (let's leave the analysis and assessment of its essence "out of brackets"), even a research structure is built that presupposes an artificial effect – the social and national revolutions should not "intersect", they cannot even touch - for "greater persuasiveness" their history should be recreated not only in different, non-contiguous sections, but also in different volumes [44, p. 7–20; 46, p. 412–499].

Against this background, **three main tendencies** were most visible.

1. A certain part of scientists (both Ukraine and Russia) believed that in this case, the role of the national revolution in general is exaggerated, up to mythologization [47], that it is much more justified to speak only about one or another, even if significant, specificity of development in Ukraine. The October revolutions, however, do not give sufficient grounds to take the events in Ukraine as a separate, special revolutionary stream – a phenomenon [48]. Therefore, it is more reasonable to limit ourselves to their qualification as additional unique manifestations of the all-Russian process, all-Russian collisions and shocks [49–51].

2. Another part of the experts tried to prove that in fact the picture was completely different. The Ukrainian revolution was not at all a manifestation of all-Russian battles and advances. By and large, it took shape, became a historical reality because, formally speaking, it "did not fit" into the standards, the contours of the Russian revolution, in orientations, programs, specific actions, it significantly went (because it was forced to do so) beyond their borders [52]. The historian V. Verstyuk developed his views most consistently and continues to develop in this direction [53; 54]. One of the arguments by some researchers even put forward a territorial (administrative-geographical) factor – since the context of the Ukrainian revolution included events in the Western Ukrainian lands that were part of Austria-Hungary until November 1918, then this, they say, brought the national revolution from its introduction to the all-Ukrainian processes "outside" the Russian revolution [55, pp. 46–79].
3. Some historians, responding to the obvious exaggeration of the national moment, the national idea, the national cause by the majority of Ukrainian researchers, considered it necessary to take into account the social component of the concept of the Ukrainian revolution, the orientation towards the people's legal (doctrinally close to socialist) state-political models, their organic relationship with the desire to realize the national interest and the simultaneous interconnection and dependence on processes and events in the revolutionary centers of the country, which gave impetus and direction to events and shifts mainly in the social segments of life [56–61].

Perhaps the last semantic trend turned out to be relatively less represented in the historiographic stream. It is substantively supported by authors who are more engaged in the study of the historical and party problems of the period and inevitably turn to the really existing effect of the interweaving of facts and events on a political cut [62–66].

Despite its scarcity, it turned out that it was publications of this kind (approach, content, character) that at a certain stage were the real "logical bridge" on which the positions of Ukrainian and Russian studies began to converge from different sides, and the achievements of Ukrainian historians were recognized [67–70] and used in Moscow and St. Petersburg editions of Russian authors [71–74].

There were outlined paths (logical threads) to the synthesis of knowledge – points of view, approaches, which indicated a positive effect for both (conditionally – Kiev and Moscow) parties. However, not having time to develop and gain a foothold, potentially fruitful and promising undertakings faced the negative impact of the political environment. The bias towards national centrism, which has significantly increased in Ukraine since 2005, created deliberately favorable conditions for those who, in spite of everything, put the Ukrainian factor at the fore. Taking advantage of the situation, the supporters of the confrontation with Russian historiography did a lot to prove: everything, or at least everything important, the main thing that happened in Ukraine and with Ukraine in 1917–1920, was different, different from the all-Russian, more precisely – Great Russian, bringing the image of understandable natural features and peculiarities to the level of intrinsic value, self-sufficiency.

It is difficult to judge with all certainty, but it is possible with a high degree of probability to assume that such a turn had its effect on the newest conceptual approaches of Russian colleagues, in a sense, psychologically influenced the meaning and content of the response. As a result, the divergent vectors syndrome created a situation close to a stalemate, in any case, intractable in the short term.

In striving for a positive result, which seems possible and achievable only on the path of mutual understanding, interested conscious movement towards a joint agreed (consolidated) version of the fundamental vision of the essence of the processes of the revolutionary era in Ukraine, it seems necessary to carry out a scientific restoration of the historical picture from the standpoint of objectivity, trust in provability, persuasiveness. This means, first of all, an adequate perception of the Ukrainian revolution as a vital reality generated by the action of a combination of objective and subjective factors. These include:

- The desire of the Ukrainian elite, supported by a significant part of the ethnos, its politically active elements, to resolve the national question, to provide conditions for the revival of the nation, its full development in all spheres of its existence.

- Ukrainian political parties were the initiators, inspirers, organizers of the national democratic revolution. Having originated at the turn of the 19th and 20th centuries, they achieved the greatest strength, number, influence after the overthrow of the autocracy, the democratization of life in the country. By the end of 1917, there were already at least 100 thousand people in their ranks, and during the entire revolutionary era there were 33 parties in the Dnieper region and 9 more in the Western region. In their names, they necessarily contained the element "Ukrainian", thus emphasizing the

central, primary goal of their activities – the solution of the Ukrainian question, the embodiment and protection of the national interest. The Ukrainian Party of Socialist-Revolutionaries, the Ukrainian Social-Democratic Labor Party, and the Ukrainian Party of Socialist-Federalists enjoyed special authority and support.

- Ukrainian political parties during 1917–1920 together with other mass public and other national organizations created two centers of revolutionary action, mainly with coordinating and directing functions – the Central Rada (March 1917) and the Directory (November 1918), which, with the development of events, emerging needs, a leading role in the public-national life, and with the formation of statehood – in state building and management.

- The political elite of the nation offered the masses a scientifically grounded concept of the Ukrainian revolution (the main role here belonged to a prominent scientist – historian M. Hrushevsky). Its main components were the active support of the processes of comprehensive democratization of public life that began after the overthrow of the autocracy, involving the achievement of popular rule (a democratic republic), the decentralization of the former empire and the creation of a federal democratic republic of Russia, in which Ukraine, like other administrative-territorial entities that arose on the ruins of the former "Prisons of peoples", would have received the status of national-territorial autonomy.

The proposed strategy was almost unanimously officially supported by the Ukrainian National Congress (congress) on April 6–8, 1917, in which about a thousand envoys – elected from all regions with a predominantly Ukrainian population (nine provinces – Podolsk, Volyn, Kiev, Chernigov, Poltava, Kharkov, Yekaterinoslav, Kherson and Tauride (mainland districts, without Crimea)). At that time, the demands of the state independence of Ukraine were not supported, since the absolute minority of the national politicum adhered to them.

- The proposed and approved strategy, although not without difficulty, more external resistance, began to be implemented. Naturally, with the change of circumstances, she could not remain unchanged. At a certain stage of the revolutionary step, the answer to new political demands was the task of giving Ukrainian statehood an independent, independent status.

It so happened that after a significant upsurge, the Ukrainian revolution experienced a deep crisis and a rollback from the positions it had won, the offensive of reaction, personified by the hetman regime, an attempt to restore the pre-February social order. However, the nation did not accept "conservative" – counterrevolutionary projects, at the call of the leaders of the Ukrainian revolution rose to an anti-hetman uprising (sometimes called the Second Ukrainian Revolution), overthrew the authoritarian-monarchical rule, based on the occupying Austro-German armed forces.

The new conditions required a new adjustment of the program of the revolution. It was developed by V. Vinnichenko, and approved by the Labor Congress of Ukraine on January 23–28, 1919. Its essence consisted in the creation in Ukraine of the Republic of the Working People on the basis of labor councils (without representation of exploiting elements) and the achievement of peaceful relations, an alliance with Soviet Russia " to fight against the world bourgeoisie".

- Hundreds of thousands and millions of Ukrainians, as well as representatives of other nationalities, rallied under the slogans and banners of the national democratic revolution, demonstrating a desire to achieve their goals and proving this by the practice of active participation in events. Thus, at the call of the Directory to revolt for the revival of the revolutionary conquests in November-December 1918, more than 300 thousand volunteers, mainly peasants and former soldiers, joined the insurgent army. In other periods, the military formations of the Ukrainian revolution numbered tens of thousands of people, forming confrontation fronts with other revolutionary streams and camps.

- Among the immediate results and achievements of the Ukrainian revolution was the revival of Ukrainian statehood: on November 7, 1917, the Ukrainian People's Republic was proclaimed as an integral (autonomous) part of the Russian Federal Republic. This became one of the largest conquests, the apogee of the Ukrainian revolution [75; 76].

The creation of the Ukrainian People's Republic marked the realization of a fundamental historical pattern. With deep historical roots, strong traditions, original customs and achievements, rich culture and spirituality, their own language, the Ukrainian people for centuries languished under social and national oppression.

Over the centuries of oppression and exploitation, the ethnos has accumulated a gigantic liberating potential of protest, a natural striving for freedom, will, an irrepressible striving to choose the perspective and manage social life. Therefore, from the first days of the February Revolution, the Ukrainians joined the social process of democratic reforms as a powerful stream, making a significant contribution to the irreversibility of the begun reorganization of society.

The core, the defining content of the Ukrainian revolution was the struggle to achieve a magnificent goal – the revival of the Ukrainian nation in all, without exception, manifestations of its existence - economic, political, statist, spiritual. The leaders of the Ukrainian cause believed that a full-scale solution to such a problem was inconceivable without its organic linking with urgent social transformations in favor of the absolute majority of the nation – the working people. It was in this that the deep democratic meaning of the started struggle was seen, and it also determined the essential content and character of the national revolution.

And the first, undoubtedly, the most difficult historically conditioned and decisive, fateful step was taken in the national revolutionary impulse.

- The formation of the Ukrainian People's Republic became that starting base, a solid platform on which subsequent actions and advances took place – the proclamation of Ukraine as an independent, independent, free, sovereign state of the Ukrainian people, the annexation of the Western Ukrainian People's Republic to the Dnieper Ukraine in January 1919.

For the first time in many centuries, the people had the opportunity to name their homeland, the conquered statehood – the republic – by their own, Ukrainian name. With this name, the revived statehood appeared before the whole world and has never disappeared from the political arena as a subject of international life.

- Proclaiming the establishment of Soviet power in Ukraine, the First All-Ukrainian Congress of Soviets of Workers 'and Soldiers' Deputies (December 1917) retained its official name – the Ukrainian People's Republic. Paying tribute to the extremely important and popular idea of the federal reorganization of Russia at that time, the envoys of the Soviets of Ukraine unanimously declared that Soviet Ukraine was becoming a federal part of the Russian republic, of course, a Soviet, socialist one.

It should obviously be taken into account that the territory of the Ukrainian Socialist Soviet Republic, up to 1939, was determined by the boundaries outlined in the documents of the Ukrainian People's Republic at the time of its birth.

Therefore, the Ukrainian Revolution, the Ukrainian People's Republic deserve to be recognized as extremely important, turning-point and starting historical milestones in the life of the Ukrainian people, occupying a special place in their consciousness and national memory.

SOCIAL AND NATIONAL COMPONENTS OF THE POLITICAL STRUGGLE

Naturally, the implementation of the basic outlines and parameters of the concept of the Ukrainian revolution, briefly recreated above in general form, in a concrete approximation turned out to be a very difficult matter, and the calculations and conclusions of the leaders were not always justified. This was especially evident in the context of relations with all-Russian processes.

- In this regard, it is extremely important not to limit ourselves to the historical reconstruction of events in the region that fall under the concept of the Ukrainian revolution. Indeed, here, as in a constituent part of Russia (at least – until January-March 1918), processes developed, the impulses of which emanated mainly from Petrograd. And here, the tendencies of the social revolution were fully embodied, which somewhat earlier were usually qualified as the transition from the bourgeois democratic revolution to the socialist one, the defense of the latter's gains in the Civil War. Moreover, the scale and intensity of revolutionizing social processes in Ukraine often exceeded (and sometimes seriously) the analogous values in other regions. For example, the growth rate of the most radical force – the Bolsheviks in 1917 in Ukraine was twice as high as the all-Russian indicators. The proportion of Bolshevized Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies turned out to be much larger in the fall – winter of 1917. Due to objective factors, a relatively higher number, degree of concentration and social activity of the proletarian Left Bank, outstripping the aggravation of contradictions on the "distant" – Southwestern and Romanian fronts and in the front-line zone, including due to the looming crisis in relations with the Polish landowners of the Right Bank – in Ukraine as a whole, the gravitation towards

socialist ideas and their immediate implementation was undoubtedly relatively stronger than in other national regions and in many Great Russian provinces.

- Naturally, these tendencies were not only quite serious organic components of the all-Russian processes, but the further, the more, especially after October 1917, they came into conflict with the course of the Ukrainian revolution, whose leadership entered the path of confrontation with the new Petrograd government. Awkward attempts to give them a foreign policy coloration (Ukrainian-Russian) "sin" with bias, elementarily at odds with the facts. The appeals to the "fifth column", which are called the Russian or Russified proletariat of Donbass and the industrial Left Bank, are not "saved" either. Did the inhabitants of the region cease to be citizens of the same Ukraine by the time of the revolution, and in the overwhelming majority in the second or third generation? And for the sake of objectivity, it should be admitted that the main cause of the Civil War was the internal split in the Ukrainian society, which reached its climax by the beginning of December 1917, which soon grew into large-scale military operations. This gives reason to believe that it was then that the first salvoes of the Civil War in Ukraine were fired, which lasted for another three long years, which brought numerous victims and devastation.

The fact remains that the supporters of Soviet power in Ukraine for all three years relied on moral and material (including military) support, the help of the RSFSR, which largely predetermined the outcome of the struggle for power in Ukraine.

An important role was played by the fact that the Soviet government in Ukraine and in Russia consistently defended the interests of the main, predominant mass of the people – the working strata. In addition to the social policy oriented towards them, the supporters of the socialist revolution proposed and implemented a constructive national policy, which was based on the equality of nations and the expectation of their cooperation and mutual assistance. If, however, in this delicate, sensitive area, mistakes and mistakes were made, as, for example, in 1919, the leadership of the Communist Party found ways to respond quickly, adjusting the course, taking into account national sentiments and interests.

- The most important point for the essential and terminological designation experienced by Ukraine in 1917–1920 historical period is the fact that, in addition to the above-mentioned really unfolding Russian and Ukrainian revolutions, the events in the region were also greatly influenced by the November (1918) revolution in Germany, the revolutionary collapse of the Austro-Hungarian Empire in the fall of the same year, the liberation (national-democratic) revolution in the Western Ukrainian lands (Eastern Galicia, Northern Bukovina and Transcarpathia), which led to the formation of the Western Ukrainian People's Republic, the revolution of the spring of 1919 in Hungary. Taking these circumstances into account speaks in favor of the fact that the definition of "Ukraine in the revolutionary era of 1917–1920" is more rational and adequate to the actual state of affairs. (as an option – "The revolutionary era of 1917–1920 in Ukraine") or other options in the indicated logic.

- Returning to the internal Ukrainian tendencies, it is fundamentally important to pay due attention to the transformations that the Ukrainian political parties have gone through, primarily the most influential of them – the Ukrainian Socialist-Revolutionaries and Ukrainian Social Democrats in 1917–1920. As a result of fermentation, vacillation, splits, delimitations, their most active, business-like elements (parts) emerged from their midst, evolving to communist positions, forming national-communist parties – the Ukrainian Communist Party (Borotbists) and the Ukrainian Communist Party. Having entered into an agreement with the Communist Party (Bolsheviks) of Ukraine, having turned into government entities, it was they who predetermined the vector and filling with a new content-orientation of the Ukrainian revolution in 1919–1920 – transformation of the originally proper national-democratic revolution into a national-socialist one. The masses who followed in the same channel, at least their critical majority, finally tipped the political choice in favor of the ideas and camp of the socialist revolution.

THE UKRAINIAN FACTOR AND THE ALL-RUSSIAN REVOLUTIONARY PROCESS

The crystallized and the above scheme-plot of the development of revolutionary events in Ukraine, based on real facts, documents in their unbiased, unbiased interpretation with the help of scientific methodology, reliable research logic, today seems to be approaching objective and constructive, can quite organically "fit" into the concept of the Great Russian Revolution. At the same time, it is important to emphasize once again that the consideration of the problem should be carried out not only along the line of the Russian revolution – the Ukrainian revolution (this, as can be seen from the above, although important, but still only part of the complex political, social spectrum). It may be preferable,

more productive to talk about the place and role of the Ukrainian factor in the all-Russian processes, as well as their interconnection, mutual influence [77; 78].

Of course, at different stages, the aforementioned effect of individual components of the Ukrainian factor (in some understanding and measurement of the Ukrainian issue) was unequal, changeable, "pulsating". So, for a long time, the leadership of the Ukrainian revolution tried to prove to the Provisional Government that it is a loyal ally of the Russian government in democratizing public life in the country, which must be a component of obligatory progress in resolving the national question. When the very limited, modest proposals of the Ukrainians (the promise of introducing territorial autonomy) were followed only by refusals and threats from official Petrograd, experiencing powerful mass pressure from the "lower classes", the Central Rada went on to proclaim the autonomy of Ukraine (of course, without breaking away from Russia). This move caused a stir in the ruling circles. On an emergency basis, 4 out of 12 ministers of the Provisional Government who made up the then cabinet (i.e., the third part) went to Kiev for negotiations. The aim was to muffle the possible resonance from the "daring initiative" emanating from the largest national region, perceived as the most dangerous (even treacherous) step aimed at splitting the country, and even in the context of the ongoing war.

Certain concessions (in essence – legalization of the actions of the Central Rada and the General Secretariat) made by the Provisional Government to save the situation are very convincing and indicative evidence of the objective introduction of the Ukrainian problem into the highest political, state orbit of the moment, which had difficult consequences for the revolutionary dynamics as a whole.

A vivid proof of the leading role of Ukrainian figures in the national movements of the whole country was the Congress of the (formerly "non-state" – "oppressed") peoples of Russia on September 8–15, 1917 in Kiev.

The unwillingness, as well as the inability of the Provisional Government to objectively assess the strength, scale of the Ukrainian revolution, attempts to oppose it in every possible way, led to the fact that on critical days for the Russian Republic (late October – early November 1917) the Central Rada in one of the most important the whole country of the points of confrontation (Kiev) at first took a neutral position between supporters and opponents of the socialist revolution, and then considered it expedient to abandon interaction with military formations that remained loyal to the Provisional Government, calmly observing their "exodus" to the Don, or even considering it as the relaxation of the conflict, which promises to facilitate her way to power.

There are many examples of Ukrainian factors influence (in the person of the Ukrainian revolution) on the course and breaks of the Russian revolution. Among those that had very serious consequences were the upheavals at the Brest Peace Conference, the treaties signed on behalf of the Central Rada, which had a most serious impact on development of the pan-European revolutionary crisis and led to considerable complications in the position of RSFSR, in prolongation of the socialist revolution.

And in the spring of 1919, the army of the Ukrainian People's Republic became an obstacle to the implementation of the emerging plans for the formation of a chain of Soviet republics – RSFSR – Ukrainian SSR – Hungarian Soviet Republic, which assumed spread of socialist revolutions to the West.

Naturally, the Ukrainian factor made itself felt in another dimension, in particular, in the formation of a united front in the struggle against the forces of internal and external counterrevolution. This was especially effective after the formation of the Military-Political Union of Soviet Republics (June 1, 1919). The latter's assets include joint victories over the White Guard troops of A. Denikin and V. Wrangel, Polish interventionists, Petliura formations and anarcho-insurgency.

Obviously, a clear underestimation of the potentials and real actions of just such a (cumulative) Ukrainian factor is its interpretation, which is being formed today, in the concept of the Great Russian Revolution. Only one of the social flows in the region is taken into account – the national liberation one (which actually existed and quite powerful, partly with an increasing anti-Great Russian component). Therefore, there is a negative attitude towards the Ukrainian revolution, as well as towards other national revolutions.

Most likely, this position is the embodiment of a one-sided approach and can (yes, indeed, it should) be adjusted. The direction of the necessary clarifications and changes is already visible today quite transparently. So, within the framework of a special Project, implemented under the auspices of the North-West Branch of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences "History of Social Reforms, Movements and Revolutions", a content analysis of the

responses of 25 prominent Russian and foreign historians to the question: What impact did the "national question" on the outcome of the civil war in Russia? (naturally, it can be projected with good reason on the question of the role of the national question in the fate of the Great Russian Revolution). 14 researchers gave the answer: "Very important", 7 – "Relatively unimportant", and 3 formulated other, their own considerations [79, pp. 11–183, 192, 244–248].

It should be noted that in the last three answers, in essence, they also support, although more with an emphasis on a differentiated regional approach, the idea of the great importance of the national question [79, pp. 247–248]. However, 4 out of 7 who chose the answer "Relatively unimportant" did so with various reservations, recognizing the importance of the national issue at least in part, or under certain conditions, at certain stages [79, pp. 246–247]. And only three respondents gave a categorical answer "Relatively unimportant" without explanation [79, p. 247].

The conclusion of the scientist who carried out the content analysis, a prominent specialist on the problems of the period V. Kalashnikov, is justified and convincing in all respects: "Most authors consider the national question a very important factor – one of those that determined the outcome of the Civil War all noted the advantages of the national program of the Bolsheviks in comparison with the program of the white movement. At the same time, a number of authors saw these advantages not only for achieving a military victory over the enemy, but also for recreating a multinational federal state from parts of the disintegrated Russian Empire" [79, p. 248].

The above conclusions and considerations, summarizing the results of serious research, based on a real research base, indicate that the revolution in Russia, inhabited mainly by non-Russian peoples and nationalities, was great and victorious also because in the difficult contradictory revolutionary struggles the vectors of most streams at the end the ends came close and coincided. And this happened to a decisive extent because social and national interests and factors, aspirations of the majority of residents of the center and periphery, the outskirts of Russia, converged on a common denominator.

It seems that taking into account the above point of view can at least to some extent affect the "reconciliation" and coordination of the concepts of the Great Russian and Ukrainian revolutions. The historiographic effect seems to be undeniable, capable of benefiting the scientific comprehension of one of the most complex and confusing problems of our common past.

CONCLUSION. ACTUAL HISTORIOGRAPHIC PROBLEMS

Summarizing the above conclusions and assessments to the level of several lapidary, most important, key considerations, which in a certain sense can be considered both as a generalized result of the research work carried out, and as emerging proposals (of course, of a subjective nature) for further comprehension, substantiation of conceptual foundations of very difficult conflicting pages of historical experience at one of its turning points, one can conclude:

- In the context of the increasingly influential concept of the Great Russian Revolution, it seems promising to deepen, concretize the study of diverse and multidimensional events in the national regions of the country, in particular, in Ukraine, focus on additional substantive assessment (maybe a certain reevaluation) of the so-called, but completely not a formal or secondary and insignificant, Ukrainian factor in the all-Russian revolutionary processes. It is required to find a reasonably balanced, scientifically verified assessment of the contribution of the population of the largest national region, together with other societies, to the social progress of the whole country, which, in fact, constituted the essential core, the ideological orientation of the Great Russian Revolution, became an integral part of its development and, ultimately the result, a successful implementation.
- Developing and improving the scientific plot of the Ukrainian revolution, it would probably be logical, it would be advisable to make efforts to reveal the real correlation, the combination of social and national components of the then social life, to substantively understand the relationship and interdependence of the development of events in the center of Russia in retrospective reconstructions of the difficult past and on the periphery, in Ukraine. The most important task is to comprehend, in all its complexity and multidimensionality, the degree of influence of national liberation tendencies, national-state aspirations, self-determined actions caused by them on the revival of national life in conditions of an incredible aggravation of the class struggle and cardinal socio-economic, political changes, and an increase in the level of public consciousness. It is necessary to develop a scientific qualification, adequate to the experienced experience, of the obvious achievements, gains of the national democratic revolution, while objectively taking into account the remaining unresolved problems, miscalculations, shortcomings, mistakes, failures and final defeat. A certain correction of the general view of the essence and assessment of the Ukrainian revolution can be counted on with a constructive desire to "fit"

the national phenomenon as organically as possible into the outline of the European revolutionary tendencies and upheavals that filled the era.

- It seems quite rational to apply the indicated approaches to overcome the existing disagreements regarding the perception and interpretation of the Civil War – on the one hand, a derivative of revolutionary cataclysms, and on the other, having very essential, characteristic differences. It is hardly justified, in particular, to once again resort to schemes rooted in the theory of classlessness and bourgeoisness of the Ukrainian nation, long debunked and refuted by real facts. Undoubtedly, it is necessary to get away from the relapses of one-sided, selective interpretations of such phenomena as foreign aggression and occupation, which are firmly intertwined with the Civil War. At the same time, special attention should be focused on military statistics, careful consideration in each separate armed action, campaign of the ratio of foreign, foreign military contingents and participants in heterogeneous processes from local citizens, that is, external and internal subjective factors.
- Undoubtedly, the more consistently, more fundamentally scientific principles, criteria will be adhered to in research practice, opportunistic bias, bias, ideologization, politicization of historical experience will be excluded, limited, the more sincere the interest in penetrating into the meaning of creative searches of competing schools, understanding and perception inherent in another (the opposing) side of productive achievements, the more there will be reasonable hopes for approaching historical truth, drawing instructive lessons from the past, grounds for reliable forecasting and choosing the best ways to strive for the future.

Notes

1. The Institute of Ukrainian History of the National Academy of Sciences of Ukraine periodically publishes a scientific collection entitled "Problems of the Ukrainian Revolution of 1917–1921 history research." To date, 15 of its have already been released. From time to time (primarily to the anniversary dates), scientific conferences of various levels are held, the problems of which are subordinated to the study of the history of the Ukrainian national-democratic revolution.

References

1. Soldatenko V.F., 1999, *Revolutsyy y ystorycheskaya postup' Ukrayny* [Revolutions and the historical tread of Ukraine]. – *Polytycheskaya mysl'. Ukraynskyi nauchnyy zhurnal*. Kiev, 1999. No. 1–2. P. 154–167. (In Russian, Ukrainian and English)
2. Soldatenko V.F., 1999, *Zamist' zaklyuchennya. Pro rol' revolyutsiy v istorychniy doli Ukrayiny* [Instead of conclusion. About the role of revolution in the historical part of Ukraine]. – Soldatenko V.F., 1999, *Ukrayins'ka revolyutsiya. Istorychnyy narys* [Ukrainian Revolution. Historical drawing]. Kiev, 1999. P. 899–909. (In Ukrainian)
3. Soldatenko V.F., 2002, *Rol' revolyutsiy v ystorycheskykh sud'bakh Ukrayny* [The role of revolutions in the historical fate of Ukraine]. – *Rosyya v XX veke*. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, 2002. P. 96–102. (In Ukrainian)
4. Soldatenko V.F., 2008, *Korotki notatky pro revolyutsiyi, kon'yunkturu ta istoriohrafiiyu* [Short notes about the revolution, market and history]. – Soldatenko V.F., 2008, *Ukrayina v revolyutsiynu dobu: Istorychni ese-khroniky* [Ukraine in revolution. Historical essay chronicles]. In 4 vol. Vol. 1. Year 1917. Kharkiv, 2008. P. 7–84. (In Ukrainian)
5. Soldatenko V.F., 2008, *Moment istyny (rozdummy pro revolyutsiyi ta yikh rol' v ukrayins'kiy istoriyi)* [The moment of truth (think about the revolution and the role in Ukrainian history)]. – Soldatenko V.F., 2008, *Ukrayina v revolyutsiynu dobu: Istorychni ese-khroniky* [Ukraine in revolution. Historical essay chronicles]. In 4 vol. Vol. 4. Year 1920. Kharkiv, 2008. P. 352–425. (In Ukrainian)
6. Soldatenko V.F., 2011, *Ukrayna v revolyutsyonnykh protsessakh pervykh desyatyletyy XX veka* [Ukraine in the revolutionary processes of the first decades of the 20th century]. – *Ystorycheskoe prostranstvo*. Moscow, 2011. P. 48–75. (In Russian)
7. Soldatenko V.F., 2011, *Revolutsiyna doba v Ukrayini (1917 – 1920 roky): lohika piznannya, istorychni postati, klyuchovi epizody* [Revolutionary period in Ukraine (1917–1920): logic of history, historical history, keys of history]. Kiev, 2011. 568 p. (In Ukrainian)
8. Soldatenko V.F., 2012, *U vyri revolyutsiy i hromadyans'koyi viyny (aktual'ni aspekty vyvchennya 1917 – 1920 rr. v Ukrayini)* [In the maelstrom of revolutions and Civil War (actual aspects of the Civil War 1917–1920 in Ukraine)]. Kiev, 2012. 272 p. (In Ukrainian)
9. Soldatenko V.F., 2016, *Kul'tura natsional'noyi pam'yati (na prykladi stavlennya do istoriyi revolyutsiy)* [The culture of national memory (at the application of the shutter to the history of the revolution)]. – Soldatenko V.F., 2016, *Natsional'na pam'yat' (resursy ta naholosy)* [National memory (memory resources)]. Kiev, 2016. P. 52–89. (In Ukrainian)
10. *Revolutsiya 1917 goda v Rossii. Annotirovannyi katalog nauchnoy literatury, izdannoy pri finansovoy podderzhke RFFI* [The 1917 Revolution in Russia. Annotated catalog of scientific literature published with financial support from the Russian Federal Property Fund]. Moscow, 2017. 228 p. (In Russian)
11. *Epokha voyn i revolyutsiy 1914 – 1922: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 9 – 11 iyunya 2016 goda)* [The era of wars and revolutions 1914–1922: Materials of the international colloquium (St. Petersburg, June 9 – 11, 2016)]. SPb., 2017. 496 p. (In Russian)
12. *XII Plekhanovskiye chteniya. Velikaya russkaya revolyutsiya 1917 g.: proyekt al'ternativnogo istoricheskogo razvitiya. Materialy k mezhdunarodnoy konferentsii 30 maya – 1 iyunya 2017 g.* [XII Plekhanov readings. The

Great Russian Revolution of 1917: a project of alternative historical development. Materials for the international conference May 30 – June 1, 2017]. SPb., 2017. 304 p. (In Russian)

13. *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: sobytiya i kontseptsii, posledstviya i pamyat': Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 11 – 12 maya 2017 g.*[The 1917 Revolution in Russia: events and concepts, consequences and memory: Materials of the International scientific-practical conference. St. Petersburg, May 11 – 12, 2017]. SPb., 2017. 808 p. (In Russian)
14. *Revolutsiya 1917 goda v Rossii. Ukazatel' literatury* [The 1917 Revolution in Russia. Index of literature]. SPb., 2019. 202 p. (In Russian)
15. *Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* [Russian revolution of 1917: power, society, culture]. In 2 vol. Moscow, 2017. Vol. 1. 743 p.; Vol. 2. 591 p. (In Russian)
16. *Narys istoriyi Ukrayins'koyi revolyutsiyi. U dvokh knyzhakh. Kn. persha* [Outlines of the Ukrainian Revolution's history. In two books]. B. 1. Kiev, 2011. 390 p.; B. 2. Kiev, 2012. 364 p. (In Ukrainian)
17. Soldatenko V.F., 2018, *V gornile revolyutsiy i voyn: Ukraina v 1917 – 1920 gg.: Istoriko-istoriograficheskiye esse* [In the crucible of revolutions and wars: Ukraine in 1917–1920: Historical and historiographic essays]. Moscow, 2018. 670 p. (In Russian)
18. *Ukrayins'ka Tsentral'na Rada. Dokumenty i materialy* [Ukrainian Central Council. Documents and materials. In two volumes. Vol. 1. March 4 – December 9, 1917]. Kiev, 1996. 591 p.; Vol. 2. December 10, 1917 – April 29, 1918. Kiev, 1997. 442 p. (In Ukrainian)
19. *Ukrayins'kyy natsional'no-vyzvol'nyy rukh. Berezen' – lystopad 1917 roku. Dokumenty i materialy* [Ukrainian national-arbitrary arbitrariness. March – November, 1917. Documents and materials]. Kiev, 2003. 1024 p. (In Ukrainian)
20. *Dyrektoriya, Rada Narodnykh Ministriv Ukrayins'koyi Narodnoyi Respubliki. Lystopad 1918 – lystopad 1920 rr. Dokumenty i materialy* [Directory, Council of People's Ministers of the Ukrainian People's Republic, November, 1918 – November, 1920. Documents and materials]. In 2 volumes, 3 parts. Kiev, 2006. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 744 p. (In Ukrainian)
21. Lyubovets O.M., 2012, *Ukrayins'ki partiyni revolyutsiynoi doby 1917 – 1920 rr. Narys istoriyi ta prohramni dokumenty* [Ukrainian Party Revolutionary Goods 1917 – 1920. Outlines of history and program documents]. Kiev, 2012. 612 p. (In Ukrainian)
22. Soldatenko V.F., 2017, *Demiurhy revolyutsiyi. Narys partiynoyi istoriyi Ukrayiny 1917–1920 rr.*[Demiurges of the revolution. Outlines of party history in Ukraine 1917 – 1920]. Kiev, 2017. 748 p. (In Ukrainian)
23. Grushevsky M.S., 1918, *Na porozhi Novoyi Ukrayiny. Hadky i mriyi* [On the threshold of New Ukraine. Thoughts and dreams]. Kiev, 1918. 103 p. (In Ukrainian)
24. Grushevsky M.S., 1921, *Rosiy'ska revolyutsiya i vyzvolennya Ukrayiny. Borot'ba za avtonomnist' Ukrayiny i federatyvnyy lad. Ukrayins'ka Narodna Respublika. Ukrayina samostiyna. Kyiv'ske povstannya. Viyna za nezalezhnist'* [The Russian Revolution and liberation of Ukraine. The struggle for the autonomy of Ukraine and the federal mode. Ukrainian People's Republic. Independent Ukraine. Kiev rebel. War for independence]. – Grushevsky M.S. *Ilyustrovana istoriya Ukrayiny* [Illustrated history of Ukraine]. Kiev – Vein, 1921. P. 500–528. (In Ukrainian)
25. Vinnichenko V., 1920, *Vidrodzhennya natsiyi (Istoriya ukrayins'koyi revolyutsiyi [marts' 1917 r.– hruden' 1919 r.]* [Rebirth of the nation (History of the Ukrainian Revolution [March, 1917 – December, 1919]). In 3 parts. Kiev – Vein, 1920. Part I. 348 p.; Part II. 328 p.; Part III. 535 p. (In Ukrainian)
26. Khristyuk P., 1921, *Zamitky i materialy do istoriyi ukrayins'koyi revolyutsiyi. 1917 – 1920 rr.*[Notes and materials on the history of the Ukrainian revolution. 1917 – 1920]. At 4 tons of Prague, 1921. Vol. I. 152 p.; Vol. II. 204 p.; Vol. III. 160 p.; Vol. IV. 192 p. (In Ukrainian)
27. Shapoval M., 1928, *Velyka revolyutsiya i ukrayins'ka vyzvol'na prohrama (Vyklady v Amerytsi)* [The Great Revolution and the Ukrainian Liberation Program (summaries in America)]. Prague, 1928. 332 p. (In Ukrainian)
28. Mazepa I., 1942–1943, *Ukrayina v ohni y buri revolyutsiyi; 1917 – 1921* [Ukraine in fire and storm of revolution; 1917 – 1921]. In 3 vol. Vol. 1. Prague, 1942. 210 p.; Vol. 2. Prague, 1942. 232 p.; Vol. 3. Prague, 1943. 223 p. (In Ukrainian)
29. Rubach M.A., 1925, *Do istoriyi ukrayins'koyi revolyutsiyi (Zamitky y dokumenty, hruden' 1917 – sichen' 1918)* [Prior to the Ukrainian Revolution (Notes and documents, December, 1917 – January, 1918)]. – *Litopys revolyutsiyi* (Kharkiv). 1925. No. 2. P. 52–85. (In Ukrainian)
30. Rubach M.A., 1926, *K ystorry ukraynskoy revolyutsyy (Zametky y dokumenty, dekabr' 1917 – yanvar' 1918 h)* [To the history of the Ukrainian revolution (Notes and documents, December 1917 – January 1918)]. – *Litopys revolyutsiyi* (Kharkov). 1926. No. 6. P. 6–35. (In Russian)
31. Yavorsky M., 1927, *Problema ukrayins'koyi natsional'no-demokratychnoyi revolyutsiyi u 1917 r., yiyi istorychni osnovy ta yiyi rukhovi syly* [The Problem of the Ukrainian National Democratic Revolution in 1917, the Historical Foundations of that Russian Union]. – *Chervonyy shlyakh*(Kharkiv). 1927. No. 2. P. 108–134; No. 4. P. 93–116. (In Ukrainian)
32. Richitsky A., 1928, *Tsentral'na Rada vid Lyutoho do Zhovtnya: Narys z istoriyi ukrayins'koyi revolyutsiyi* [Central Council from February to October: sketch of the history of the Ukrainian revolution]. Kharkiv, 1928. 62 p. (In Ukrainian)
33. Zatonsky V., 1929, *Uryvky z spohadiv pro ukrayins'ku revolyutsiyu* [Excerpts from the memories of the Ukrainian revolution]. – *Litopys revolyutsiyi* (Kharkiv). 1929. No. 4. P. 139–170. (In Ukrainian)
34. Zatonsky V., 1929, *Iz spohadiv pro ukrayins'ku revolyutsiyu* [From the memories of the Ukrainian revolution]. – *Litopys revolyutsiyi* (Kharkiv). 1929. No. 5–6. P. 115–141. (In Ukrainian)
35. *Ukrayins'ka demokratychna revolyutsiya 1917 – 1918 rokiv. Materialy naukovo-teoretychnoyi konferentsiyi* [Ukrainian Democratic Revolution of 1917 – 1918. Materials of scientific-theoretical conference]. Kiev, 1992. 44 p. (In Ukrainian)

36. Symon Petlyura ta ukrayins'ka natsional'na revolyutsiya. Zbirnyk prats' druhooho konkursu petlyuroznavtsiv Ukrayiny [Simon Petlyura and the Ukrainian National Revolution. Collection of works from the second competition of Petlyura experts in Ukraine]. Kiev, 1995. 368 p. (In Ukrainian)
37. Radchenko L.O., 1996, *Suchasna istoriografiya natsional'no-demokratychnoyi revolyutsiyi v Ukrayini 1917 – 1920 rokiv* [Modern historiography of the national-democratic revolution in Ukraine 1917 – 1920]. Kiev, 1996. 120 p. (In Ukrainian)
38. *Ukrayins'ka revolyutsiya: 1917 – pochatok 1918 rr. (Problemy, poshuky, uzahal'nennya)* [Ukrainian revolution: 1917 – beginning of 1918. (Problems, searches, generalizations)]. Zaporizhzhia, 1998. 262 p. (In Ukrainian)
39. Turchenko F.G., 1994, *Ukrayins'ka natsional'no-demokratychna revolyutsiya* [Ukrainian National Democratic Revolution]. – Turchenko F.G., 1994, *Novitnya istoriya Ukrayiny. Pidruchnyk dlya 10 klasu seredn'oyi shkoly. Chastyna persha* [New History of Ukraine. Textbook for the 10th grade of high school. Part 1]. Kiev, 1994. P. 6–62. (In Ukrainian)
40. Verstyuk V.F., 2002, *Ukrayins'ka revolyutsiya* [Ukrainian Revolution]. – *Istoriya Ukrayiny. Nove bachennya. Navchal'nyy posibnyk*. Edition 3, supplemented and revised. Kiev, 2002. P. 210–269. (In Ukrainian)
41. Kulchitsky S.V., 1994, *URSR v dobu «voyennoho komunizmu» (1917 – 1920 rr.). Sproba pobudovy kontseptual'nykh zasad real'noyi istoriyi* [URSR in the era of “war communism” (1917 – 1920). An attempt to construct the conceptual foundations of real history]. Kiev, 1994. 142 p. (In Ukrainian)
42. Kulchitsky S.V., 2003, *Rosys'ka revolyutsiya 1917 roku: novyy pohlyad* [The Russian Revolution of 1917: A New Look]. Kiev, 2003. 180 p. (In Ukrainian)
43. *Ukrayina: politychna istoriya. XX – pochatok XXI st.* [Ukraine: political history. XX – beginning XXI century]. Kiev, 2007. P. 225–430, 434–445; *Narysy istoriyi Ukrayins'koyi revolyutsiyi 1917 – 1921 rokiv* [Essays on the History of the Ukrainian Revolution of 1917 – 1921]. Part 2. P. 241–414. (In Ukrainian)
44. *Ukrayina i Rosiya v istorychniy retrospektyvi* [Ukraine and Russia in historical retrospective]. Vol. 2. Kiev, 2004. (In Ukrainian)
45. Grinevich V.V. A., Danilenko V.M., Kulchitsky S.V., Lisenko O.E., 2004, *Ukrayina i Rosiya v istorychniy retrospektyvi* [Ukraine and Russia in historical retrospective]. Essays in 3 volumes. Vol. 2. *Radians'kyy proekt dlya Ukrayiny* [Soviet project for Ukraine]. Kiev, 2004. (In Ukrainian)
46. *Ukrayina i Rosiya v istorychniy retrospektyvi* [Ukraine and Russia in historical retrospective]. T. 1. Verstyuk V.F., Gorobets V.M., Tolochko O.P. *Ukrayins'ki proekty v Rosiys'koyi imperiyi* [Ukrainian Projects in Russia]. Vol. 1. Kiev, 2004. (In Ukrainian)
47. Buldakov V., 1999, *Semnadtsatyy hod y semnadtsatyy vek* [The seventeenth year and the seventeenth century]. – *Rodyna*. 1999. No. 8. P. 104–107. (In Russian)
48. Velichko S., 2006, *Shcho novoho chuty pro revolyutsiyu? Rehional'na istoriografiya revolyutsiy 1917 – 1921 rokiv v Ukrayini* [What's new to hear about the revolution? Regional History of the Revolution of 1917 – 1921 in Ukraine]. – *Ukrayina moderna*. Kiev, Lviv. 2006. No. 10. P. 189–209. (In Ukrainian)
49. Mikhailov I.V., 2010, «Ukraynskaya revolyutsyya» yly revolyutsyya na Ukrayne [“Ukrainian revolution” or revolution in Ukraine]. – *Vestnyk MHYMO*. 2010. No. 1. P. 65–75. (In Russian)
50. Korolev G., 2011, *Ukraynskaya revolyutsyya 1917 – 1921 hh.: Myfy sovremennykh y predstavlenyya ystoriyohrafyy* [Ukrainian revolution 1917–1921: Myths of contemporaries and representations of historiography]. – *AB IMPERIO. Yssledovannya po novoy ymperskoy ystoriy y natsyonalizmu*. 2011. No. 4. P. 357–375. (In Russian)
51. Buldakov V.P., 2010, *Khaos y étnos. Étnycheskiye konflykty v Rossyy, 1917 – 1918 hh.: uslovyaya voznyknovenyya, khronyka, kommentaryy, analiz* [Chaos and ethnos. Ethnic conflicts in Russia, 1917 – 1918: conditions of occurrence, chronicle, commentary, analysis]. Moscow, 2010. P. 3–20. (In Russian)
52. Kapelushny V.P., 2003, *Zdobuta i vytrachena nezalezhnist': istoriografichnyy narys ukrayins'koyi derzhavnosti doby natsional'no-vyzvol'nykh zmahan' (1917 – 1921 rr.)* [Gained and spent independence: historiographical sketch of Ukrainian statehood during the national liberation contest (1917 – 1921)]. Kiev, 2003. 495 p. (In Ukrainian)
53. Verstyuk V.F., 2017, *Vid «Velykoy Oktyabr'skoy sotsyalystycheskoy revolyutsyy y hrazhdanskoy voyny na Ukrayne (1917 – 1920)» do «Narysiv istoriyi Ukrayins'koyi revolyutsiyi» y dali: transformatsiyi doslidnyts'koyi paradyhmy* [From the “Great October Socialist Revolution and the Civil War in Ukraine (1917 – 1920)” to the “Narrative History of the Ukrainian Revolution”: Transformation of the Preceding Paradigms]. – *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. 2017. No. 3. P. 8–23. (In Ukrainian)
54. Verstyuk V.F., 2017, *Revolutsiya 1917 – 1921 rr. u riznykh formatakh (hortayuchy chysla «Ukrayins'koho istorychnoho zhurnalu»)* [Revolution of 1917 – 1921 in the most recent formats (last year's numbers of the “Ukrainian Historical Journal”)]. – *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. 2017. No. 6. P. 105–122. (In Ukrainian)
55. Gritsak Y., 2004, *Ukrayins'ka revolyutsiya, 1914 – 1923: novi interpretatsiyi* [Ukrainian Revolution, 1914 – 1923: New Interpretations]. – Gritsak Y. *Strasti za natsionalizmom. Istorychni eseyi* [Passion for Nationalism. Historical essays]. Kiev, 2004. P. 46–79. (In Ukrainian)
56. Soldatenko V.F., 1997, *Ukrayins'ka revolyutsiya: kontseptsiya ta istoriografiya* [Ukrainian Revolution: Concepts and History]. Kiev, 1997. 416 p. (In Ukrainian)
57. Soldatenko V.F., 1999, *Ukrayins'ka revolyutsiya: kontseptsiya ta istoriografiya (1918–1920 rr.)* [Ukrainian revolution: concept and history (1918 – 1920)]. Kiev, 1999. 508 p. (In Ukrainian)
58. Soldatenko V.F., 1999, *Stan istoriografichnoyi rozrobky ta aktual'ni problemy doslidzhennya istoriyi Ukrayins'koyi revolyutsiyi* [State of historiographic development and current problems of studying the history of the Ukrainian Revolution]. – *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. 1999. No. 1. P. 68–85. (In Ukrainian)
59. Soldatenko V.F., 2001, *Kontseptsiya ukrayins'koyi revolyutsiyi: sotsial'nyy aspekt* [The concept of the Ukrainian revolution: the social aspect]. – *Sotsiokul'turni chynnyky rozvytku intelektual'noho potentsialu ukrayins'koho suspil'stva i molod'*. *Naukovi pratsi ta materialy konferentsiyi* [Social and cultural officials develop the

- intellectual potential of the Ukrainian suspension and the young. Science and technology conference materials]. Kiev, 2001. P. 263–270. (In Ukrainian)
60. Soldatenko V.F., 2010, *Ukrayna v 1917 – 1920 hh. Ocherky ystoryy Ukrainy* [Ukraine in 1917 – 1920. Essays on the history of Ukraine]. Kiev, 2010 (second edition, amended and supplemented – 2011). P. 312–347. (In Russian)
 61. Soldatenko V.F., 2018, *Ukrayna v 1917 – 1920 hh.* [Ukraine in 1917 – 1920]. – *Ystoriya Ukrainy. VI – XXI vv.* [History of Ukraine. VI – XXI centuries]. Kiev – Moscow, 2018. P. 283–312. (In Russian)
 62. Vetrov R.I., Donchenko S.P., 2001, *Politychni partiyi Ukrainy v pershiy chverti KHKH stolittya (1900 – 1925 rr.)* [Political parties of Ukraine in the first quarter of the twentieth century (1900–1925)]. Dnipropetrovsk; Dniprodzerzhinsk, 2001. 245 p. (In Ukrainian)
 63. Strilets V.V., 2002, *Radykal'no-demokratychna partiya. Vytoky, ideolohiya, orhanizatsiya: kinets' XIX stolittya – 1939 r.* [The Radical Democratic Party. Origins, ideology, organization: end of XIX century – 1939]. Kiev, 2002. 361 p. (In Ukrainian)
 64. Lyubovets O.M., 2005, *Ukrayins'ki partiyi 1917 – 1920 rr.* [Ukrainian Parties of 1917 – 1920]. Kiev, 2005. 311 p. (In Ukrainian)
 65. Bezv T.A., 2008, *Partiya sotsial'nykh perspektiv i natsional'nykh interesiv: politychna istoriya UPSR* [Party of social prospects and national interests: political history of the USSR]. Kiev, 2008. 587 p. (In Ukrainian)
 66. Bezv T.A., 2012, Fenomen «Ukrayins'koyi revolyutsiyi» u natsiyetvorchomu, derzhavno-politychnomu i sotsial'nomu konteksti [The “Ukrainian Revolution” Phenomenon in the National Creator, Sovereign Political and Social Context]. – Bezv T.A. *Fenomen «revolyutsiya» u dyskursakh myslyteliv, politykiv, naukovtsiv* [The “Revolution” Phenomenon in the Discourses of Politics, Politics, and Science]. Kiev, 2012. P. 108–149. (In Ukrainian)
 67. Soldatenko V.F., 2010, *Ukraynskyi kommunyzm v poyske teoretycheskykh modeley sochetanyya sotsyal'nykh y natsional'nykh faktorov sozdanyya y razvytyya federatyvnoho sotsyalystycheskoho hosudarstva* [Ukrainian Communism in the Search for Theoretical Models of Combining Social and National Factors of the Creation and Development of a Federal Socialist State]. – *IX Plekhanovskyye chtenyya. Soyuz Sovet'skykh Sotsyalystycheskykh Respublyk, 1922 – 1991 hh.: ystorycheskyi typyk yly perspektivy ystorycheskoho razvytyya. Materyaly konferentsyy 30 maya – 1 yyunya 2010 h.* [IX PlekhanovReadings. Union of Soviet Socialist Republics, 1922 – 1991: historical impasse or perspective of historical development. Conference proceedings from May 30 – June 1, 2010] St. Petersburg, 2010. P. 66–70. (In Russian)
 68. Soldatenko V.F., 2009, Fenomen Ukraynskoy revolyutsyy [The phenomenon of the Ukrainian revolution]. – *Rosyyskaya ystoriya*. 2009. No 1. P. 34–46. (In Russian)
 69. Soldatenko V.F., 2017, *Ukraynskyi faktor v rossiyskom revolyutsionnom protsesse 1917 hoda* [The Ukrainian factor in the Russian revolutionary process of 1917]. – *XII Plekhanovskyye chtenyya. Velykaya russkaya revolyutsyya 1917 h.: proekt al'ternatyvnoho ystorycheskohorazvytyya. Materyaly k mezhdunarodnoy konferentsyy 30 maya – 1 yyunya 2017 h.* [XII Plekhanovreadings. The Great Russian Revolution of 1917: a project of alternative historical development. Materials for the international conference from May 30 – June 1, 2017]. SPb., 2017. P. 46–49. (In Russian)
 70. Soldatenko V.F., 2017, *Partyyino-polytycheskaya bor'ba revolyutsyonnykh let (1917 – 1920) v Ukraine: k vyrabotke kompleksnoy otsenky ystorycheskoho opyta* [The party-political struggle of the revolutionary years (1917 – 1920) in Ukraine: to develop a comprehensive assessment of historical experience]. – *Velykaya Rosyyskaya revolyutsyya, 1917: sto let yzuchenyya: materyaly Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsyy. (Moskva, 9 – 11 oktyabrya 2017 h.)* [The Great Russian Revolution, 1917: one hundred years of study: materials of the International Scientific Conference. (Moscow, October 9 – 11, 2017)]. Moscow, 2017. P. 255–263. (In Russian)
 71. Shubin A.V., 2013, *Makhno i yego vremya. O Velikoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyne 1917 – 1922 gg. v Rossii i na Ukraine* [Makhno and his time. About the Great Revolution and the Civil War of 1917 – 1922 in Russia and Ukraine]. Moscow, 2013. 320 p. (In Russian)
 72. Shubin A.V., 2014, *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya ot Fevralya k Oktyabryu 1917 goda* [The Great Russian Revolution from February to October 1917]. Moscow, 2014. P. 240–244. (In Russian)
 73. Shubin A.V., 2015, *Ukraina v XX veke (do 1945 g.)* [Ukraine in the twentieth century (until 1945)]. – *Istoriya Ukrainy* [History of Ukraine]. St. Petersburg, 2015. P. 260–427. (In Russian)
 74. Shubin A.V., 2017, *Start strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917 – mart 1918* [Start of the country of the Soviets. Revolution. October 1917 – March 1918]. St. Petersburg, 2017. P. 301–317. (In Russian)
 75. Litvin V.M., Soldatenko V.F., 2017, *Apohey Ukrayins'koyi revolyutsiyi: korotkyy naukovy-populyarnyy narys* [Apogee of the Ukrainian Revolution: a short popular science naris]. Kiev, 2017. 116 p. (In Ukrainian)
 76. Soldatenko V.F., 2017, *Stvorennya Ukrayins'koyi Narodnoyi Respubliki – apohey natsional'no-demokratychnoyi revolyutsiyi* [Ukrainian nation in the struggle for identity and identity protection (1917 – 2017)]. – *Ukrayina v etnokul'turnomu vymiri stolit'. Ukrayins'ka natsiya u borot'bi za zberezhennya identychnosti i vidrodzhennya derzhavnosti (1917 – 2017 rr.)*. Do 100-richchya UNR. Zbirnyk naukovykh prats' [To the 100th anniversary of the UNR. Collection of scientific works]. Kiev, 2017. P. 21 - 32. (In Ukrainian)
 77. Soldatenko V.F., 2017, *Rossiyskaya revolyutsiya i ukrainskiy faktor* [The Russian Revolution and the Ukrainian Factor]. – *Rossiysko-ukrainskoye obozreniye. Informatsionno-analiticheskiy i nauchno-prakticheskiy al'manakh*. Kiev, 2017. No. 02 (10). P. 42–58. (In Russian)
 78. Soldatenko V.F., 2018, *Ukrainskiy faktor v rossiyskom revolyutsionnom protsesse* [The Ukrainian factor in the Russian revolutionary process]. – *Mir istorii. Elektronnyy zhurnal*. 2018. No. 1. Access resource: <http://historia.ru/2018/01/2018-01-soldatenko.htm>. (In Russian)
 79. *Grazhdanskaya vojna v Rossii: vzglyad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii* [Civil War in Russia: a look after 100 years. Problems of history and historiography]. SPb., 2018. 408 p. (In Russian)

Information about the author

Valeriy F. Soldatenko, Dr. Sci. (History), Prof., Corresponding Member of National Academy of Sciences of Ukraine, Chief Researcher, Institute of Political and Ethnic Studies Ivan Kuras NAS of Ukraine, Kiev, Ukraine.

Corresponding author

Valeriy F. Soldatenko, e-mail: soldatenko.v.f@gmail.com

ИСТОРИОГРАФИЯ

Обзорная статья

Революционная эпоха 1917 – 1920 гг. в судьбе народа Украины: исторический опыт в оценке современных историографических концепций

В. Ф. Солдатенко¹

¹ *Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины,
Киев, Украина,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2435-1123>, e-mail: soldatenko.v.f@gmail.com

Аннотация:

На основе анализа доминирующих историографических тенденций предпринята попытка установить совпадающие и различающиеся подходы в концепциях Великой Российской революции и Украинской национально-демократической революции, обосновать роль украинского фактора в общероссийском революционном процессе 1917 – 1920 годов. Ранее опубликовано на русском языке в журнале «Гілея» (Киев. 2019. Вып. 148 (№ 9). С. 78–89) и в сокращённом виде в журнале «Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии» (СПб. 2019. Т. 7. С. 285–302).

Ключевые слова:

историография, концепции, Украинская революция, украинский фактор,
Великая Российская революция, Гражданская война,
социальный и национальный аспекты общественных процессов

Информация об авторе

Солдатенко Валерий Федорович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины, Киев, Украина.

Автор-корреспондент

Солдатенко Валерий Федорович, e-mail: soldatenko.v.f@gmail.com

УДК: 359 (571.6) «1960/1991»

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-10-10

Поступила в редакцию: 14.11.2020 г.

Submitted: November 14, 2020

Опубликована: 31.01.2021 г.

Published online: January 31, 2021

Для цитирования: Семёнов В.Н. История подводных лодок с крылатыми ракетами Тихоокеанского флота СССР. *Наука. Общество. Оборона*. 2021. Т. 9. № 1(26). С. 10-10.

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-10-10.

For citation: Semenov V. N. The history of submarines with cruise missiles in the Pacific fleet USSR. *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(1):10-10. (In Russ.)

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-1-10-10.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Обзорная статья

История подводных лодок с крылатыми ракетами Тихоокеанского флота СССР

В. Н. Семёнов¹

¹ *Дальневосточный федеральный университет,*

г. Владивосток, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6562-1938>, e-mail: viktor_55@mail.ru

Аннотация:

За период 1960–1991 гг. в боевой состав Тихоокеанского флота (ТОФ) СССР входили 253 подводные лодки, которые представляли все классы: основными были (по решению стоящих задач и боевым возможностям) атомные подводные лодки – 93 (32 единицы с баллистическими ракетами, 33 ед. с крылатыми ракетами и 28 ед. многоцелевые), дизельные подводные лодки – 160 (с баллистическими ракетами – 15 ед., с крылатыми ракетами – 7 ед., многоцелевые – 104 ед., плюс 25 малых подводных лодок XV серии, специального назначения – 9 единиц). История подводных лодок с крылатыми ракетами (установки на подводных лодках крылатых ракет) началась ещё в мае 1946 г., когда вышло Постановление Совета Министров СССР об образовании Специального комитета по реактивной технике при Совете Министров СССР, а в 1955 г. была начата разработка двух крылатых ракет П–5 и П–10 для подводных лодок. В 1956 г. начаты работы по созданию атомных ракетных подводных лодок проекта 675, оснащённых противокорабельными крылатыми ракетами П-6, и стратегическими крылатыми ракетами П-5М, которые предназначались для уничтожения береговых целей. Подводные лодки с крылатыми ракетами на ТОФ СССР были представлены подводными лодками (40 ед.) трёх поколений 7-ми проектов: 1-е поколение – 644 (1 ед.), 655 (2 ед.), 651 (4 ед.), 659 (5 ед.), 675 (14 ед.); 2-е поколение – 670 (11 ед.); 3-е поколение – 949А (3 ед.), – а с модернизацией (675К, 675МК, 675МКВ) – 10 проектов. Носителями крылатых ракет были, как дизельные (7 ед.), так и атомные (33 ед.) подводные лодки. Дизельные подводные лодки с крылатыми ракетами (ДПЛРК) поступили на ТОФ в первой половине 1960-х гг.: в

1960 г. – пр. 644, в 1962 г. – пр. 665, в 1965 г. – пр. 651. Атомные подводные лодки с крылатыми ракетами (АПЛРК) начали поступать практически одновременно с ДПЛРК, но если ДПЛРК с 1966 г. прекратили поступать на ТОФ, то АПЛРК поступали на флот все тридцать лет: 1961 г. – пр. 659, в 1963 г. – пр. 675, в 1973 г. – пр. 675К, в 1976 г. – пр. 675МК, в 1977 г. – пр. 670, в 1989 г. – пр. 675МКВ, в 1990 г. – пр. 949А. Основными носителями крылатых ракет (по количеству и по боевым возможностям) были, конечно, атомные подводные лодки. В статье показаны боевые возможности подводных лодок с крылатыми ракетами ТОФ трёх поколений, их боевое предназначение. Освоение и эксплуатация такого количества проектов и их модернизаций было большой проблемой для флота, так как каждый проект имел свои особенности, которые требовали разные ремонтные базы, а также требовали особой подготовки личного состава.

Ключевые слова:

Тихоокеанский флот, подводные лодки, атомные подводные лодки, дизельные подводные лодки, крылатые ракеты, боевые возможности, боевой состав, недостатки, модернизация

ВВЕДЕНИЕ

Подводные лодки Тихоокеанского флота (ТОФ) начиная с начала 1960-х гг. стали выходить в открытый океан. При этом они были готовы к нанесению ракетно-ядерных ударов по стратегическим объектам противника и вести боевые действия против надводных кораблей, подводных лодок, транспортов и судов противника. Подводные лодки ТОФ являлись ударной силой флота, так как являлись носителями ракетно-ядерного оружия и могли скрытно (в отличие от надводных кораблей и авиации) наносить удары.

Подводные лодки с крылатыми ракетами строились только в СССР, так как ВМФ СССР противостояли ВМС США, в состав которых входили самые мощные и многочисленные надводные силы, основу которых составляли авианосцы [2, с. 6]. Советское руководство сделало вполне прагматичный вывод: раз догнать Америку в строительстве авианесущих кораблей и палубной авиации в обозримом будущем не представляется возможным, значит надо бороться с ней другими, более эффективными методами. Ставка была сделана на крылатые ракеты, которые должны были уничтожать цели на чужих берегах вместо палубных бомбардировщиков, и бороться с авианосцами [14].

Главнокомандующий ВМФ СССР подводные лодки с крылатыми ракетами называл подводными авианосцами, отмечая, что такого оружия нет ни у кого в мире. Строительство подводных лодок с крылатыми ракетами он считал нашим национальным путём [13, с. 407]. История строительства крылатых ракет началась 19 июля 1955 г., когда Совет министров СССР принял постановление о создании крылатой ракеты морского базирования. Разработка новых крылатых ракет велась постоянно, но первой была крылатая ракета П-5 [16] – первая в мире ракета с автоматически раскрывающимся в полёте крылом, стартующая из герметичного контейнера.

С начала 1960-х гг. первоначально стоящие перед подводными лодками с крылатыми ракетами стратегические задачи, такие как нанесение ядерных ударов по военно-морским базам, портам, промышленным и административным центрам противника, – изменились, и подводные лодки с крылатыми ракетами стали развиваться как носители противокорабельных ракет с задачей нанесения ударов по надводным кораблям вероятного противника. Подводные лодки с противокорабельными крылатыми ракетами стали основной составляющей противоваианосных сил ВМФ СССР.

Применение противокорабельных крылатых ракет с подводных лодок происходит, как правило, в условиях активного противодействия сил атакуемого противника. Ракетной стрельбе предшествуют получение, обработка и оценка целеуказаний, принятие решения на атаку, расчёт и выполнение боевого маневрирования с преодолением системы противолодочной обороны, подготовка исходных данных для стрельбы, маневрирование на огневой позиции с выполнением предстартовой подготовки ракетного комплекса. Полёт ракеты осуществляется под управлением с подводной лодки под воздействием системы противовоздушной обороны (ПВО) сил противника. После выполнения стрельбы необходимо провести послезалповое маневрирование для отрыва от противника или пере развёртывания для повторной атаки [13, с. 466].

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ С КРЫЛАТЫМИ РАКЕТАМИ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Подводные лодки с крылатыми ракетами первого поколения предназначались для стрельбы, как по береговым объектам, так и по морским целям. **Первой отечественной подводной лодкой – носителем крылатых ракет была дизельная подводная лодка с крылатыми ракетами (ДПЛРК) проекта 644 (С-44, командир – капитан 2 ранга Бочаров М.Б.),** которая вошла в состав ТОФ в 1960 году. Она имела на вооружении 2 крылатые ракеты П-5 (размещались в контейнерах) надводного старта для стрельбы по береговым объектам. Определённые неудобства представляло размещение контейнеров на палубе надстройки в корму от ограждения, а также направление стрельбы ракетами в корму [3], стрельба осуществлялась из пускового контейнера поднятого на 15° по отношению к горизонту. Сразу же после выхода ракеты из контейнера раскрывались крылья, при волнении моря до 3 баллов, скорости хода до 15 узлов и скорости ветра до 10 м/с, после старта ракета не имела связи с подводной лодкой («выстрелил и забыл»). При стрельбе на полную дальность расчётное вероятное отклонение по дальности и боковое составляли до 3000 м [8, с. 388]. Наличие на флоте одной подводной лодки с крылатыми ракетами, которая имела на борту только две ракеты (малая огневая мощь), не представляло для вероятного противника особой угрозы. С-44 вошла в состав 124-й бригады (первая на ТОФ бригада подводных лодок с крылатыми ракетами) с базированием в бухте Конюшкова и прослужила в боевом составе ТОФ до 1968 года.

В 1962 г. совершив межфлотский переход по Северному морскому пути в надводном положении на ТОФ прибыли две ДПЛРК проекта (пр.) 665 (С-61, командир – капитан 3 ранга Болтнев А.Г. и С-63, командир – капитан 2 ранга Яскевич В.В.), которые имели на вооружении по четыре стратегических крылатых ракеты П-5 надводного старта. В 1957 г. ЦКБ-112 (с 1974 г. – АО «Лазурит») разработало проект переоборудования подводной лодки пр. 613 с установкой стационарных контейнеров для ракет П-5 – пр. 665. В отличие от ДПЛРК пр. 644, где были подъёмные контейнера, на пр. 665 ракеты размещались в неподвижных контейнерах, установленных попарно под углом возвышения 14° в ограждении рубки в нос подводной лодки. Такое размещение контейнеров имело ряд преимуществ по сравнению с подъёмной: было сокращено время предстартовой подготовки, обеспечивало более надёжную эксплуатацию, но при этом существенно ухудшала архитектуру подводной лодки, что отрицательно сказывалась на мореходных качествах [6]. Стрельба могла производиться одиночными ракетами и залпом по цели 2 или 4 ракетами [8, с. 390]. По боевому предназначению использовались С-61 до 1978 г., С-64 – до 1974 года.

В 1961 г. вступила в строй первая на ТОФ атомная подводная лодка с крылатыми ракетами (АПЛРК) пр. 659. На вооружении АПЛРК имела 6 крылатых ракет П-5, с 1962 г. – усовершенствованные крылатые ракеты П-5Д, которые имели большую точность стрельбы, а применённые в бортовой системе управления радиовысотомера позволило снизить высоту полёта до 250 м, уменьшив уязвимость крылатых ракет средствами ПВО противника.

В 1961–1963 гг. вошли в состав флота пять АПЛРК пр. 659 (К-45, командир – капитан 3 ранга Белашев В.Г.; К-59, капитан 2 ранга Ганрио А.В.; К-66, капитан 2 ранга Туманов В.; К-122, капитан 2 ранга Смирнов В.В.; К-151, капитан 2 ранга Василенко И.В.). Все они были построены на заводе №199 (завод им. Ленинского комсомола, Амурский судостроительный завод) в городе Комсомольске-на-Амуре [1]. **Наличие в боевом составе ТОФ пяти АПЛРК пр. 659, несущих на борту 30 крылатых ракет, позволило расширить не только круг задач, но и районы действия подводных лодок.**

Первоначально в их задачу входило нанесение ударов по береговым объектам, а с принятием на вооружение новых крылатых ракет – эти **подводные лодки были перенацелены для борьбы с авианосно-ударными группами** вероятного противника.

АПЛРК вошли в состав 26-й дивизии (созданной в 1961 г.), базировавшейся в б. Павловского (Приморье), которая стала первой на ТОФ дивизией атомных подводных лодок. В 1962 году в составе 15-й эскадры подводных лодок была сформирована **45-я дивизия** (командир – капитан 1 ранга Салов В.С.), которая **стала первым соединением атомных подводных лодок на Камчатке**, а в состав дивизии перешли первые АПЛРК пр. 659.

Дальнейшее строительство АПЛРК пр. 659 было прекращено из-за несовершенства ракетного комплекса и низкой надёжности паропроизводящих установок [12]. В качестве носителей крылатых ракет эти подводные лодки прослужили не долго: в декабре 1963 г. было принято решение о переоборудовании К-122 в торпедную

подводную лодку пр. 659Т, а в 1973 г. была переоборудована последняя подводная лодка пр. 659 (К-151). Необходимо отметить, что **ракеты комплекса П-5 имели серьезные недостатки: длительное время приготовления к пуску, низкую точность стрельбы** [13, с. 368].

По окончании строительства АПЛРК пр. 659 конструкторам и руководству ВМФ стало ясно, что для стрельбы по береговым объектам целесообразно применять баллистические ракеты, а для поражения надводных целей – противокорабельные крылатые ракеты. Исходя из этого **дальнейшее строительство ракетных подводных лодок пошло по двум направлениям:**

- для нанесения ударов по береговым объектам – подводные лодки с баллистическими ракетами (стратегического назначения),
- для борьбы с авианосными ударными группами – подводные лодки с противокорабельными крылатыми ракетами [6].

Военно-промышленный комплекс СССР, исходя из потребностей флота, продолжал создавать подводные лодки новых проектов, которые по своим боевым возможностям превосходили предыдущие подводные лодки, но, к сожалению, зачастую повторяли существенные недостатки предшественников. Так как судостроительная промышленность СССР не могла удовлетворить потребности ВМФ в атомных подводных лодках (которые по своим боевым возможностям значительно превосходили дизельные) с противокорабельными ракетами, **решено было разрабатывать одновременно два проекта подводных лодок с противокорабельными ракетами П-6 – атомной подводной лодки (пр. 675, главный конструктор П.П. Пустынцев) и дизельной подводной лодки (пр. 651, главный конструктор А.С. Кассациер)** [6].

Режим телеуправления ракетой П-6 осуществлялось с подводной лодки вплоть до выдачи команды на захват выбранной цели радиолокационным визиром ракеты. Полёт ракеты на этапе телеуправления проходил на большой высоте, что требовалось для обеспечения прямого радиолокационного контакта между носителем и ракетой вплоть до обнаружения целей радиолокационной головкой самонаведения ракеты. Радиолокационное изображение транслировалось на носитель, где офицер-оператор выбирал наиболее главную цель. После чего следовала команда на захват выбранной цели радиолокационным визиром ракеты. Далее ракета снижалась на малую высоту, осуществляла самонаведение на цель, поддерживая радиолокационный контакт с целью. На конечном участке ракета осуществляла пикирование на цель, боевая часть при этом не отделялась [8, с. 391].

В 1966–1969 гг. в боевой состав ТОФ вошли четыре новых ДПЛРК пр. 651:

- К-70, командир – капитан 2 ранга Бец В.И.;
- К-73, командир – капитан 2 ранга Дворников Ю.В.;
- К-63, командир – капитан 2 ранга Никитин Д.В.;
- К-120, командир – капитан 1 ранга Любимов В.С.

Это были **первые дизельные подводные лодки, созданными специально под противокорабельные крылатые ракеты**. В 1966 году ДПЛРК пр. 651 были вооружены противокорабельными ракетами П-6 в четырёх непerezаряжаемых пусковых установках. Ракетные пусковые установки (контейнеры) располагались попарно в нос и корму от ограждения рубки, угол возвышения контейнеров перед пуском 15° [20, с. 185].

По своим тактико-техническим данным, боевым возможностям ДПЛРК пр. 651 в 1960-е годы **превосходили все существующие отечественные и зарубежные дизель-электрические подводные лодки**, так как имели: меньший уровень шумности; дальность плавания 810 миль на экономичной подводной скорости 2,8 узла. Рекордная подводная скорость и такая дальность плавания были достигнуты за счёт применения при производстве серебряных аккумуляторов китайского серебра. Однако, когда в начале 1960-х гг. были прекращены массовые поставки серебра, наши кораблестроители вынуждены были начиная с четвёртой подводной лодки пр. 651 ставить обычные свинцовые аккумуляторные батареи, что привело к снижению скорости подводного хода (14,5 узлов) и сокращению дальности подводного плавания на экономической скорости более чем вдвое до 350 миль [9, с. 32]. В боевом составе флота эти подводные лодки были до конца 1980-х годов.

Наряду с дизельными подводными лодками группировку подводных лодок с крылатыми ракетами **в 1963 году начали пополнять атомные подводные лодки с надводным стартом противокорабельных крылатых ракет пр. 675**, основным вооружением которой стали восемь противокорабельных крылатых ракет П-6 (в

дальнейшем П-6М или П-5). Эти АПЛРК были спроектированы по постановлению Совета Министров СССР от 9 февраля 1959 г. в ЦКБ-18 (главный конструктор П.П. Пустынцев) и были самыми массовыми отечественными АПЛРК. Старт ракет осуществлялся в надводном положении из поднимавшихся на угол 14° транспортно-пусковых контейнеров [7, с. 35].

Необходимо отметить, что атомные подводные лодки в отличие от дизельных способны практически неограниченное время и с большой скоростью, находясь в подводном положении, длительно и скрытно преследовать соединения надводных кораблей противника с целью слежения за ними в угрожаемый период, а с началом боевых действий наносить удары крылатыми ракетами и торпедами, осуществлять наведение других сил и, наконец, наносить повторные и последующие удары на тех рубежах или в то время, которое окажется выгодным для взаимодействия со всеми, участвующими в боевых действиях силами флота [13, с. 411].

Главным предназначением АПЛРК пр. 675, имевших на вооружении ракету П-6, было нанесение ударов по кораблям и судам противника, действующих на океанских и морских коммуникациях. При наличии на борту стратегической крылатой ракеты П-5М задачей АПЛРК пр. 675 было (в дополнение к дизельным подводным лодкам, оснащённым баллистическими ракетами) нанесение ударов по объектам противника, расположенным в глубине территории противника (военно-морским базам, портам, промышленным и административным центрам) [15, с. 130].

Для выполнения стрельбы ракетами АПЛРК пр. 675 должен был всплыть в надводное положение. Было снижено время на производство залпа (всплытие, подготовка к пуску ракет, запуск и полёт ракет до цели): на выполнение 4-х ракетного залпа требовалось до 15 минут, а 2-х залпов – до 20-30 минут [4]. **При действии в составе группы** подводных лодок пр. 675, они могли одновременно произвести обстрел цели 12 ракетами П-6, что в 1960-е гг. **позволяло преодолевать самую плотную ПВО авианосных соединений.**

Впервые в мире АПЛРК пр. 675 могла произвести залповую стрельбу с избирательным поражением кораблей противника, идущих в охранении авианосца. Существенными недостатками, влияющими на боевую эффективность АПЛРК пр. 675 были:

- надводный старт крылатых ракет, и необходимость управления ими в полёте;
- большая шумность [2, с. 16] (намного выше, чем у американских и британских АПЛ);
- серьёзные недостатки в работе атомной энергетической установки [12].

В 1968 г. на ТОФ было 14 АПЛРК пр. 675:

- 13 – были построены Судостроительном заводе № 119 в г. Комсомольске-на-Амуре,
- 1 – в г. Северодвинске, прибыла с Северного флота.

Первыми командирами на АПЛРК пр. 675 были капитаны 2 ранга:

- К-175 – Карпенко А.Н.,
- К-184 – Чесебиев В.Х.,
- К-189 – Удовиченко Н.Д.,
- К-31 – Калухин В.К.,
- К-57 – Замулин Л.,
- К-48 – Катышев А.П.,
- К-56 – Кузнецов А.А.,
- К-10 – Мазин Р.В.,
- К-94 – Таргонин Г.В.,
- К-7 – Хватов Г.А.,
- К-108 – Джанелидзе Ю.М.,
- К-23 – Можейкин А.Е.,
- К-34 – Сучков Л.Ф.,
- К-116 – Виноградов В.Т.

Эти подводные лодки первоначально входили в состав 26-й дивизии, а когда в 1967 г. в составе 15-й эскадры подводных лодок (б. Крашенинникова, Камчатка) была сформирована 10-я дивизия (командир – капитан 1 ранга Ганрио А.В.), АПЛРК пр. 675 перешли туда. **10-я дивизия стала первой дивизией, укомплектованной однотипными**

подводными лодками с крылатыми ракетами, и предназначалась для поражения авианосно-ударных группировок.

Боевые возможности АПЛРК пр. 675 были продемонстрированы в Южно-Китайском море в 1968 г. АПЛРК К-10 под командованием капитана 2 ранга Н.Т. Иванова. К-10 на максимальных ходах вышла в полосу движения АМГ, но тайфун «Диана» не позволил всплыть для условной ракетной атаки, и тогда командир решил на условное применение торпедного оружия. Был вскрыт ордер авианосной группировки, **13(!!!) часов подводная лодка шла в ордере под авианосцем**, выполнила при этом условные торпедные атаки по всем кораблям ордера, и записала шумы всех кораблей [18, с. 52].

Недостатки АПЛРК пр. 675 пытались устранить, проведя модернизацию на 9 из них: по проекту 675К – 1, по пр. 675МК – 7, по пр. 675МКВ – 1.

Одна АПЛРК пр. 675 (К-48) в 1973 г. прошла модернизацию по пр. 675К: была произведена установка аппаратуры «Касатка», обеспечивающая **приём и обработку информации по целеуказанию от спутников**.

Семь АПЛРК пр. 675 (К-175, К-184, К-189, К-59, К-56, К-94, К-23) в 1976-1986 гг. прошли модернизацию по пр. 675МК с оснащением П-500 «Базальт» (8 пусковых установок), имеющих дальность полёта до 500 км, который они осуществляли на сверхзвуковой скорости. После производства полного старта из 8 ракет («волчья стая») производилась корректировка полёта ракет по направлению системой управления «Аргон», затем они самостоятельно шли в сторону цели. Одна из ракет, выполняя роль ведущей, шла выше (на высоте до 5 км) остальных ракет (шли на высоте 40-50 метров), осуществляя поиск цели пассивным способом (возможен и активный). **Ведущая ракета корректировала курс ракет, при подлёте выбирала самую крупную цель и направляла на неё ракету, у которой находился спецбоеприпас**, затем делила оставшиеся цели между всеми ракетами, снижалась сама, все включали головки самонаведения и врезались в борта кораблей. На АПЛРК также был размещён корабельный цифровой вычислительный комплекс «Касатка-Б» морской космической системы разведки и целеуказания «Успех» [19, с. 27]. АПЛРК пр. 675 МК, оснащённые ПКР «Базальт» предназначалась для борьбы с авианосными группами противника.

Одна АПЛРК пр. 675 (К-34) в 1989 г. была модернизирована по пр. 675МКВ с противокорабельной ракетой П-1000 «Вулкан», которая имела дальность стрельбы около 700 км [20, с. 257]. АПЛРК пр. 675 **могла производить одновременную залповую стрельбу всеми ракетами**, что стало возможным после установки системы управления стрельбой и наведения на цель «Аргон-КВ» (взамен системы «Аргумент») совместно с системой предстартовой подготовки. На вооружение были также: 4 носовых 533-мм (4 торпеды) и 2 кормовых 400-мм торпедных аппарата (2 торпеды) [7, с. 37].

Несмотря на проведённую модернизацию (пр. 675К, пр. 675МК, пр. 675 МКВ) серьёзные недостатки предыдущих проектов так и не были устранены: надводный старт ракет и необходимость управления ими во время наведения на цели что продолжало снижать их боевые возможности [2, с. 14], тем не менее, **в то время они сыграли определённую роль в усилении боевого потенциала страны**.

Атомные подводные лодки пр. 675 с восьмью противокорабельными ракетами П-6 и дизельные подводные лодки пр. 651 с четырьмя противокорабельными ракетами П-6 стали в 1960-е гг. первыми противоваианосными силами в составе ВМФ СССР. Дальность стрельбы ракетами составляла 380 км, что было сравнимо с радиусом дальней противолодочной обороны авианосно ударной группировки ВМС США – 370 км [3].

В течение 1965–1966 гг. увеличилась интенсивность выхода на боевую службу подводных лодок. Задачи поиска, слежения за авианосно-ударными группировками США решали, как АПЛРК пр. 675 – 3 ед., так и 1 ДПЛРК пр. 665.

Одной из основных задач флота в 1970-е гг. являлось **выполнение поставленных задач силами флота в Индийском океане**. АПЛРК пр. 675 К-7 под командование капитана 2 ранга Г.А. Хватова в апреле-мае 1970 года совершила поход в Индийский океан (первой из АПЛ ТОФ) с задачей проверить боеготовность крылатых ракет после длительного плавания в тропических условиях. Стрельба выполнялась в рамках манёвров «Океан» [11]. К несению боевой службы в Индийском океане в 1970–1971 гг. привлекалась ДПЛРК пр. 651 (К-120, командир –

капитан 1 ранга В.С. Любимов). В этот период несла боевую службу в Индийском океане АПЛРК пр. 675 К-31. С 1972 г. всё чаще к выполнению задач боевой службы в Индийском океане привлекались подводные лодки ТОФ, в том числе вооружённые крылатыми и баллистическими ракетами (К-120, К-408). В 1972 г. к выполнению задач боевой службы в Индийском океане привлекались 3 подводные лодки, среди них 1 ДПЛРК К-70.

Подводные лодки с крылатыми ракетами несли боевую службу в Индийском океане: в 1973 г. – 1 АПЛРК пр. 675, в 1974 г. – 1 АПЛРК пр. 670.

АПЛРК первого поколения имели серьёзные недостатки: надводный старт, необходимость управления крылатыми ракетами в полёте, большая шумность, – которые приводили к их уязвимости (во всяком случае, на расстоянии двух сотен километров от атакуемого корабля противника). Из этого следовал вывод, что необходимо строить подводные лодки с подводным стартом с большей дальностью полёта и меньшим уровнем шумности [13, с. 472].

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ С КРЫЛАТЫМИ РАКЕТАМИ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ

В 1974 году, когда группировка подводных лодок с крылатыми ракетами ТОФ состояла из 20 подводных лодок (6 – дизельных (пр. 665 – 2, пр. 651 – 4); 14 – атомных пр. 675), **в состав флота вошла первая атомная подводная лодка с крылатыми ракетами подводного старта** пр. 670 (разработка ЦКБ «Лазурит» под руководством В.П. Воробьёва). На вооружении восемь П-70 «Аметист» – первая в мире крылатая противокорабельная ракета с подводным «мокрым» стартом. Ракета осуществляла полёт на низкой траектории стрельбы (50-60 м) при дальности стрельбы до 80 км, которая позволила осуществлять целеуказание средствами самой АПЛРК.

Принцип использования ракеты был «выстрелил и забыл». Ракета была полностью автономна: её управление осуществляла бортовая система управления «Тор». Крылатая ракета имела скорость полёта близкую к звуковой, что значительно сокращало подлётное время и повышало вероятность преодоления ПВО. При подлёте к группе целей происходило выделение главной цели и распределение других целей (это осуществлялось на основе анализа энергетических характеристик отраженных от целей сигналов и их пространственного расположения). Кроме поиска, слежения в готовности к нанесению удара по надводным целям АПЛРК пр. 670 также привлекались к поиску АПЛ с баллистическими ракетами ВМС США в районах их боевого патрулирования [2, с. 11].

В январе-мае 1974 г. **две АПЛ совершили межфлотский переход с Северного флота на ТОФ** (б. Крашенинникова) через Атлантику – мыс Доброй Надежды – Индийский океан – Малаккский пролив: АПЛРК пр. 670 (К-201, командир – капитан 2 ранга Хайтаров В.Д.) и многоцелевая АПЛ пр. 671В. Отличительной чертой этого перехода было то, что АПЛРК пр. 670 была одновальной с одной ядерной энергетической установкой, что повышало степень риска. Опыт первого перехода АПЛРК пр. 670 показал надёжную работу всех механизмов, поэтому такие переходы практиковались и в дальнейшем. За 10 лет (1977–1987 гг.) **переходы северным маршрутом совершили и вошли в состав 10-й дивизии ещё 10 АПЛРК пр. 670** под командованием:

- К-429 – капитана 1 ранга Козлова В.Т.,
- К-325 – капитана 2 ранга Лушина В.П.,
- К-212 – капитана 3 ранга Гусева А.А.,
- К-320 – капитана 2 ранга Аникина В.Т.,
- К-43 – капитана 2 ранга Марьяшина Н.Я.,
- К-121 – капитана 1 ранга Телегина Е.Н.,
- К-25 – капитана 2 ранга Фомина И.А.,
- К-308 – капитана 2 ранга Малых В.А.,
- К-313 и К-302 – капитана 2 ранга Мажуго М.А.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ С КРЫЛАТЫМИ РАКЕТАМИ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В 1990–1991 гг. в состав флота вошли три АПЛРК пр. 949А под командованием капитанов 1 ранга (К-132 – Карьялайнен С.М., К-173 – Ефанов А.П., К-442 – Милованов А.В.). АПЛРК проекта 949А (ЦКБ МТ «Рубин», главный конструктор – Баранов И.Л.) – подводные лодки с крылатыми ракетами третьего поколения. На вооружении АПЛРК имела комплекс ракетного оружия «Гранит», который был предназначен для борьбы с

мощными корабельными группировками, включая авианосные. В полёте ракеты взаимодействуют друг с другом, а при подлёте к цели одна из ракет группы (лидер) занимает более высокий эшелон с целью максимального увеличения и захвата цели. **В случае уничтожения лидера средствами ПВО противника, одна из ракет группы занимает его место.** Сначала происходит уничтожение главных целей, только после этого поражаются другие цели. Поражение целей происходит по принципу «одна цель – одна ракета». При выходе на цель противокорабельные крылатые ракеты уклоняются от средств ПВО противника, они также устойчивы к радиоэлектронному противодействию противника [5].

АПЛРК пр. 949А обладала рядом уникальных возможностей: могла атаковать противника с расстояния, превышающего дальность обнаружения её средствами противолодочной обороны благодаря сверхзвуковой скорости и большой дальности полёта ракеты; была практически неуловимой, так как имела высокую подводную скорость, отличные маневренность и управляемость, большую глубину погружения и малую шумность; избирательность и точность поражения цели, которые обеспечивались **возможностью выполнения залпа полным боекомплектом из 24 ракет**, космическим целеуказанием и системой обмена информацией ракетами в полёте [17, с. 8]. Одна подводная лодка пр. 949А, даже без взаимодействия с авиацией и надводными кораблями, способна обнаруживать авиационные ударные группировки противника, осуществлять скрытное слежение за ними и наносить решающий удар [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемой применения противокорабельных крылатых ракет являлось получение своевременных и качественных целеуказаний. Для достижения успеха подводная лодка, сближаясь с противником, должна была в течение одного сеанса связи получить от различных источников несколько целеуказаний (от морской космической системы, от самолётов-разведчиков, от подводных лодок и надводных кораблей непосредственно следящих за противником, от береговых командных пунктов управления подводными лодками и, наконец, от собственных средств атакующей лодки), которые могут отличаться друг от друга различным составом, точностью и степенью запаздывания информации о противнике [13, с. 466]. К сожалению, эта проблема в ВМФ СССР так и не была окончательно решена.

В составе ТОФ СССР за 30 лет (1960–1991 гг.) было 40 подводных лодок с крылатыми ракетами (33 – атомные, 7 – дизельные), что позволяло флоту осуществлять скрытно поиск и длительное слежение за авианосно-ударными группами ВМС США на удалении от побережья СССР, превышающем рубеж подъёма истребительной авиации и выполнения других задач, стоящих перед авианосными соединениями ВМС США. За этими цифрами стоят годы напряжённого труда наших учёных, кораблестроителей, которые стремились создать такие подводные лодки и их вооружение, которое могло бы противостоять мощи противника. Не все они отвечали требованиям времени, но подводники отработывали всё новые и новые тактические приёмы, которые позволяли им решить поставленные задачи.

В 1989 году началась оптимизация флота, которая привела к тому, что флот уже не мог в полном объёме выполнять возложенные на него задачи по обеспечению безопасности нашего Отечества на просторах Мирового океана. По состоянию на декабрь 1991 г. в боевом составе ТОФ СССР было всего 15 подводных лодок с крылатыми ракетами: пр. 675 – 1, пр. 675МК – 3, пр. 675МКВ – 1, пр. 670 – 7, пр. 949А – 3, из них было только 9 боеготовых (при этом количество и состав АМГ ВМС США не стало меньше). Вместе с сокращением боевого состава были сокращены и стоящие перед флотом задачи, а также операционная зона.

Список литературы

1. *Алексеев А., Самаркин Л.* «Барсы ставят проблемы». – Морской сборник. 1997. № 4. С. 51-56.
2. *Апальков Ю.В.* Корабли ВМФ СССР. Т. 1. Ч. 1. Подводные лодки. РПКСН и многоцелевые ПЛ. Санкт-Петербург: Галей Принт, 2002. С. 90.
3. *Атласов В.* «Базальт» и «Малахит», спрессованные в «Гранит». – [Независимое военное обозрение](#). 2000, 6-7 апреля.
4. Атомные подводные лодки с крылатыми ракетами. Проект 675. – [Военное обозрение](#). 2012.
5. Атомные подводные лодки с крылатыми ракетами. Проект 949 «Гранит». – [Военное обозрение](#). 2012.
6. *Баранов И.Л.* История создания и перспективы развития отечественных подводных лодок с крылатыми ракетами. – Судостроение. 2001. № 2 (735). С. 25-32.

7. *Бережной С.С.* Атомные подводные лодки ВМФ СССР и России. – Морской исторический альманах. 2001. № 7. Специальный выпуск. – 80 с.
8. *Буров В.Н.* Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб.: Судостроение, 1995. – 601 с.
9. *Ильин В., Колесников А.* Отечественные атомные подводные лодки. – Техника и вооружение, вчера, сегодня, завтра. Научно-популярный журнал. Май-июнь, 2000. Издатель РОО «Техинформ». – 84 с.
10. *Карпенко А.В.* Проектирование и строительство подводных лодок с крылатыми ракетами. – [Военно-технический сборник «Бастион»](#). 2020. №7.
11. *Коряковцев А.А., Ташлыков С.Л.* Противостояние ВМФ СССР и ВМС США в Индийском океане в годы «холодной войны». – Военно-исторический журнал. 2019. № 7. С. 14–18.
12. *Куличков В.К.* История строительства отечественных атомных подводных лодок с крылатыми ракетами (первое поколение). – Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2016. № 2. С. 70–83.
13. *Михайловский А.П.* Вертикальное всплытие. Записки подводника. Санкт-Петербург: Наука, 1995. – 534 с.
14. *Мороз С.* Техника / вооружение. Аналогов в мире нет: морская система разведки и целеуказания «Успех-У». Часть 2. – [Наука и техника](#). 2017. № 11.
15. Надводные корабли, суда и подводные лодки постройки завода № 402 – ФГУП «ПО «Севмаш» (1942–2001): Справочник. Авт.-сост. *Спирихин С.А.* Изд. 2-е, исп. и доп. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2006. – 242 с.
16. *Рябов К.* Крылатая ракета подводных лодок П-5. – [Военное обозрение](#). 2016.
17. *Сивков К.* «Батоны» с изюминкой. – Военно-промышленный курьер. №13 (726). 3-9.04.2018.
18. *Токарев В.Н.* Два адмирала. Приморская книжная палата. Саратов, 2017. – 152 с.
19. *Фёдоров В.М.* Разведка Тихоокеанского флота в годы «холодной войны»: история и воспоминания. М., 2014. – 568 с.
20. *Широкопад А.Б.* Огненный меч Российского флота. М.: Яуза, Эксмо, 2004. – 416 с.

Информация об авторе

Семёнов Виктор Николаевич, кандидат технических наук, заведующий лабораторией Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Семёнов Виктор Николаевич, e-mail: viktor_55@mail.ru

MILITARY SECURITY

Review

The history of submarines with cruise missiles in the Pacific fleet USSR

Victor N. Semenov ¹

¹ *Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6562-1938>, e-mail: viktor_55@mail.ru*

Abstract:

For the period 1960-1991 the combat structure of the Pacific fleet included 253 submarines, which represented all classes: the main ones were (in terms of solving the tasks and combat capabilities) nuclear submarines – 93 (32 units with ballistic missiles, 33 units with cruise missiles and 28 units. multi-purpose), diesel submarines – 160 (with ballistic missiles – 15 units, with cruise missiles – 7 units, multi-purpose-104 units and 25 small submarines of the XV series, special purpose – 9). The history of submarines with cruise missiles (installation of cruise missiles on submarines) began in may 1946, when the USSR Council of Ministers issued a Resolution on the formation of a Special Committee on jet technology under the Council of Ministers of the USSR, and in 1955 the development of two P–5 and P–10 cruise missiles for submarines was started. In 1956, work began on the creation of nuclear-powered missile submarines of project 675, equipped with anti-ship cruise missiles P-6, and strategic cruise missiles P-5M, which were intended to destroy coastal targets. Submarines with cruise missiles at the USSR Pacific fleet were represented by submarines (40 units) of 3 generations of 7 projects: 1st generation-644 (1 unit), 655 (2 units), 651 (4), 659 (5), 675 (14

units); 2nd generation – 670 (11 units); 3rd generation – 949A (3 units), – and with modernization – 10 projects (and 675K, 675MK, 675MKV). Carriers of cruise missiles were both diesel (7 units) and nuclear (33 units) submarines (PL). Diesel submarines with cruise missiles (DPLRK) entered the Pacific fleet in the first half of the 1960s: in 1960 – PR.644, in 1962 – PR. 665, in 1965 – PR. 651. Nuclear submarines with cruise missiles (APLR) began to arrive almost simultaneously with DPRK, but if DPRK since 1966 had ceased to PAC, then APLRS he joined the Navy thirty years: 1961 – St. 659, in 1963 – the St. 675, 1973 – St. 675K in 1976 – St. 675MK, in 1977 St. 670; in 1989, St. 675MKB, in 1990 – 949A Ave. The main carriers of cruise missiles (in terms of number and combat capabilities) were. The development and operation of such a large number of projects and their upgrades was a big problem for the fleet, because each project had its own characteristics, which required different repair bases, and also required special training of personnel.

Keywords:

Pacific fleet, cruise missile submarines, nuclear submarines, diesel submarines, combat capabilities, combat composition, limitations, modernization

References

1. Alekseev, A. 1997, «Barsy stavyat problemy» [«The leopards are causing problems»]. – *Morskoi Sbornik*. 1997. № 4. S. 51–56. (In Russ.)
2. Apal'kov, Yu.V. 2002, *Korabli VMF SSSR*. Tom 1. Chast' 1. Podvodnye lodki. RPKSN i mnogotsel'evye PL [Ships of the Soviet Navy. Vol. 1. Part 1. Submarine. RPKSN and multi-purpose SUBMARINES]. St. Petersburg. Galeya Print publ., 2002. S. 90. (In Russ.)
3. Atlasov, V. 2000, «Bazalt» i «Malakhit», spressovannyye v «Granit» [«Basalt» and «malachite» pressed into «Granite»]. – *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 2000, 6-7 April. (In Russ.)
4. Atomnyye podvodnye lodki s krylatymi raketami. Proekt 675. [Nuclear submarines with cruise missiles. The project 675]. – *Voенnoe obozrenie*. 2012. (In Russ.)
5. Atomnyye podvodnye lodki s krylatymi raketami. Proekt 949 «Granit» [Nuclear submarines with cruise missiles. The Project 949 «Granit»]. – *Voенnoe obozrenie*. 2012. (In Russ.)
6. Baranov, I.L. 2001, Istoriya sozdaniya i perspektivy razvitiya otechestvennykh podvodnykh lodok s krylatymi raketami [History of creation and prospects of development of Russian submarines with cruise missiles]. – *Sudostroenie*. 2001. № 2 (735). S. 25-32. (In Russ.)
7. Berezhnoi, S.S. 2001, Atomnyye podvodnye lodki VMF SSSR i Rossii [Nuclear submarines of the Soviet and Russian navies]. – *Morskoi istoricheskii al'manakh*. № 7. Spetsial'nyi vypusk. 2001. – 80 s. (In Russ.)
8. Burov, V.N. 1995, *Otechestvennoe voennoe korablestroenie v tret'em stoletii svoei istorii* [Domestic military shipbuilding in the third century of its history]. St. Petersburg. Sudostroenie publ., 1995. – 601 s. (In Russ.)
9. Il'in, V., Kolesnikov, A. 2000, Otechestvennyye atomnyye podvodnye lodki [Domestic nuclear submarines]. – *Tekhnika i vooruzhenie, vchera, segodnya, zavtra*. Nauchno-populyarnyi zhurnal. Mai-iyun' 2000 g. Izdatel' ROO «Tekhinform». – 84 s. (In Russ.)
10. Karpenko, A.V. 2020, Proektirovanie i stroitel'stvo podvodnykh lodok s krylatymi raketami [Design and construction of cruise missile submarines]. – *Voенno-tekhnicheskii sbornik «Bastion»*. 2020. № 7. (In Russ.)
11. Koryakovtsev, A.A., Tashlykov, S.L. 2019, Protivostoyanie VMF SSSR i VMS SShA v Indiiskom okeane v gody «kholodnoi voiny». [The confrontation between the Soviet Navy and the US Navy in the Indian ocean during the cold war]. – *Voенno-istoricheskii zhurnal*. 2019. № 7. S. 14–18. (In Russ.)
12. Kulichkov, V.K. 2016, Istoriya stroitel'stva otechestvennykh atomnykh podvodnykh lodok s krylatymi raketami (pervoe pokolenie). [History of construction of Russian nuclear submarines with cruise missiles (first generation)]. – *Nauchnyi vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii*. 2016. № 2. S. 70-83. (In Russ.)
13. Mikhailovskii, A.P. 1995, *Vertikal'noe vsplytie. Zapiski podvodnika* [The vertical ascent. Submariner's notes]. St. Petersburg: Nauka publ., 1995. – 534 s. (In Russ.)
14. Moroz, S. 2017, Tekhnika / vooruzhenie. Analogov v mire net: morskaya sistema razvedki i tseleukazaniya «Uspek-U». Chast' 2 [Equipment / weapons. There are no analogues in the world: the marine reconnaissance and target designation system «Success-U». Part 2]. – *Nauka i tekhnika*. № 11. 2017. (In Russ.)
15. *Nadvodnye korabli, suda i podvodnye lodki postroiki zavoda № 402 – FGUP «PO «Sevmash» (1942–2001)* [Surface ships, vessels and submarines built by plant No. 402-FSUE PO Sevmash (1942-2001)]: Spravochnik. Avt.-sost. Spirikhin S.A. Izd. 2-e, isp. i dop. Arkhangel'sk: OAO «IPP «Pravda Severa» publ., 2006. – 242 s. (In Russ.)
16. Ryabov, K. 2016, Krylataya raketa podvodnykh lodok P-5 [P-5 submarine-launched cruise missile.]. – *Voенnoe obozrenie*. 2016. (In Russ.)
17. Sivkov, K. 2018, «Batony» s izyuminkoi [«Loaves» with a twist]. – *Voенno-promyshlennyyi kur'er*. №13 (726) 3-9.04.2018. (In Russ.)
18. Tokarev, V.N. 2017, *Dva admirala* [Two admirals]. Saratov: Primorsky book chamber publ., 2017. S. 152. (In Russ.)
19. Fedorov, V.M. 2014, *Razvedka Tikhookeanskogo flota v gody «kholodnoi voiny»: istoriya i vospominaniya* [Pacific fleet intelligence during the Cold war: history and memories]. Moscow, 2014. – 568 s. (In Russ.)

20. Shirokorad, A. B. 2004, *Ognennyi mech Rossiiskogo flota* [Fire sword of the Russian Navy]. Moscow: Izd-vo Yauza, Izd-vo Eksmo publ., 2004. – 416 s. (In Russ.)

Information about the author

Victor N. Semenov, Cand. Sci. (Technical), Head of the Laboratory of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation.

Corresponding author

Victor N. Semenov, e-mail: viktor_55@mail.ru

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 1

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 1

Сетевое научное издание "Наука. Общество. Оборона"

*«Имей мужество
пользоваться своим умом»
Иммануил Кант*

«Наука. Общество. Оборона» – это рецензируемый научный журнал, в котором освещаются вопросы в области отечественной, всеобщей и военной истории, международных отношений и политики, состояния российской науки и российского общества, безопасности Российской Федерации и международной безопасности.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ([Перечень ВАК](#); исторические науки).

Миссия журнала – содействие развитию российского общества, его политической и исторической культуры. Журнал ориентирован на предоставление научной и информационно-аналитической помощи в решении проблем российской науки, в том числе военной науки и военно-исторической науки, обеспечении обороноспособности России, противодействию попыткам фальсификации и искажению истории в ущерб интересам России. Один из главных критериев отбора авторов и материалов для журнала – актуальность идей и позитивная направленность на разрешение проблем современной России.

В журнале публикуются работы по следующим темам: объективная история; российское общество; мировая политика: история, теория и практика; международные отношения; проблемы войны и мира; миграционные процессы в глобальном мире; армия, власть и общество; общественная, государственная и военная безопасность России; философия науки; научные кадры; информационные технологии; история в лицах; история Великой Победы; воинское обучение и воспитание; патриотическое воспитание; искусство, спецслужбы, вооружение и военная техника, казачество: история и современность; здоровье нации.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи; обзоры, включая историографические; публикации о персоналиях; переводы статей, опубликованные в зарубежных журналах (при согласии правообладателя на перевод и публикацию); публикации документов и материалов личного происхождения, как исторических источников; научные сообщения; научные рецензии; научные отчеты; другие информационные материалы.

Издание входит в систему Российский индекс научного цитирования (**РИНЦ**)

- пятилетний импакт-фактор РИНЦ **0,166**
- **SCIENCE INDEX** по Истории - **66** место

Журнал прошел многомерный процесс оценки и индексируется в базе **ICI Journals Master List**

- Index Copernicus Value (**ICV**) - **92,64**

Издание **рецензируемое**, рецензии передаются с выпуском журнала в базу **НЭБ** (eLIBRARY)

Все статьи журнала находятся на сайте сетевого издания в **ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ**

Все выпуски также **в открытом доступе:**

- КиберЛенинка (CyberLeninka.ru)
- [Index Copernicus International World of Journals](#)

Статьи размещаются в Научной электронной библиотеке ([eLIBRARY](#))

Обязательный экземпляр издания (каждый номер) регистрируется в ФГУП Научно-технический центр "[Информрегистр](#)" (Роскомнадзор)

Журнал представлен в базе [East View Information Services](#)

ISSN [2311-1763](#) Префикс **DOI** 10.24412/2311-1763 ранее - 10.24411/2311-1763 (2013-2020 гг.)

[Этика научных публикаций](#)

[Порядок направления, рецензирования и опубликования статей](#)

[Рубрики](#)

Network Journal Nauka. Obščestvo. Oborona

EDITOR-IN-CHIEF

[Vladimir G. Kiknadze](#)

«Have the courage
use your mind»
Immanuel Kant

Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense is a peer-reviewed scientific journal, which highlights issues in the field of domestic (Russian), world and military history, international relations and politics, the state of Russian science and Russian society, the security of the Russian Federation and international security.

ISSN [2311-1763](#) (Online) DOI 10.24412/2311-1763 *previous to (2013-2020)* - 10.24411/2311-1763

The Journal's mission is to support the promotion of Russian society, its political and historical culture. The Journal is focused on providing scientific and informational and analytical assistance in solving the problems of Russian science, including military science and military-historical science, ensuring Russia's defense capability, countering attempts to falsify and distorting history to the detriment of Russia's interests. One of the main criteria for the selection of authors and materials for the Journal is the relevance of ideas and a positive focus on resolving the problems of modern Russia.

The Journal publishes works on the following topics: objective history; Russian society; world politics: history, theory and practice; international relationships; problems of War and Peace; migration processes in the global world; army, power and society; public, state and military security of Russia; philosophy of science; scientific personnel; Information technology; story in faces; history of the Great Victory; military training and education; patriotic education; art, special services, weapons and military equipment, Cossacks: history and modernity; health of the Russian nation.

The Journal accepts for publication original articles; reviews, including historiographic; publications about personalities; translations of articles published in foreign journals (with the consent of the copyright holder for translation and publication); publication of documents and materials of personal origin as historical sources; scientific reports; scientific reviews; scientific reports; other informational materials.

The publication is included in the **Russian Index of Scientific Citation (RSCI)**

SCIENCE INDEX rating on "History. Historical sciences" - **66th place**

Journal has passed the evaluation process positively and is indexed in the **ICI Journals Master List**

- Index Copernicus Value (ICV) - **92,64**

The Journal is **peer-reviewed**, reviews are submitted with the release of the Journal to the NEB database (eLIBRARY)

All articles of the Journal are on the website of the online publication in **OPEN ACCESS**

The full text of the articles in OPEN ACCESS :

- CyberLeninka ([CyberLeninka.ru](#))
- [Index Copernicus International World of Journals](#)

Journal in library services and databases [East View Information Services](#)

Articles are placed in the Scientific Electronic Library ([eLIBRARY](#)).

Obligatory copy of the publication is registered in the Federal State Unitary Enterprise Scientific and Technical Center "[Informregister](#)".

Редакционная коллегия

Кикнадзе Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, кандидат военных наук, доцент, главный редактор сетевого издания "Наука. Общество. Оборона", член Ассоциации научных редакторов и издателей ([АНРИ](#)), член Европейской Ассоциации научных редакторов ([EASE](#)), член Ассоциации Комитас Гентиум Франция Россия ([CGFR](#)), эксперт Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Минобрнауки России по истории (2016-2018), действительный член Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия), советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4574-4778](#); SCOPUS id: 38261777700; AuthorID: [496422](#)

Балтовский Леонид Васильевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-7154-787X](#); SCOPUS id: 55801946800; AuthorID: [268264](#)

Войтиков Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором выявления архивных документов и подготовки документальных публикаций Центрального государственного архива города Москвы (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4226-7283](#); AuthorID: [513310](#)

Галас Марина Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-1523-8287](#); SCOPUS id: 57203781525; AuthorID: [293892](#)

Денисова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация), профессор Университета Малайя (г. Куала Лумпур, Малайзия); SCOPUS id: 55602183600; AuthorID: [310324](#)

Золотарев Владимир Антонович – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Президент Ассоциации историков Второй мировой войны (Москва, Российская Федерация); SCOPUS id: 55789241600; AuthorID: [76751](#)

Клемешев Андрей Павлович – доктор политических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, президент Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-6343-3263](#); SCOPUS id: 56322656400; AuthorID: [250687](#)

Комплеев Антон Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики, заместитель декана факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-4069-6845](#); AuthorID: [492026](#)

Кретинин Геннадий Викторович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Балтийского федерального университета им. И.Канта (г. Калининград, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-0730-0826](#); SCOPUS id: 6506945862; AuthorID: [162295](#)

Куманев Георгий Александрович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Центра военной истории Института Российской истории РАН (Москва, Российская Федерация, 2013-2018); ORCID id: [0000-0002-3399-3366](#); AuthorID: [73622](#)

Лапина Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); AuthorID: [364829](#)

Лосев Денис Евгеньевич – кандидат военных наук, доцент, капитан 2 ранга, доцент кафедры тактики Балтийского военно-морского института им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Калининград, Российская Федерация)

Петросян Владимир Николаевич – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры истории войн и военного искусства ВУНЦ ВМФ "Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова" (Санкт-Петербург, Российская Федерация, 2013-2018)

Пляскин Владислав Петрович – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [410084](#)

Римашевский Адам Адамович – доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, Заслуженный военный специалист, Лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор ВУНЦ ВМФ "Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова" (Санкт-Петербург, Российская Федерация, 2013-2018)

Романько Олег Валентинович – доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-9898-8560](#); SCOPUS id: 57205585692; AuthorID: [495163](#)

Рукавишников Евгений Николаевич – доктор военных наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балтийского военно-морского института им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова (Калининград, Российская Федерация); AuthorID: [507573](#)

Селезнев Павел Сергеевич – доктор политических наук, доцент, заместитель директора по персоналу, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-5439-8630](#); SCOPUS id: 57205759930; AuthorID: [518938](#)

Сивков Константин Валентинович – доктор военных наук, действительный член Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-2842-5145](#); AuthorID: [564584](#)

Соклаков Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и общенаучных дисциплин Военного института (общевойскового) ВУНЦ Сухопутных войск "Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации" (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-3194-3637](#); AuthorID: [439549](#)

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор Брестского государственного технического университета (Республика Беларусь, г. Брест); AuthorID: [508431](#)

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-7373-592X](#); AuthorID: [447995](#)

Тороп Валерия Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского института открытого образования (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4328-4915](#); AuthorID: [453303](#)

Форрест Алан (Alan Iain Forrest) – профессор Университета Йорка, директор Центра изучения XVIII века, президент Международной комиссии по Французской революции (Великобритания, г. Йорк)

Фретине Жан-Ив (Frégné Jean-Ives) – PhD (история), доцент, Университет Руана, Президент Общества французских исследований Рисорджименто (Франция, Нормандия, г. Руан); SCOPUS id: 36711746700

Чумиков Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [475501](#)

Шантеран Давид (David Chanteranne) – историк, журналист и общественный деятель, главный редактор журналов «Наполеоновская память» (Souvenir napoléonien), «Наполеон I», «Наполеон III», «Версаль и Париж, от Лютеции до сегодняшнего дня», главный редактор «Groupe de Presse Michel Hommel», преподаватель в Университете Париж-4 Сорбонна, вице-президент Гран-при «История Парижа» (Histoire de Paris) (Франция, г. Париж)

Шель Вячеслав Вячеславович – кандидат военных наук, полковник, начальник научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, заместитель главного редактора сетевого издания "Наука. Общество. Оборона" (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [974023](#)

Editorial board

Journal Nauka. Obščestvo. Oborona

Vladimir G. Kiknadze - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Editor-in-Chief of the Journal "Science. Society. Defense", Member The European Association of Science Editors ([EASE](#)), Academician of the European Academy of Natural Sciences (Germany), Member Association Comitas Gentium France Russie ([CGFR](#)), Member Association of science editors and publishers ([ASEP](#)), Member of the Society for the Study of the History of Russian Special Services, Professor at the Academy of Military Sciences, Advisor to the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4574-4778](#); SCOPUS id: 38261777700; AuthorID: [496422](#)

Leonid V. Baltovsky - Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy of the St. Petersburg State University of Architecture and Construction (St. Petersburg, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0001-7154-787X](#); SCOPUS id: 55801946800; AuthorID: [268264](#)

Sergey S. Voitkov - Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Central State Archives of Moscow (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4226-7283](#); AuthorID: [513310](#)

Marina L. Galas - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-1523-8287](#); SCOPUS id: 57203781525; AuthorID: [293892](#)

Tatyana A. Denisova - Candidate of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor of the University of Malaya (Kuala Lumpur, Malaysia),
SCOPUS id: 55602183600; AuthorID: [310324](#)

Vladimir A. Zolotarev - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the Association of Historians of the Second World War (Moscow, Russian Federation),
SCOPUS id: 55789241600; AuthorID: [76751](#)

Andrey P. Klemeshev - Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia, President of the Baltic Federal University Immanuel Kant (Kaliningrad, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-6343-3263](#); SCOPUS id: 56322656400; AuthorID: [250687](#)

Anton V. Complev - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Deputy Dean of the Department of Political Science, Moscow State University Lomonosov (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-4069-6845](#); AuthorID: [492026](#)

Gennadiy V. Kretinin - Doctor of History, Professor, Professor of the Department of History of the Baltic Federal University. I.Kanta (Kaliningrad, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-0730-0826](#); SCOPUS id: 6506945862; AuthorID: [162295](#)

Georgy A. Kumanev - Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Military History of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation, 2013-2018),
ORCID id: [0000-0002-3399-3366](#); AuthorID: [73622](#)

Irina Y. Lapina - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy of the St. Petersburg State University of Architecture and Construction (St. Petersburg, Russian

Federation),

AuthorID: [364829](#)

Denis E. Losev - Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Captain 2nd Rank, Associate Professor, Department of Tactics, Baltic Naval Institute. Admiral F.F. Ushakova (Kaliningrad, Russian Federation)

Vladimir N. Petrosyan - Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Wars and Military Art of the Naval Forces of the Navy "Naval Academy named after the Admiral of the Fleet of the Soviet Union NG Kuznetsov" (St. Petersburg, Russian Federation, 2013-2018)

Vladislav P. Plyaskin - doctor of historical sciences, professor, senior researcher of the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces (Moscow, Russian Federation),
AuthorID: [410084](#)

Adam A. Rimashevsky - Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Military Sciences, Professor, Honored Military Specialist, Laureate of the RF Government Prize in Science and Technology, Professor of the Naval Academy of the Navy Admiral of the Fleet of the Soviet Union NG Kuznetsov (St. Petersburg, Russian Federation, 2013-2018)

Oleg V. Romanko - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Crimean Federal University V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0001-9898-8560](#); SCOPUS id: 57205585692; AuthorID: [495163](#)

Evgeny N. Rukavishnikov - Doctor of Military Sciences, Professor, professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Baltic Naval Institute. Admiral F.F. Ushakova (Kaliningrad, Russian Federation),
AuthorID: [507573](#)

Pavel S. Seleznev - Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Personnel, Associate Professor Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0001-5439-8630](#); SCOPUS id: 57205759930; AuthorID: [518938](#)

Konstantin V. Sivkov - Doctor of Military Sciences, Academician of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, a columnist for the newspaper Military-Industrial Courier (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-2842-5145](#); AuthorID: [564584](#)

Alexander Y. Soklakov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanitarian and General Scientific Disciplines of the Military Institute (Combined Arms) VUNTS of the Ground Forces "Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation" (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-3194-3637](#); AuthorID: [439549](#)

Mikhail V. Strelets - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Brest State Technical University (Republic of Belarus, Brest),
AuthorID: [508431](#)

Natalia P. Tanshina - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Leading Researcher, Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies, Faculty of History, State Academic University of Humanities; Professor, Department of New and Newest History, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0001-7373-592X](#); AuthorID: [447995](#)

Valeria V. Torop - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Moscow Institute of Open Education (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4328-4915](#); AuthorID: [453303](#)

Alan Forrest (Alan Iain Forrest) - Professor at the University of York, Director of the Center for the Study of the XVIII century, President of the International Commission for the French Revolution (United Kingdom, York)

Jean-Ives Fretine (Frétigné Jean-Ives) - PhD (history), Assistant Professor, University of Rouen, President of the Society for French Studies Risorgimento (France, Normandy, Rouen),
SCOPUS id: 36711746700

Alexander N. Chumikov - Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Regional Sociology and Conflictology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation),
AuthorID: [475501](#)

David Chanteranne - historian, journalist and public figure, editor-in-chief of Napoleon's Memory magazine (Souvenir napoléonien), Napoleon I, Napoleon III, Versailles and Paris, from Lutetia to today, editor-in-chief Groupe de Presse Michel Hommel", lecturer at the University of Paris-4 Sorbonne, vice-president of the Grand Prix "History of Paris "(Histoire de Paris) (France, Paris)

Vyacheslav V. Shel - Candidate of Military Sciences, Colonel, Head of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Deputy Editor-in-Chief of the Internet publication Science and Society Defense (Moscow, Russian Federation),
AuthorID: [974023](#)

Современная Россия

Общество России: история и современность

Патриотическое воспитание

Общественная и государственная безопасность

Историческая политика

Армия, власть и общество

Здоровье нации

Международные отношения

Мировая политика: история, теория и практика

Миграционные процессы в глобальном мире

Проблемы войны и мира

Военная безопасность

Воинское обучение и воспитание

Вооружение и военная техника: история и современность

Спецслужбы: история и современность

Философия науки

Научные кадры

История экономической мысли

Информационные технологии: наука и практика

Объективная история

История в лицах

История Великой Победы

Историография

История верований, религий и церквей

История казачества

Искусство: история и современность

Работы молодых ученых

Thematic sections

Journal Nauka. Obščestvo. Oborona

[International relationships](#)

[World politics: history, theory and practice](#)

[Migration processes in the global world](#)

[Problems of War and Peace](#)

[Modern Russia](#)

[Russian society: history and modernity.](#)

[Patriotic education](#)

[Public and State Security.](#)

[Historical Policy.](#)

[Army, Government and Society.](#)

[Health Nation](#)

[Military security.](#)

[Military training and education](#)

[Armament and military equipment: history and modernity.](#)

[Special services: history and modernity.](#)

[Philosophy of Science](#)

[Scientific personnel](#)

[History of Economic theories, doctrines, dogmas](#)

[Information Technology: Science and Practice](#)

[Objective History.](#)

[History in Faces](#)

[History of the Great Victory.](#)

[Historiography.](#)

[History of faith, religion, denomination or church](#)

[History of the Cossacks](#)

[Art: history and modernity.](#)

[Works of young scientists](#)

Свидетельство о регистрации

Сайт является средством массовой информации

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-53538 от 04 апреля 2013 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта в ИТС Интернет: NOO-JOURNAL.RU

Договор с Научной электронной библиотекой (eLIBRARY)

№ 320-05/2013 от 27.05.2013 г.

ISSN 2311-1763 **DOI** 10.24411/2311-1763

Примерная тематика и (или) специализация: образовательная, культурно-просветительская в области организации научной деятельности, публикации результатов исследований, развития российского общества, его политической культуры, проблем военной науки и обороноспособности России, отечественной истории, военной истории, противодействия попыткам фальсификации и искажению истории в ущерб интересам России, реклама в соответствии с законодательством Российской Федерации о рекламе

Учредитель: [Кикнадзе Владимир Георгиевич](#)

Главный редактор: Кикнадзе В.Г.

Адрес редакции: 125445, Москва, ул. Левобережная, д. 4, корп. 12, кв. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Тел.: +7(926)336-72-58

Издатель: Сетевое издание "Наука. Общество. Оборона"

Адрес издательства: 125445, Москва, ул. Левобережная, д. 4, корп. 12, кв. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Наши награды: Победитель (2016 г., 2014 г.), Лауреат (третья премия 2019 г., третья премия 2018 г.; третья премия 2017 г.; вторая премия, 2013 г.) Всероссийского конкурса СМИ "Патриот России"

Editorial address for correspondence:

1125445, Moscow, st. Levoberezhnaya, 4, bldg. 12, apt. 32

Vladimir Kiknadze

E-mail: kiknadzeVG@mail.ru; kiknadzeVG@gmail.com

Phone: +7(926)336-72-58

Network Journal "Nauka. Obshchestvo. Oborona"

Registration certificate

The Site is a Mass Medium.

Certificate of **registration** of the mass media: EI No. FS77-53538 dated April 4, 2013 of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

The domain name of the site in the ITS **Internet**: NOO-JOURNAL.RU

Contract with the **Scientific Electronic Library** (eLIBRARY)
No. 320-05 / 2013 of 27/05/2013.

ISSN 2311-1763 (Online) **DOI** 10.24411/2311-1763

Approximate subjects and (or) specialization: educational, cultural and educational in the field of organization of scientific activities, publication of research results, development of Russian society, its political culture, problems of military science and defense of Russia, domestic history, military history, countering attempts to falsify and distort history to the detriment of Russia's interests, advertising in accordance with the legislation of the Russian Federation on advertising.

Founder: [Vladimir G. Kiknadze](#)

Editor-in-Chief: Vladimir G. Kiknadze

Address of the editorial office:

125445, Moscow, st. Levoberezhnaya, 4, bldg. 12, apt. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Тел.: +7(926)336-72-58